

Алик Толчинский

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

Алик Толчинский

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

БОСТОН • 2015 • BOSTON

Алик Толчинский Река времени. *Рассказы*
Alik Tolchinsky River of Times. *Short Stories*
(Reka vremeni. *Rassказы*)

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2015 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-40-6

Library of Congress Control Number: 2015920688

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

Иллюстрации в тексте: А. Толчинский

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

Река времени	9
Маленький рассказ о большой любви	15
Прощание с астрономией	23
Быль-небыль	31
История с авторской заявкой	38
Однажды в лаборатории Дистлера	48
Памятник	61
Краткая хроника долгой жизни	79
Профессионал	95
Подражая Пу Сун Лину	116
Мизантроп	126
Вниз по течению	150
Ветеран	177
Плавание вольным стилем (<i>стихотворения</i>)	201

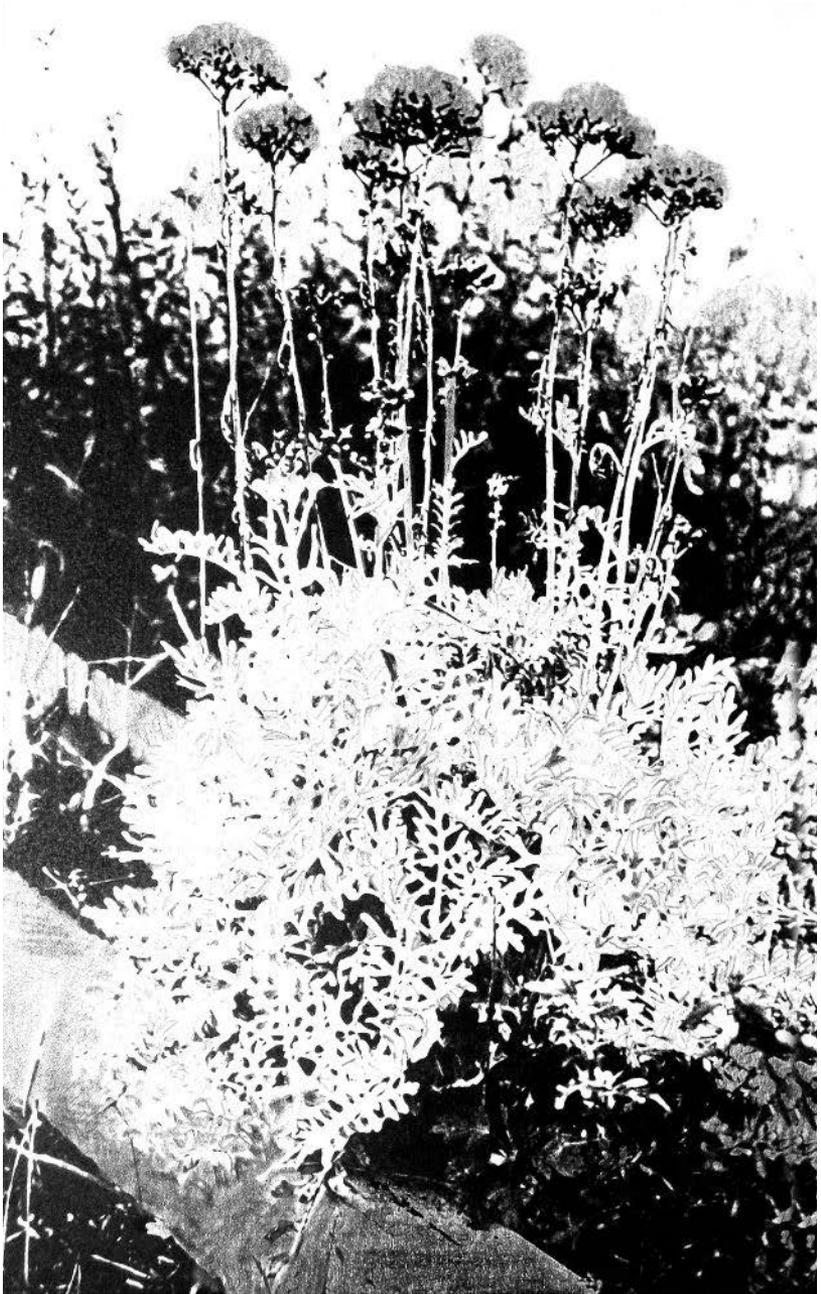
* * *

Несколько слов о сборнике рассказов, который я представляю моему будущему читателю. Главный герой этих рассказов — время. В этом моё мировоззрение согласуется с видением мира Иосифа Бродского, который посвятил многие строки взаимодействию человека и времени. Нельзя согласовать ужас вечного небытия с коротким праздником жизни. Не зря древние греки считали Кроноса самым жестоким и могущественным богом, пожирающим своих детей. Смертному остается лишь смириться и обрести забвение в воспоминаниях о былом. Меня давно беспокоит один вопрос: почему, понимая, как быстротечна жизнь, мы так плохо относимся друг к другу? Когда животные дерутся насмерть из-за еды, они действуют по закону природы — выживает сильнейший. Они не способны мыслить отвлеченно о будущем, но мы ведь прекрасно осознаем, что участь всемогущего тирана и последнего босяка, отщепенца — одна и та же! Я даже нахожу в этом высшую справедливость, хотя очень жаль всех хороших, работающих, талантливых. Что может быть ужаснее бессмертного тирана?..

Есть в моем сборнике один рассказ «Подражаю Пу-Сун-Ли-ну», в котором я попробовал исследовать модель поведения человека, отягощенного комплексом неполноценности на сексуальной почве. Я думаю, что доктор Фрейд меня бы вполне понял. Пусть читатель не будет оскорблен эротическим фоном этого рассказа. Мужская импотенция является причиной тяжелой депрессии многих. Если этот рассказ вызовет смех, я буду считать, что не достиг своей цели.

Вне зависимости от того, понравятся ли вам мои тексты, или вы будете утомлены, разочарованы, я желаю вам всем долгих радостных лет и тихого, безболезненного усновения.

Алик Толчинский

А. Толчинский. *Возраст осени*

РЕКА ВРЕМЕНИ

Максим познакомился с супругами Шоенберг в 1973 году в первое их посещение России. Они решили составить компанию в турпоездке двоюродному брату его жены (кузену, если говорить проще), который отважился на это приключение вместе со всей своей семьей, включая родителей и троих взрослых сыновей. Наши доблестные органы тогда зорко следили, чтобы зарубежные родственники не слишком уставали от личного общения с советскими братьями и сестрами; поэтому в течение двух недель гостям предписывалось посетить несколько городов, растрясая остатки американского жирка на ужасных российских дорогах. И всё-таки советской родне удалось устроить три большие пьянки, которые американцы эвфемистично называют *party* — оно и понятно, — у них на таких сходках (тусовках) пьют Pepsi-колу или Джинджер, а у нас подавляющее большинство потребляет водку. Используя в основном язык жестов и мимику, русские упоили всех американцев, кроме престарелых родителей, и упились сами.

Ясно, что в таком состоянии все были предельно открытвенны друг с другом. Шоенберги оказались на редкость симпатичными людьми. Его звали Карл, её — Анна. Их предки в начале двадцатого века приехали из Германии. Карл преподавал музыку, а она была учительницей литературы в обычной школе. По части литературы русские, конечно, были подкованы на все сто, и Максим с женой — часть очень большой московской семьи — вцепилась в гостей мертвой хваткой. После выпитой поллитровки все пришли к одной, но очень важной мысли: надо уезжать отсюда и как можно скорее. С мужской, окосевшей точки зрения, Анна выглядела шикар-

но. Блондинка с яркосиними глазами, длинноногая и подтянутая, одним словом, — фотомодель, как сейчас говорят про таких женщин. Пока русские пили, американцы всё время их фотографировали со всех углов, однако Максим заметил, что Карл предпочитал снимать свою жену в разных ракурсах отдельно от всей группы. Он не преминул тут же сообщить об этом Анне на ушко. «О, это его хобби с первых дней нашего знакомства», — весело отмахнулась она.

Через три года визит американцев повторился, но на сей раз приехал только кузен со своей родной сестрой. Дети их учились в разных колледжах, да к тому же одного посещения им хватило вполне. Наши турфирмы предлагали всё тот же джентельменский набор — Москва-Кремль, Ленинград-Эрмитаж и путешествие по Золотому кольцу с дрянным обслуживанием в гостиницах и несъедобной пищей в ресторанах, куда никогда не подвозили фруктовых соков. Опять собралась вся московская родня, молодое поколение с энтузиазмом распило три здоровенных бутылки «Сибирской» водки, которую американцы купили в «Березке», все много шутили и много смеялись, переводили на английский политические анекдоты, которые и на русском уже навязли на зубах, как и все разговоры про идиотизм советской власти.

— А как поживает семья Шоенберг? — спросил Максим. Кузен нахмурился. — «Анна погибла месяц назад в автокатастрофе». — «Майн Гот! — воскликнул Максим, мгновенно позабыв английский. — Как это случилось?» Случилась банальная история. Ехали с пикника вечером в воскресенье, встречная машина ослепила Анну и она потеряла ориентацию. Машина влетела в кювет. Всё. Карл отделался переломом ключицы. Однако его душевное состояние внушает глубокое беспокойство. Наверное, его поместят в клинику невротиков, если не в психушку...

Река московской жизни продолжала течь в прежнем русле. Через двенадцать лет Максим съехался с тещей в большую четырёхкомнатную квартиру, где американский кузен посетил их проездом. Он направлялся в Бухару и Самарканд в одиноч-

ку. В нашей стране как раз началась перестройка, и все, кроме КаГЭбэшников, как последние идиоты, радовались тому, что теперь можно читать всё-всё-всё, совершенно не предполагая, что вскоре нам всем будет нечего жрать. Пришедшие к власти демократы во главе с сильно пьющим президентом не имели никакого опыта управления огромной страной. Они не понимали главного в нашей удивительной плановой экономике — какими пружинами и какими клапанами она приводится в действие? На самом деле, стране был необходим новый НЭП, но с сохранением прежних государственных структур, которые кое-как справлялись с беспрестанно возникающими провалами и поддерживали элементарный порядок. Кузен слушал Максима и кивал головой. Половина русской родни уже разъехалась по разным странам, одна семья даже переселилась в Болгарию. Оставшиеся планировали переехать в США, пока туда принимают. Максим спросил кузена, как поживает Карл. — Он по-прежнему преподавал музыку, но совершенно потерял вкус к жизни. О повторной женитьбе не желал и думать. Виделись они крайне редко. — Когда почти не встречаешься, контакты ослабевают и становится неинтересно друг с другом, — заключил кузен.

Еще через пятнадцать лет Максим с женой почувствовали, что они остаются практически одни в своей большой и уже никому не нужной квартире. Река времени приближала их к порогам, и они должны были решить, то ли плюнуть на квартиру и стать беженцами, то ли подплыть к берегу и выстроить там шалаш подешевле, в котором вместе с милой можно попытаться найти райское наслаждение. Как назло, цены на квартиры в Москве стремительно упали, так что на длительную жизнь в шалаше почти ничего не оставалось. Так Максим оказался в Америке. Он осел в маленьком городке штата Массачусеттс и вскоре оказалось, что он обречен на вечное безделье, с крышей над головой, медицинскими услугами и достаточным количеством денег. Река жизни потеряла течение и превратилась в пруд. Пруд быстро зарастал и грозил превратиться в болото. Магазины вокруг были

полны продуктов, стоять в очередях и просить продавцов не класть на весы кости и жир не приходилось. Эмигранты из России почти все субботы и воскресенья посвящали утреннему объезду ярд-сэйлов, на которых задешево покупалось великое множество вещей. Вещи складывались в шкафы, работающие с явной перегрузкой. Некоторые из новых знакомых настолько увлеклись покупками, что их квартиры провоняли насквозь несвежими книжками, шмотками и обувью. Наступила эпоха безудержного потребления.

Максим был равнодушен к театрам еще в России, а что касается музыки, то ему было достаточно классики, которую он слушал на одной и той же частоте каждый день с утра до вечера. Было у него еще пятьдесят три телевизионных канала, и чего, спрашивается, было ему таскаться по концертным залам? Общения с американцами не получалось. Его английский оставался всё тем же ломаным русским-английским, не позволявшим передать сложные мысли и ассоциации. К тому же американцы читали другие книги, у них был другой менталитет, русские не понимали их юмор, а они не понимали наш. Они видели, что престарелые эмигранты ни в чем не нуждаются, значит они выполнили свой долг перед Богом, помогая другим. В таком духе кузен однажды и высказался. Движимый чувством благодарности, через десять лет Максим посвятил ему свой, выпущенный на английском, сборничек рассказов. Может быть, ему это было приятно... А чем еще он мог его отблагодарить?.. Кузен с женой были весьма зажиточными людьми, жили в прекрасном собственном доме, за их участком ухаживали приезжие латиноамериканцы. Их дети работали на престижных работах и вовсе не спешили контактировать с русскими детьми.

Образ жизни, конечно же, сказывается на образе мышления. Если вместо похода в лес или в отдаленную мастерскую за новым инструментом для резьбы по дереву ежевечерне перебирать ногами по одной и той же набережной, встречая одни и те же лица, и слышать одни и те же шутки, то можно сильно и безнадежно поглупеть. Неизвестно, относится ли

это к женщинам, но мужик должен заниматься делом, чтобы не впасть в пьянство или маразм. На некоторое время Максим пристроился в местный колледж, где помогал отстающим студентам по химии и математике. Однако по финансовым причинам деятельность преподавательской группы прекратилась. Потом пару лет он делал то же самое, но бесплатно. Потом пришел новый начальник, который запретил волонтерство. От «нечего делать» Максим начал сочинять рассказы про свою прежнюю жизнь. Потом он попробовал себя в дизайне и графике и даже участвовал в ряде годовых выставок в местном центре искусств. Потом в Сити-холле решили, что эти выставки городу ни к чему, и с тех пор в огромном и прекрасном зале стояли сдвинутые и опрокинутые стулья.

Всем известно, что обстоятельства сильнее многих из нас. В силу обстоятельств Максим остался в конце концов совершенно один, обеспеченный выше головы не только всем необходимым, но имеющим достаточно средств, чтобы заняться скромным коллекционированием. Он стал, как в молодости, собирать марки и монеты. Субботы он проводил на блошином рынке, роясь в старых бумагах. Иногда ему везло, и он притаскивал в свою берлогу несколько конвертов с марками конца девятнадцатого века. Привычка внимательно смотреть под ноги и вокруг быстро укоренилась. Однажды, проходя мимо соседнего дома для малообеспеченных граждан, он заметил большую картонную коробку, из которой торчали альбомы-скоросшиватели. Возбуждись от любопытства, Максим вытащил пару из них, открыл и увидел множество слайдов, уложенных в идеальном порядке в специальные пластиковые прозрачные карманчики. Проезжавшая мимо в инвалидном самоходном кресле знакомая поведала ему, что владелец этого богатства недавно отошел в лучший мир, а квартиру его управление собирается ремонтировать, вот вещи и вынесли. Наследников и родственников нет. А он, бедолага, много лет не выходил из дому, что-то у него случилось с позвоночником. Ходила к нему обслуга, готовила еду и мыла. А был он раньше, до болезни, учителем музыки...

Максим кивнул, прихватил пару альбомов, чтобы заменить чужие слайды на свои монеты, и вернулся домой.

Вытащив наугад пяток слайдов, он тотчас узнал Анну Шоенберг такой, какой она была не менее сорока лет назад. Портреты в полный рост встречались не столь часто. Она в основном безмятежно сидела, не глядя в объектив фотоаппарата. Переводила взгляд слева направо вверх, или просто вбок. Подбородок то чуть ниже, то чуть выше. Иногда с книгой в руках. Десятка два слайдов показывали её за балетным станком. У неё были полные, но, видимо, сильные ноги, и она их легко подымала вверх и в стороны. Зад был тяжеловат для балерины, но, думается, она просто занималась физкультурой и получала удовольствие, рассматривая себя в зеркале... Два тяжелых альбома вмещали семьсот двадцать слайдов! Семьсот двадцать изображений нестарой женщины с приятным и спокойным лицом. Река времени выплеснула её жизнь на отмель, и теперь никто, кроме Максима, случайного свидетеля, не помнил, что она жила, была учителем литературы в школе, что её любил один музыкант. Наверное, бесконечными зимними вечерами он рассматривал свое богатство, покачивая тихонько головой и вспоминая, где и когда он сделал тот или иной снимок.

Все знают, что река времени — это тот поток, в который невозможно войти дважды, это еще древние философы понимали. Но этого мало. Невозможно пройти по этому потоку вверх по течению. Река времени течет и будет течь, пока земля еще вертится, оставляя на своих отмелях не только фотографии и слайды, но целые фильмы, спектакли, библиотеки, коллекции монет и марок, сервизы и хрусталь, приобретенные впрок для потомков, оставленные дома и квартиры, любовь и ненависть, безрассудство и взвешенность, щедрость и скарденность и так далее до бесконечности, пока земля еще вертится, и после того, как она стгорит в лучах нашего солнца, уничтожив последние следы органической жизни, а потом остынет и будет вращаться бесполезным куском тяжелых пород в холодной тьме бесконечного космоса.

МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Сеня Пинскер роста был небольшого. Скрипка сузила и без того неширокие плечи музыканта. Из отличительных черт была у него необыкновенно густая, черная в синеву щетина, которую он брил два раза в день. Нос был некрупный, картошкой, а вот, глаза были яркоголубые. Выпуклые яркоголубые глаза.

Наш Харьков — город довольно большой. Харьковчане не забывают, что был он некогда столицей Украины. Поезд, везущий москвичей из столицы в Сочи, обязательно останавливается в Харькове. Город настолько велик, что в нем есть своя увесистая прослойка интеллигенции. Это те, кто работает в основном головой и любит художественную литературу. Вот, к примеру, мой приятель Яша Гринберг приехал как раз из Харькова поступать в Московскую консерваторию по классу скрипки, но не прошел по конкурсу и потому стал ученым-химиком, доктором наук. Потом он уехал в Иерусалим, где работает по контракту и ждет, когда его выгонят по старости. Тогда он возьмет жену и чемодан тряпок и поедет стариться к сыну в Чикаго. Видите, какие люди выросли в Харькове!

В отличие от моего приятеля Сеня Пинскер состоялся, как скрипач, хотя и не поступал в Московскую консерваторию, а окончил Харьковскую и в то время работал в филармоническом оркестре второй скрипкой.

Общество, в котором он появился впервые, состояло из учителей, врачей, вообще людей, любивших читать книжки. Одна из его знакомых была общественным распростра-

нителем литературы и в ее задачу входило всунуть покупателю с дефицитом заодно пачку партийно-воспитательной дури, на что многие шли с охотой, потому что в те времена еще существовала учеба на манер политпросвета и некоторым, особенно партийным, приходилось иногда выступать с докладами.

Однажды появилась в их интеллектуальном собрании девушка Вероника, ну, очень красивая, высокая, под метр семьдесят, волосы золотые, глаза серые с зеленой искрой, талия тонкая, рот большой, с блистающими белыми зубами. Оказалось, что высшего образования у нее нет, а работает она старшим продавцом в одном из крупнейших книжных магазинов после окончания торгового техникума. Естественно, что люди к ней потянулись. Но Сене её книжки были ни к чему. Сене нужна была она сама. Ничего не поделаешь. Любовь с первого взгляда. Шансы у него, прямо скажем, были никакие. Тем более, что в кругу своих подруг она говорила, что евреи ей несимпатичны. Здесь же, на интеллигентных вечерах она предпочитала молчать и сдержанно улыбаться. Она охотилась за баранчиком пожирнее и не торопилась. В ближайшем окружении ей равных не было. Вы спросите — почему? Да потому что к этому времени подошла эпоха мини-юбок. Скрывать Вероникины ноги природа была уже не в состоянии. Сильные, длинные, гладкие, смуглые. Они радовали, озадачивали и звали мужчин. Они печалили смотревших в зеркала женщин и постоянно заставляли сравнивать несравнимое...

Интеллигентная публика была хитра и наблюдательна. Увидев, как бедный Сеня мается (Сеню они знали не первый год) они решили способствовать его счастью и по возможности оставлять их наедине. Так что спустя месяца три Вероника к досаде своей обнаружила, что ходит туда общаться с каким-то еврейским недомерком, который ест её глазами и ухаживает в поте лица.

После умных разговоров и остроумных анекдотов в интеллигентном окружении, после фортепиано или скрипки,

или того и другого вместе, общество подружек с громогласными и похабничающими хахалями ей совершенно обрыдло. Однако к мужикам её тянуло, как королевскую аналостанку к помойке, и противиться инстинкту она не могла. Сколько раз она налетала на аборт, не сосчитать, но это было её сугубо личным и тайным, а в глазах влюбленного Сени золотая монета не тускнела, а лишь сияла всё ярче, всё оболстительнее. Как только она входила в гостиную, он без стеснения впивался в неё глазами. И не отводил их, и не отходил до самого конца вечера. Если её приглашали танцевать, он либо отвечал «Не разрешаю» на просьбу «Разрешите?», либо если её все-таки удавалось увести, подходил к танцующей паре и со словами «Позвольте вас разъединить!» уводил Веронику на место. Однажды вечером он пошел провожать Веронику, и тогда же у них всё и случилось., но не по её желанию, а от её усталости бороться с его домогательствами. Она его гнала от себя, унижала, всячески доказывала, что он ей не нужен, но его желание обладать ею лишило его гордости. Вся его прошлая, настоящая и будущая жизнь, так аккуратно расставленная по полочкам его родителями, вдруг свернулась в крошечный бессмысленный (без Вероники) комочек, в том числе и предстоящие скрипичные концерты. И вот, из-за того, что без этой женщины всё в жизни обесценивалось совершенно, даже сама жизнь, Сеня смог выиграть битву за своё право любить и обладать.

В один из вечеров Вероника принесла гостям восемь томиков Волошина.

— Вы понимаете, мы все здесь свои, и я не могу брать с вас лишнее, но директору магазина деньги сдать надо, не то в другой раз ничего не получим.

Гости одобрительно загудели:

- Какой разговор! Конечно заплатим! Сколько?
- Всего три цены.
- Задаром! Ур-ра нашей богине поэзии!

Кто-то вынесся за букетом цветов. Это был Сеня. Мокрый, запыхавшийся он ворвался в гостиную с букетом пунцовых

роз и бросил их Веронике на колени под аплодисменты присутствующих.

Когда толпа рассосалась, Сеня наклонился к Веронике и прошептал:

— Я люблю вас, Ника и буду любить вечно! Станьте моей женой!

У Вероники в это время раскручивался очередной роман с одним шофером-дальнобойщиком, но она отчетливо понимала, что ни он ей, ни она ему на дальний срок не нужны. Одно дело страсть, а другое — семейная жизнь. Поэтому в ответ на признание Сени она спросила:

— А ты меня с детьми прокормишь?

— И не сомневайся, Никочка! Мы, музыканты, снимать деньгу умеем. Царских хоромов не купить, но на хлеб с маслом и колбаской хватит, а со временем и машину заведем.

Их роман продолжался. Исступленно жаркий и жаждущий с одной стороны, с другой — снисходительно-прохладный. Если бы Сеня даже очень захотел проверить чувства своей возлюбленной, у него ничего бы не вышло. Он даже придумал прозвище «зачарованная царевна». Ему не приходило в голову, что с некоторыми другими она вовсе не холодна, а напротив, подобна жаркой степной кобылице. Каково же было её негодование, когда она от него понесла! То есть по её подсчетам, виновником мог быть только он. Когда она потребовала деньги на аборт, он валялся у нее в ногах и умолял сохранить ребенка, что вначале вызывало у неё глухое раздражение и желание выругать его по всей матерной форме, а потом она смягчилась и ей стало даже лестно, что он так сильно её любит. Он определенно был счастлив. Он не говорил о своей любви к ней, он вообще не говорил об их отношениях. Он говорил только о нём:

— Ты увидишь, ты его полюбишь, потому что он будет замечательный. Это я тебе обещаю...

Веронике это поразило. Ни страха, ни смятения, ни неуютности не было в его глазах. Словно он каждую минуту

своей жизни был готов к этому сообщению и не сомневался в наилучшем исходе. Ей казалось, что все оставшиеся восемь месяцев он так и простоит перед ней на коленях.

— Наши так не умеют, — думала она.

Нет. Это была не просто любовь. Это было отточенное тысячелетиями утонченное почитание женщины, будущей матери, которая понесет и передаст факел наследственности мужчины его сыновьям и дочерям. Когда однажды Сеня прочел ей Песнь Песней царя Соломона, прочел прерывающимся от эмоций голосом, она почувствовала — эта древняя песнь о ней. Это она способна одним взглядом сделать мужчину счастливым.

Спустя короткое время она пришла к выводу:

— Если хочешь быть счастливой в супружестве, выходи замуж за любящего тебя еврея. — Не бог вещь какая мысль, скорее всего даже банальнейшая банальность, но, увы, всё человеческое счастье держится на банальных истинах.

Свадьбу сыграли в той же дружеской компании. Как выглядит человек, выигравший в лотерею миллион? — Вот так же выглядел жених Сеня. Медовый месяц у него плавно перешел в медовый год. Вероника принесла ему чудесного мальчишку, а еще через год вновь отворились врата, и выпорхнула прелестная девочка.

Мир у Вероники разделился надвое, причем каждая половина была по-своему интересна и не сцеплялась с противоположной. В одной она встречалась с друзьями и коллегами мужа, там велись разговоры о науке и искусстве и редко-редко кто-либо из присутствующих проходил матерком по поводу «свинцовых мерзостей» жизни. Во второй половине она пребывала со своими прежними подругами, которые часто приводили новых приятелей. Они очень интересовались ею и по жадным их вопросам она понимала, что они завидуют её теперешней жизни, ведь её муж не пил и не дрался, занимался воспитанием детей и зарабатывал довольно, чтобы сделать ей к празднику или дню рождения ценный подарок.

Однако в глубине её души тлеяла жажда дикой и необузданной любви с проклятиями и слезами, с неблагодарным любовником, негодяем и пьяницей (а может быть, и вором), которого хотелось бы прощать за побои и низости, умирать в его объятиях и снова безрассудно любить.

Кончилось всё тем, что подружки познакомили её с весьма и весьма крупным мужиком по прозвищу «Большой», который гулял в разных компаниях. В его отношениях с бабами он руководствовался двумя максимами, которыми поделился в пивной со своими корешами: «Бабы — это скот» и «У любовника должен быть больше, чем у мужа». Впрочем, парнем он был неглупым. Со своей должностью прораба на строительстве жилого комплекса справлялся и даже, кажется, был коммунистом.

Внешность Вероники, конечно, ему здорово понравилась, равно как и её самоотдача в постели. Она же прилипла к нему всё сильнее. Короче — в один погожий день они вдвоем с дружкой заявили к ней на квартиру, чтобы решить окончательно вопрос о разводе и новом счастливом браке.

Сеня Пинскер сидел на кровати и пощупывал струну скрипки. В голове была суматоха, а в душе тоска. Он чувствовал, что дело идет к разводу, хотя скандалов и истерик не было. Эта холодная и красивая женщина ухитрилась пройти кусок их совместной жизни, словно его и рядом не было. Уж лучше бы она пила и скандалила.

Когда они вошли в комнату, Сеня всё понял. Он готов был отдать её, если ей при этом будет хорошо, если она действительно этого хочет. Его любовь не позволяла что-либо не разрешать ей, но он должен был убедиться, что всё будет так, как она себе это представляет. Он сходил за детьми и привел их. Глядя в глаза сопернику своими измученными глазами, в которых затаилась тысячелетняя скорбь от нескончаемых мучений и обид, он спросил только:

— Ты женишься на ней?

И столько было в этом вопросе отчаянья и муки, что широкоплечий гигант ответил, может быть, лукавая, кто знает:

— Нет, не женюсь!

Потом соперник ушел, тихо притворив дверь, а Вероника впервые за шесть лет супружеской жизни принялась тихо плакать, прислонившись к дверному косяку.

Говорят, что Сеня Пинскер с семьей уже давно живет в Хайфе. Вероника вполне там освоилась, неплохо знает иврит и работает учетчиком на большом аптечном складе. У них хорошая квартира. Дети растут, заканчивают школу и если не случится несчастий, которыми так богата наша жизнь сегодня, они вырастут хорошими и работающими людьми на радость маме и папе...

Говорят, правда, что имевшая место заключительная сцена выглядела совсем не так. Мужик по прозвищу «Большой» ответил Сене:

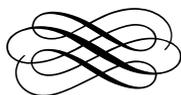
— Женюсь!

После чего Сеня как-то боком вышел из комнаты и пошел к приятелю плакать, а Вероника стала в спешке собирать детей и шмотки, на что Будущий муж сказал ей, чтобы она не суежилась, а денька через два он пришлет за ними машину. Семья поселилась у Большого в однокомнатной квартире и сразу после бракоразводных дел он подал заявление на расширение жилплощади. Строителям, как известно, квартиру дают в первую очередь. Потому что поварам — приварок, продавцам — дефицит, доходам на закрытых предприятиях — казенный спирт. С чем работаем, то и имеем.

Сеня таскался к детям три раза в неделю и даже подменял взрослых, потому что работа у него такая. Вечерняя, как у всех артистов. Большого постная фигура бывшего мужа, разумеется, раздражала, но усыновлять чужой посол он не собирался. Мир в семье сохранялся до первой крупной ссоры. Дети забились в угол и заплакали. Вероника их утешала, а Большой уяснил себе, что в эту семейную историю он влез совершенно понапрасну. Ну, красивая баба, ну, тело ладное. Игры в постели стали привычными, мечты воплотились. Дальше что? Ссоры всё нарастали, особенно по пьяно-

му делу, и через год с небольшим Вероника уже стояла перед дверью своей бывшей квартиры с двумя детьми, четырьмя чемоданами и большим-большим животом. Сеня отворил на звонок и сразу всех обнял. Дети пустились бегать по квартире, вспоминая заветные уголки, а Сеня с Никой сели на диван и всласть поплакали.

Спустя короткое время они уехали в Хайфу, как вы уже слышали раньше от других.

ПРОЩАНИЕ С АСТРОНОМИЕЙ

Еще в шестом классе, лежа с другом Эдиком под южным деревом-инжиром в пригороде Сочи, я любовался открывшимся мне черным небом, в котором горели и переливались бесчисленные звезды. В Москве такого неба я не видел никогда. Большую Медведицу мы знали все — и отличники, и упертые двоечники. Малую Медведицу с её хвостом-ручкой ковша, указывающим на тусклую Полярную звезду, знали немногие. Об остальных созвездиях мы слышали, но никогда не могли их найти в небе, а знаки Зодиака были чуть ли не запретны, поскольку были связаны с не-нашей наукой астрологией, близкой к религии, которая, в свою очередь, была поповской выдумкой и опиумом для народа.

Честно говоря, мы по звездному небу не очень-то и скупались. Очень уж нас одолевали земные заботы — поесть чего-нибудь вкусенького, пострелять из рогатки, прокатиться с громом на самодельном самокате, нарисовать какую-нибудь пакость на стене соседского сарая, покурить найденный на трамвайной остановке окурок или, наконец, получить в библиотеке долгожданную книгу «Таинственный остров» с картинками и читать её вздохом под партой вместо занудного разбора сложно-сочиненного предложения.

Потом, после восьмого класса появилась жажда общаться с девчонками и поневоле в прогулках по вечерам, услышав нежное «посмотри, какая яркая сегодня луна», задирали подбородок вверх и отвечали, что да, луна сегодня необыкновенная, хотя в голове вертелась одна-единственная мысль — как бы её поцеловать... И вот, в десятом классе, кроме психологии, добавилась астрономия. Тоненькая кни-

жица в твердом переплете с какими-то формулами и серыми изображениями планет и схемами их траекторий. Полистал и отложил. Скучно.

С учителем астрономии у дирекции вышла незадача. Не смогли отыскать до начала учебного года. А нам-то что! Меньше предметов — меньше головной боли. Наконец, появился-не запылится. Лысый, худой, в круглых очках. Оказалось впоследствии, что он работал в Московском планетарии лектором. Помните старый планетарий? Нас туда водили разок на экскурсию. Тоска и скука. Огромный шар с изображением звездного неба в вестибюле помню. Больше ничего. Но вот астроном открыл рот и мы просто заслушались. Особенно, когда он рассказывал, как церковь натравила убийцу с Западной Украины на писателя Бруно Ясенского, который пал жертвой мракобесия. Я потом, уже студентом, видел его книгу «Человек меняет кожу». Там на желтом фоне переплета человек в тюбетейке махал кайлом. Мой приятель Демидов называл эту книгу «Бруно Ясенский меняет кожу». Было смешно. Мы вообще, в студентах, очень много смеялись. Часто говорили: «Я вам морду побью, отец Федор!» и опять смеялись. Но тогда, в школе, сидя за партой, мы были взволнованы — вот какие мерзкие дела творит католическая церковь во главе с Папой Римским!

Потом астроном начал рассказывать о воззрениях древних египтян на строение солнечной системы, потом о системе Птолемея, потом задал странички в учебнике и задачи. Я пошел домой, посидел в тесноте и скуке, поел и слинял на улицу. Потому что обязательно попросят сделать что-нибудь неприятное: или вынести мусор, или еще хуже — вонючее ведро с помоями, или пойти развесить во дворе белье. Так пролетела неделя. Опять пришел астроном. И тут же начал вызывать к доске отвечать. И надо же было такому случиться, что он выкликнул меня: «Трастанецкий! — и сверкнул очками. — Расскажите про систему Птолемея».

Я начал чертить круги и вспоминать, что там в учебнике сказано. Астроном послушал меня всего одну минуту и ска-

зал: «Это бред! Топайте на место!» Нервный какой-то. Я пошел отдыхать и слушать, а он вызвал Гонзючку, отличницу. Такая вся чистенькая. В белом-белом передничке. Она рассказала то, что и я собирался рассказать, и астроном сказал: «Отлично! Спасибо». Потом он начал нам травить всякие другие истории, потом про перигелий и афелий... Тут я отключился и задремал. Потому что плохо спал. Сестренка орала всю ночь, у неё живот, наверное, болел. Родители шастали туда-сюда. А мы жили в комнате 12 квадратных метров, и я спал на диванчике с высокой полочкой, на которую мама наставила любимые вазочки. Если во сне стукнешь посильнее задом или коленками по спинке дивана, сразу все эти дурацкие вазочки летят тебе на голову и другие части тела.

Ну, ладно. Подошел конец первой четверти, и наш астроном слинял. И никого дирекция больше не нашла, и мы больше астрономией не занимались. Всё. Точка. А когда пришла пора получать аттестат зрелости, выяснилось, что у меня в журнале ничего, кроме той двойки, которую мне вlepил астроном-придурок, не стоит. И значит, в аттестате зрелости у меня должны стоять *два балла*! Хрень, — скажете вы. А как с этой хренью бороться? Тут, я думаю, до наших дур — классной руководительницы Нины Дмитриевны и директрисы Екатерины Порфирьевны дошло, что таких аттестатов не бывает. В результате тяжких раздумий они решили совершить подлог и втиснули в журнал после двойки четверку. Ну, не дуры? Поставили бы пятерку, вывели бы среднегодовую четверку и был бы у меня красивый аттестат. А тут, смотрите-ка: алгебра — 4, геометрия — 5, физика — 5, химия — 4, литература — 5 и так далее и вдруг астрономия — 3. А мне эта старая дура директриса, когда вручала аттестат, говорит с улыбкой: «Замечательный аттестат, жаль только, что одна троечка портит вид». Долго я потом не любил астрономию. Чего там в небе разглядывать, когда на земле такой бардак творится? А может быть, это только в нашей идиотской школе номер 142?

Прошел год. Летом я поехал с друзьями-студентами на целину в Казахстан. Там мы с утра до вечера махали лопатами,

ели суп-лапшу с кусками свиной неопаленной кожи, мерзли в палатках и пели замечательные советские песни, которые нам строить и жить помогают. На обратном пути мы услышали по радио, что наша страна запустила в космос первый искусственный спутник. Этот спутник мы вскоре увидели в небе, он довольно быстро перемещался среди бесчисленных звезд — крошечная такая звездочка — и кроме того, он всё время подавал сигнал, что он жив: пи-пи-пи-пи... В газетах объяснили народу, что это всё благодаря социализму. На третьем курсе мы уже знали, что советский карлик на голову выше американского и что советские транзисторы самые большие в мире. Мы еще не знали о расстрелах рабочей демонстрации в Новочеркасске, но анекдоты про идиотизмы Хруща гуляли во-всю. Впрочем, успехи в космосе всех нас впечатляли, а детишки все поголовно, начиная с ясельного возраста, мечтали стать космонавтами.

По законам Кеплера, особенно по третьему, я не скучал, потому что никогда не решал даже элементарных задач по астрономии. Да и зачем она мне? Я учился на химикатехнолога и понимал только, что мы обошли америкосов, потому что наши ракеты лучше, а ракеты — это прежде всего оружие. И топливо в ракетах у нас тоже лучше. И если они к нам сунутся, то им мало не покажется. Поэтому, признавая наш приоритет в космосе, я не понимал, на кой черт надо было посылать собак, потом Гагарина, потом Леонова с его выходом в космос. Что там делать? Все равно жить там невозможно. Где взять кислород и воду, так чтобы хватило на годы? Ведь дураку ясно, что расход никак с приходом не согласишь. Некоторые фантасты предлагали брать с собой растения, чтобы они поглощали углекислый газ и выделяли кислород. Я прикинул, что для команды в десять человек, летящих на Марс, нужно послать с ними в космос сотен пять гектаров с живыми растениями, и всё это хорошо вернуть в мокрую тряпочку, чтобы растения не засохли.

Ну, кто же мог в шестидесятых годах догадаться, что благодаря спутникам мы сейчас имеем возможность общаться

со всем миром, не вылезая из койки. А то, что американцы восемь раз слетали на Луну и даже привезли целый грузовик образцов, надо еще как следует проверить. У них, в мире капитала, за деньги могут такое кино снять, что все поверят, будто в вакууме можно жить и работать и даже скакать в скафандре. Вот, наши послали аппарат, дышать ему не нужно, пить-есть не нужно, продуктов выделения, соответственно, нет. Аппарат там, на Луне, поползал туда-сюда, собрал полкило песочку и улетел на Землю. Я лично этот песок под микроскопом рассматривал, когда учился в аспирантуре.

Может быть, что так оно просто совпало, но с момента первого полета в космос и до наших дней прошло чуть больше 50 лет (с момента телефона с крутящейся ручкой и фразой «Барышня, дайте мне Смольный» до мобильного — всего сто лет). Я хочу сказать, что мир кардинально переменялся на наших глазах. Теперь-то меня хлебом не корми, только дай поглядеть на фотографии Вселенной, дай послушать и посмотреть лекции Стивена Хокинга. Вот она какая стала, астрономия. А ведь начиналась она для нас с той тоненькой книжицы со скучными таблицами и рисунками. Вот, если бы можно было, как в сказке, показать школьникам 1956 года выпуска фотографии, сделанные с помощью телескопа Хаббла, думаю многие из нас, и я в том числе, вдохновились бы, полюбили астрономию, хотя далеко не каждый, слабомыслящий гомо-сапиенс способен понять небесную механику, а астрофизику вообще понимают единицы. Многие из нас похожи на старого пастуха из самой-самой далекой деревушки, который случайно попал в столичный универсальный магазин, полный потрясающих товаров, и вот, ходим мы, и смотрим мы на товары, и никак не можем понять, что это такое там выставлено и как это всё используют.

Понятно, что за шикарными изображениями и увлекательными теориями стоит бесконечный повседневный труд больших коллективов ученых и инженеров, но публике и тем, кто распоряжается финансами, подавай результаты в доступной, развлекательной форме, иначе не получишь

денег на исследования. А результатов иногда приходится ждать годами. Не знаю, существует ли Муза науки, но у Пушкина сказано здорово: «Служенье муз не терпит суеты...». Вот, кстати, я вспомнил карту звездного неба, 60-летней давности, снятую с северного и южного полушарий, в виде негатива: огромное число черных крошечных кружочков. Некоторые из них столетия назад были соединены тонкими линиями. Так люди обозначали созвездия — проекции трехмерного бесконечного мира на плоскость сетчатки глаза, которым люди давали разные названия. Древние считали небо сферическим потолком, к которому прибиты светящиеся разными цветами звезды и планеты. Но знаете ли — Стрелец, к примеру, совсем не похож ни на стрельца, ни на кентавра, как ты ни соединишь звезды линиями. Надо же иметь воображение древних и видеть небо каждый вечер, восхищаться серебряными нитями «падающих звезд» и придумывать им объяснение, пугаться больших пролетающих метеоритов и хвостатых комет, застывших в межзвездном пространстве, и ждать от небесных знамений неотвратимых бедствий... Сейчас мы не испытываем этих страхов, а сложнейшие астрономические вычисления нам скучны, потому что мы дураки, хотя некоторые из нас прилично зарабатывают. В крайнем случае, мы способны открыть страничку Интернета и через секунду прочесть текст, вмещающий столетия поисков, неудач и открытий:

«В созвездии Стрельца (не путать со знаком Зодиака) находится точка зимнего солнцестояния, а также центр Галактики, удаленный от нас примерно на 30 000 световых лет и скрытый за облаками межзвездной пыли. Считается, что в Стрельце располагается самая красивая часть Млечного Пути, множество шаровых скоплений, а также темных и светлых туманностей».

Честно говоря, сейчас этот короткий текст я воспринимаю так же, как музыку пятой симфонии Бетховена, настолько он мне кажется величественным. Хотя ни в музыке, ни в астрономии я совершенно не разбираюсь. Восхищаюсь, не по-

нимая сути. Вот так же я восхищаюсь далекими предками, открывшими, что через Полярную звезду проходит мировая ось. Вы сами можете убедиться в этом, нацелив объектив старомодного фотоаппарата на район обитания Полярной звезды и поставив фотопластинку на всю ночь. Утром, после проявления фотопластинки вы увидите множество концентрических колец — следов, оставленных звездами, а в центре будет едва заметная черная точка — Полярная звезда.

Вообще всё надо делать во-время, но это — ложная житейская мудрость. Я думаю, что мозг развивается у всех с разной скоростью, до разного предела и у каждой личности свои приоритеты. Помнится, как я пытался над задачками по аналитической геометрии на первом курсе, а про диффузы и говорить нечего. А спустя сорок лет в Америке, будучи пожилым беженцем, с огромным удовольствием учился математике в местном колледже. Куда, черт его подери, подевался Мефистофель? Я бы попросил его в обмен на источенную мелкими страстишками душонку дать мне снова сорок лет, но не для того, чтобы бегать за девками, а для того, чтобы освоить, наконец, основы математического анализа и заняться достойным делом, внести свою лепту в расшифровку тайны темной материи что-ли... или придумать, как изменить человеческий геном, чтобы упростить проблемы пищеварения в связи с планированием длительных космических путешествий... или сделать открытие по самозащите организма от любых вирусов... Однако всё это мечты, мечты. Фарадей, Ньютон, Эйнштейн — одиночки в человеческом океане серости, глупости и пошлости. А мы все остальные, собравшиеся вокруг с мобильными телефонами или айфонами — всего лишь свидетели (*spectators*) полученных результатов. Так что прощаемся с грустью в сердце и с астрономией, и с астрофизикой, и с космической биологией и займемся нашими мелкими житейскими проблемами, которые еще древние называли *Vanitas Vanitatum*.

А. Толчинский. Он знает!!!

БЫЛЬ-НЕБЫЛЬ

Семен Кавун, старший научный сотрудник института физической химии, любил воскресным утром выйти не спеша из дому на рынок и прикупить на неделю картофель, морковку, лук и капусту. Он хорошо разбирался в овощах. Отец брал его еще мальчишкой с собой на Тишинский рынок, когда они жили недалеко от Белорусского вокзала. С детских лет ему привилось серьезное отношение к еде, как особой ценности жизни, потому что еды всегда было мало, а зарплаты у родителей иногда не хватало, чтобы дотянуть до конца месяца. В таких случаях отец брал Семена в гости к дяде, живущему в Люберцах, там они сидели с часок, пили чай, а потом отец говорил одну и ту же фразу: «дядя, одолжите мне тысячу, пожалуйста». Потом они подымались, прощались, и дядя гладил Семена по голове, приговаривая: «Твоя головочка совсем золотая, так хочется её гладить». Как родители выкручивались, возвращая тысячу, Семен не знал, а когда вырос, усвоил одну простую истину — занимаешь чужие деньги, а отдаешь свои и поэтому никогда не брал денег в долг и не любил одалживать другим, особенно друзьям. С другом Мишкой они расстались как раз по этой причине. Тот попросил сто рублей на год и два года не возвращал, Семен не выдержал и потребовал деньги назад. Мишка принес, но они разругались, потому что Мишка считал поступок Семена безнравственным.

Сейчас Семен, не торопясь, шел с Измайловского рынка, нес в рюкзаке десять килограммов хорошего сухого картофеля, вдыхал свежий утренний январский воздух и, решив продлить удовольствие, повернул в сторону старинной церкви полюбоваться сиянием её куполов в утреннем солнце.

За оградой толпилась масса народа, сегодня было утро праздника Рождества Христова. Радостную обстановку праздника нарушали пьяноватые громкие голоса. Войдя в ограду, Семен услышал окончание спора. Оказалось, что Бога нет, потому что ни наши, ни американские космонавты ничего похожего не видели. Орала два парня из пьяной компании. Пожилые, в основном старухи, причитали, что надо вызвать милицию и гнали обидчиков вон с церковного двора. Семен закурил и с любопытством ждал, чем закончится противостояние.

Его внимание привлекла благородной осанки пожилая гражданка, которая заговорила негромким низким голосом, заставившим агрессивную компанию притихнуть на время. «Вы говорите, что Бога нет и быть не может, но если вас вытаскивать из теплой квартиры и поставить перед лицом разразившейся бури, вы быстренько начнете молить Бога о спасении. В молодости я однажды с подружкой попала в ужасную грозу. Мы спрятались в шалашике, но нам казалось, что молния обязательно нас найдет и поразит. Моя подружка тоже славилась вольнодумством, как вы, но после особенно сильного разряда, который ударил рядом с шалашиком я услышала её стон «Господи, Боже мой!»

— Прошу прощения, пардон! — перебил пьяный голос. — Я бывал в разных переделках, на флоте служил, с геологами в партии ходил пять лет, все ваши бури и грозы — чепуха. Главное — не терять головы... И всё будет в ажуре. — Тут парень сделал неприличный жест, вызвавший громкий смех компании.

Сигарета у Семена погасла. Он полез было за спичками, но заметил рядом мужчину, крутящего зажигалку.

— Позвольте прикурить?

— Не работает, — ответил тот. — Точно знают, что бога нет! — продолжил он, показав глазами на компанию.

— А я совершенно с ними согласен, — сказал Семен. — Для меня, лично, вопрос о существовании Бога решен раз и навсегда отрицательно. В молодости я читал книгу профессора Донини, где он очень убедительно доказывает, что люди

всегда поклонялись непонятному, или приписывали сверхъестественные свойства разным самым простым вещам — камню, дереву, ветру, луне, солнцу, потом пришло многобожие, где боги вели чисто земную жизнь, а сейчас у нас эра монотеизма.

— Ну, это развитие от простого к сложному ничего не доказывает. Естественный путь приближения к истине. Через пару тысячелетий, если человечество само себя не уничтожит, придет новая система оправдания жизни для тех, кто не способен осмыслить существующие законы возникновения и развития живой материи. А ваш Донини — честный коммунист, который выполнил свою работу за русские деньги.

— А две тысячи лет христианства разве не достаточный срок? — спросил Семен.

— Нет, не достаточный. Вопрос следует решать в другой плоскости: почему земляне приходят к вере в бога? Неужели бесконечность расширяющейся Вселенной, наблюдение рождения и смерти звезд, столкновения галактик, открытие новых частиц, которые возникли когда-то в новорожденной Вселенной, неужели это всё можно втиснуть в прокрустово ложе веры? Вот, даже такой уважаемый физик, как Михаил Кацнельсон, публично признает, что верит в бога. Впрочем, мы заметили, что для земных математиков и физиков это более характерно, чем, скажем, для биологов, занимающихся биологией клетки на молекулярном уровне. Они ведь уже вполне представляют, как эволюционировала ДНК за последние два миллиарда лет. Вот это срок!!

— Я бы хотел ответить вам на поставленный вопрос конкретным примером, — сказал Семен. — Я был знаком с одним верующим, выпускником Московского университета. Тогда он работал над проблемами очистки промышленных вод. Очень был активный христианин. Я бы сказал, даже агрессивный. Крестился во взрослом возрасте. И фамилия — Успенский. Наверное, предки происходили от священнослужителей...

— Пришел к вере через личное несчастье? — перебил незнакомец.

— Совершенно верно! Как вы догадались? — удивился Семен... — Его обращение явно было связано с самоубийством жены. Застрелилась. Да, так вот, я спросил его, действительно ли он верит, а он ответил в том духе, что, мол, «мы не верим, а точно знаем, что Бог есть. Когда он принимал крещение, он испытал ни с чем не сравнимое ощущение. При входе в храм он почувствовал, как сквозь него прошла волна света, потом это повторилось возле купели и в третий раз, когда его благословил священник».

— Как говорится, — бог *Троицу** любит, — усмехнулся собеседник.

— Да, так вот, однажды я его спросил, почему он верит именно в Христа, — продолжил Семен, недовольный репликами незнакомца, — ведь гораздо более подходило бы его интеллектуальному уровню верование в Бога, как в непостижимую, иррациональную сущность, абсолютный разум, диктующий законы развития Вселенной, котором у нет дела до каждого человека в отдельности. Он же мне ответил, что ему плевать на такого бога. Ему, видите ли, нужен Бог, к которому он может персонально обратиться и Который, он уверен, его услышит.

— Вы оба правы, — заметил незнакомец, — просто ему нужен Христос, а вам иррациональный бог типа Яхве. А вообще Ветхий завет полон противоречий, несуразностей и если он действительно надиктован Высшей силой и Высшим разумом, то люди, пишущие под его диктовку, явно плохо слышали, иначе они бы не написали, что человек создан по образу и подобию Божьему. Любой эволюционист скажет вам, что человек создан на молекулярном уровне по образу и подобию тех существ, которые жили до него, а шимпанзе вообще почти не отличается от вас. Разумный человек вообще появился на земле почти вчера, и разум ваш пока еще не со-

* игра слов

зрел, потому что вы ведете бесконечные войны и истребляете во имя idiotских сиюминутных целей всё, что поддерживает жизнь на вашей прекрасной планете. Вам предстоит еще долго эволюционировать. Вы должны перестать потреблять мясо и растения. Вы должны редуцировать кишечник, изменить функции внутренних органов и многое, многое другое. Кстати, ваш человек разумный не может управлять планетарной цивилизацией, потому что такие понятия, как справедливость, честность, доброта и, разумеется, любовь к ближнему — это всё атавизмы. Это говорю вам лично я, как представитель цивилизации, которая старше вашей на добрых десять миллионов лет.

«Врет, небось, как сивый мерин», — пронеслось в голове у Семена, — «или сумасшедший, сбежавший из психиатрической клиники. Как бы не укусил...»

Семен вытащил новую сигарету, размял и протянул руку к зажигалке незнакомца. Тот охотно отдал её. Зажигалка щелкнула, появился огонек, Семен прикурил и протянул её обратно. Но незнакомец исчез. Семен стоял, протянув руку к старой липе. Оглянувшись, он увидел старуху, которая глядела на него белыми от ужаса глазами и часто крестилась, приговаривая: «Свят, свят, свят...».

«Что же это? Выходит, что я полчаса беседовал с голографическим изображением... но зажигалка-то, вот она», — думал Семен. В этом странном устройстве было маленькое окошко, которое он сразу и не заметил, в нем горел зеленый свет, что-то вроде современного фотодиода. Приблизив окошко к глазу он тотчас увидел незнакомца. Тот улыбался и грозил пальцем. Еще раз осторожно оглянувшись, как бы не желая быть уличенным в чем-то недозволенном, Семен сунул зажигалку в карман и поспешил домой. Он решил не рассказывать жене подробности, а просто показать ей дикувинку. Жена стояла перед плитой и мешала деревянной ложкой в эмалированной кастрюле.

— Что так долго отсутствовал? Давай, почисть быстро пару морковин и луковицу...

— Ты посмотри-ка лучше сюда, в это окошечко, — сказал Семен.

— Куда я еще должна смотреть, — недовольно буркнула жена.

— Гляди в светящееся стеклышко, — вкрадчиво зашептал Семен.

— Ничего в этой старой зажигалке не светится, — недовольство жены нарастало.

Семен озадаченно посмотрел на плоскую коробочку, потом приподнял крышку. Внутри она была залита какой-то черной смолой, в которой застыла плоская стекляшка, похожая на старую перламутровую пуговицу. С досады он кинул приобретение в мусорное ведро и принялся за морковку.

— Что за глупости у тебя на уме, — сердито укоряла его жена. — Чем гулять почти два часа по рынку и вокруг и подбирать всякий мусор, лучше помог бы мне приготовить обед на неделю. Сережка наш опять тройку по математике получил. Пойди, выясни, что ему непонятно...

Как же потом Семен сожалел, что в раздражении выкинул единственное вещественное доказательство происшедшей встречи с гостем из другого мира. А ведь он мог бы у себя в институте исследовать материал зажигалки и смолу, и стеклышко... Неделю спустя он зашел на кафедру философии к знакомому доценту и рассказал в общих чертах о своем приключении. Выслушав его рассказ, философ фыркнул: «Это всё?.. Слушай, твой воображаемый собеседник был явным аферистом со способностями к гипнозу. Удивляюсь, что он тебя не обчистил».

— А как же зажигалка? — спросил Семен.

— Пить надо меньше! — воскликнул философ, — но чаще, — прибавил он, доставая из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка «Варцixe». Вот, аспирант привез из Грузии.

— А что ты скажешь о вере в Высший разум? — спросил Семен после четвертой рюмки.

— Любая вера проистекает только из внутренней потребности верить, — ответил философ, а если такой потребности нет, то никакие чудеса не помогут.

— Даже если перед твоими глазами прямо сейчас из вот этого угла комнаты вылетит божий серафим?

— Даже если прямо сейчас вылетит из угла серафим, а за ним баба-Яга в ступе!

— Но почему же?!

— Да потому, что я тут же начну искать естественное объяснение увиденному: гипноз, галлюцинация, лишняя рюмка коньяка, наконец.

Семен попрощался и вышел на холодную улицу. «Блаженны верующие в меня, ибо их есть царство небесное», — зазвенело у него в ушах. Он тряхнул головой и глянул в затянутое облаками небо. «Ну, и где там вверху Твое царство? — спросил он с вызовом подобно Евгению в знаменитой поэме. — В пятом измерении, куда мы со своими потрохами не пролезем? А душа без тела — это что, голографический фокус-покус? Знаешь что? Не пойдешь ли Ты, если Ты действительно где-то есть, куда-нибудь подальше, к Бениной маме! Вот, Александр Гордон* считает, что Ты когда-то запустил всю эту канитель и устранился, ушел по другим своим делам. Никакой ответственности. А еще зовешься Высшим разумом, Полнотой всезнанья... »

* Известный телеведущий, журналист, кинорежиссер.

ИСТОРИЯ С АВТОРСКОЙ ЗАЯВКОЙ

Всё-таки почему я не оформил тогда авторскую заявку на изобретение? Помню, что пришли ко мне в лабораторию из цеха, где выпускали для армии ртутно-цинковые элементы, которые народ называет батарейками. Что работа со ртутью вредно влияет на головной мозг, уже все давно знали. У наших там наверху начались очередные позывы к улучшению экологии, ну а внизу нужно было, как понимаем, сделать «под козырек»: С-слуш-шаюсь! Бу-сделано!

В пионерском детстве так хотелось поиграть с шариком из ртути... Он был такой тяжеленький и быстро-быстро катился с ладони на ладонь. Пару раз я стырил градусники из маминой аптечки, разбил их, чтобы достать драгоценную ртутную каплю и долго играл с ней. Ртуть была ужас до чего подвижной и закатывалась в любую щель. В конце концов она пряталась в щели, откуда я не мог её достать. На этом игра кончалась. Потом меня поймали на воровстве и постегали ремнем, приговаривая: Не порть нужные вещи!

Когда мы с Сашкой Дмитриевым начали ходить в кружок при Минералогическом Музее, что вблизи Ленинского проспекта, там среди тысяч минералов были ярко-красные образцы киновари. Нам часто доставались крохи из привозимого со всех концов СССР материала и мы, как настоящие исследователи, не только устраивали их в свои самодельные коллекции с ячейками и названиями минералов, но и пытались травить их кислотами и щелочами, греть на газовом пламени и всё это в деревянном пространстве коммунальных кухонь. Там-то я однажды заметил, что при прокаливании на газу красный цвет киновари переходит в металлический блеск, но при остывании красный цвет возвращается.

Каломельный электрод (однохлористая ртуть) был в ходу при определении кислотности растворов, сейчас он практически не применяется, но тогда, в конце пятидесятых он был широко распространен. Нас предупреждали, что каломель ядовита, но мы и не собирались намазывать ее на хлеб. А что в химии не ядовито — по пальцам перечесть можно. Но вот, родственница каломели — сулема это очень опасный яд, и прежде чем убить свою жертву, она её терзает несколько дней, вызывая страшные боли.

Говорят, что в средневековье сулема использовалась очень широко в высоких сферах, там где не хотели делить власть и деньги кардиналы, папы, графы и герцоги, монархи крошечных государств. Картина мучений от яда была, разумеется, известна применявшим и тем слаще была месть.

Пашка Сотников, с которым я работал в Институте Кристаллографии, ставил у себя в комнате рискованные эксперименты по катализу, и бывало, что проливал ртуть, которую потом нейтрализовал хлоридом железа. Как-то получалось, что мы не очень беспокоились о технике безопасности. Однако если вы проходите службу на подводной лодке, где воздухообмен ограничен, натекание паров ртути может в течение одного плавания отравить всю команду. А такими кадрами не разбрасываются. Поэтому и сидят военные приемщики на закрытых предприятиях и следят, чтобы изделия не только соответствовали технической документации, но и были безопасны.

Так вот, однажды ко мне в лабораторию пришли из цеха, где выпускались ртутно-цинковые батареи, чтобы мы могли им контролировать утечку паров ртути при хранении и эксплуатации этих изделий. Должен вам сказать, что для анализа содержания паров ртути в атмосфере до сих пор применяют сложные атомно-адсорбционные приборы, они откликаются довольно быстро — от 6 до 600 секунд. Нам-то вообще торопиться было некуда. Да к тому же мы могли сказать, что помочь не можем — и дело с концом. Од-

нако, пролистывая толстенный том общей химии, я нашел, что однойодистая медь дает яркокрасное окрашивание при контакте с парами ртути. Сказано — сделано. Через полчаса мы наготовили достаточно водной пасты однойодистой меди и намазали её, как масло на бутерброд, на толстую тряпку. Потом мы взяли коробку с 24 батареечками и накрыли этой тряпкой, а чтобы вода не испарялась, мы сверху накрыли наш бутерброд полиэтиленовой пленкой и решили подождать до утра.

Утром наш самый младший сотрудник Гарик прибежал раньше всех и вскрыл коробку. Всё было очевидно и наглядно. Из 24 батареек не текло только пять. Правда, еще пять текло, но слабо. С этими малоутешительными результатами мы пошли прогуляться в цех. Погода стояла отменная, солнышко поливало лысину Владимира Ильича. Территория у нас огромная. Пока дошли до цеха, хорошо проветрились. Замначальника цеха Сизов был как раз в отделе технического контроля. Он взглянул на тряпку в красных кольцевых пятнах и мгновенно всё понял. «Если применять ваш контроль, то надо закрывать цех», — сказал он устало. — «Не умеем мы делать хорошие уплотнения. И никогда не умели. Так что, пусть наши солдатики травятся, как и травились двадцать лет назад. Вам, конечно, спасибо за информацию, а дальше мы будем разбираться сами».

«Жаль», — подытожил мой коллега Вишневский по дороге в лабораторию, — «можно было бы оформить рацуху (рационализаторское предложение) и заработать по 15 рублишек на каждого...».

С тех пор прошло не менее тридцати лет. Я уже перебрался в США, дожил до пенсионного возраста и от бессмысленности жизни решил пройти двухгодичный курс химии в местном колледже, благо в Америке нет возрастного ценза, учись хоть до самых своих последних дней. Учебники были красоты необычайной. На обложке девушка слизывала столбик мороженого, едва умещавшегося на крохотном вафельном

стаканчике: внизу шоколадный шарик, на нем сливочный, а наверху — крем-брюле. Текст на последней странице гласил: «Еда мороженого приносит удовольствие, но знаешь ли ты, что процесс поедания вовлекает множество химических процессов? Буквально сотни различных химических реакций, в которых участвуют карбогидраты, жиры и протеины, возникают в твоём теле, когда ты ешь, обеспечивая себя питанием и энергией. Прочти эссе и учебные материалы в этой книге и ты поймешь, как эти химические процессы и многие другие относятся к твоему телу и миру вокруг тебя». На восьми сотнях страниц предлагались основы общей, органической и биологической химии.

Биологическую химию я совершенно не знал и приходилось изрядно напрягаться, чтобы выучивать тексты к каждой контрольной, а контрольные у нас были по пятницам. Согласитесь, что профессиональному химику никак нельзя было получать оценки ниже «А». К тому же я был самым старым объектом в лаборатории. Старше меня могли быть, пожалуй, только громоздкие музейные весы с плоскими чашками, которые были выставлены за стеклянной витриной, дабы потомки ведали, на каких приборах работали их деды и прадеды. Честное слово, я не пожалел, что снова стал студентом. Мне очень понравилась система изложения материала и главное — я дословно понимал лекции симпатичнейшего профессора Гудмэна, хотя едва разбирал скороговорку своих соседей по восьмому этажу.

Удивительно построен процесс обучения химии в рядовых американских колледжах. На первом курсе нам предоставили возможность измерить теплоемкость меди и железа, а на втором мы титровали соляную и уксусную кислоту раствором едкого натра. Скажу вам по собственному опыту — если человек, проходя курс обучения химии, работает руками в лаборатории меньше трех раз в неделю по восемь часов, настоящего химика из него не получится. Студенты, которым я помогал позже, понятия не имели, как приготовить физиологический раствор или как провести элементар-

ную реакцию, чтобы получить заданный продукт. Зато почти две недели они учились расселять электроны в атомах от водорода до урана. Ценные знания для будущих медсестер, не так ли? Думается, однако, что в Гарвардском университете и других престижных заведениях все-таки учат приемам практической химии на самом высоком уровне.

Незаметно пролетело два года и я взял курс математики, чтобы продлить удовольствие от процесса познания. Кроме того, статус студента позволял мне подрабатывать в качестве репетитора-*тьютора*. Что еще нужно для счастья в свободной стране! В те счастливые времена я изредка захаживал к мистеру Гудману одолжиться незатейливыми реактивами типа концентрированной азотной кислоты для проб на серебро и золото или взвесить образец минерала для определения его плотности. Каждый развлекает себя, как может.

Однажды, зайдя к профессору, я вспомнил, как мы обнаружили истечение паров ртути из батареек с помощью пасты из йодистой меди и предложил ему подать совместную заявку на этот простой и эффективный способ. Профессор оживился и буквально через день, когда я поднялся к нему в лабораторию, он протянул мне результаты поиска: оказывается некие американцы через восемь лет после нашего «изобретения» подали аналогичную заявку и получили авторское свидетельство.

Я почувствовал себя неловко. Вот, заставил человека работать впустую... Мы грустно улыбнулись друг другу. Ничего не поделаешь. В изобретательстве нельзя быть вторым. Как писал Джек Лондон — победитель получает всё!

Я пришел в п/я № 1245 на место начальника лаборатории и проработал там 20 лет, получал 450 рублей в месяц вместе с премиальными и считал себя человеком обеспеченным. Судите сами — помесечная квартплата вместе с телефоном составляла чуть больше 15 рублей. Медицинская помощь и учеба сына нам вообще ничего не стоила, эритромицин,

который я пил от всех болезней, тоже стоил копейки, а про аспирин и говорить нечего.

Когда объявили перестройку с ускорением, я за пять лет превратился в обнищавшего и никому не нужного обладателя картонки с красной круглой печаткой, где мне присуждалась научная степень доктора химических наук. Постигнув смолоду науку выживания в самой прекрасной стране, я, лишившись нормального заработка, перешел на автономное питание. Я прикинул, что прихватывая в продовольственных магазинах разные коробки с детским питанием и пакеты с сухими супами, которые некоторые раззявы даже не замечали — им, видите ли, мясо и сыр подавай, да и сливочное масло впридачу, — короче, я прикинул, что с учетом домашнего запаса консервов мы легко проживем года два, а там, глядишь, дела повернутся к лучшему. Про одежду и обувь — и говорить нечего. До восьмидесяти лет будем обуты и одеты. Мы ж советские! Главное, чтоб не было войны.

Сейчас-то я понимаю очень хорошо, что в СССР никакая перестройка не могла пойти на пользу. И всё потому, что самой сложной операцией в СССР всегда было удаление гланд, то есть всё и всегда делалось, простите, через задний проход. Если бы Егор Гайдар не отпустил цены, начались бы голодные бунты, которые быстро переросли бы в новую гражданскую войну. Вот так мы со всей страной ковыляли к знаменитому дефолту 1998 года, очень быстро теряя завоевания социализма, последние остатки государственного валютного резерва и здравого смысла.

Моя семья стойко держала круговую оборону, пока конгресс США стоя аплодировал каждой фразе первого президента России... И вдруг мне повезло. Бывшая соседка по подъезду позвонила и спросила, нет ли на примете человечка в лабораторию Газпромовского института подземного хранения топлива. Я тут же ответил, что такой человек есть и он жаждет наконец-то начать получать нормальную зарплату, и он согласен делать всё, что прикажут. На следующее утро я позвонил в ту контору и, прихватив выставочный

экземпляр полевого анализатора природных вод, который я разработал еще до перестройки, помчался наниматься на работу.

Должен сказать, что я сделал исключительно верный шаг, прихватив тот приборчик. Это был неординарный инстинктивный поступок. Ко мне сразу отнеслись с уважением и пониманием. Через два часа я предстал перед директором института, а через неделю приступил к работе на новом поприще с зарплатой, в пять раз превышающей ту, которую я получал в своём развалившемся п/я.

В новом институте были успокаивающие старые совковые порядки. Все много писали, а эксперименты в основном проводили на подмосковной базе. Исключение составляла наша аналитическая лаборатория, образованная из двух комнат бывшего студенческого общежития. Там не было даже обычной вытяжной вентиляции, так что первым моим вкладом в благополучие института была грузовая машина, которую я забил до отказа разным лабораторным оборудованием и канцелярскими столами. Двух литров спирта хватило, чтобы наши грузчики с п/я вывезли всё это добро и доставили по указанному мной адресу. Я потом не раз прихватывал с их помощью разный дефицит, расплачиваясь казенным спиртом.

Вскоре состоялся ученый совет Газпромского института, где директор представил меня и похвалил за оперативность в том смысле, что я не просто пришел к ним работать, а пришел с приборами и оборудованием. Члены ученого совета поинтересовались, сколько у меня изобретений, и я честно ответил, что всего четыре и то в области химического анализа. Я тогда еще не считал себя дураком, что не оформил вовремя заявку на определение течи ртути из батареек. Как бы это эффектно звучало — простой и надежный способ контроля безопасности ртутно-цинковых элементов! Но можно понять и меня — получение авторского свидетельства поощрялось премией в 20 рублей. За двадцатку возиться с оформлением не хотелось. То ли дело публикация в академическом

журнале. Денег никаких, но зато сколько чести! Это потом, в середине 90-х, вдруг власти решили выплачивать бедным нашим авторам гонорары за публикации в переводимых на Западе отечественных журналах. Я тогда получил, отстояв полгода в очереди, 500 долларов. Сумма, которая казалась огромной, на самом деле была мизерной для серьезных покупок, разве что в одиночку в Болгарию съездить...

Итак, я влился в новый коллектив и с энтузиазмом приступил к работе. Среди заглядывающих в нашу лабораторию был один очень плотного сложения мужчина по фамилии Борисов. Поговаривали, что он человек опасный и с ним лучше помалкивать. Он же, приходя в лабораторию, раскрывал свой большой белозубый рот и бесцеремонно вмешивался в любой разговор. Он знал всё и обо всём. Несмотря на свой огромный производственный опыт, он так и не осилил защиты кандидатской диссертации, в силу чего к месту и не к месту часто раздражался громкими инвективами против фальшивых кандидатов — дураков и неумех, получающих денежки за свой пустой диплом. Однажды он довел моего начальника лаборатории до иступления. Белый, как мел, Иван Иванович кинулся на него но до морды не достал. Уж очень Борисов был тяжел и здоров.

И надо же было такому случиться, что меня послали с ним в командировку в Башкирию. Я должен был помочь местной аналитической лаборатории определять вредные примеси в газовых смесях, а ему предстояло уломать местное начальство на подписание неких важных бумаг. Должен сказать, что держался он со мной вполне корректно, уходил рано утром и возвращался поздно вечером, как правило, с кем-нибудь из своих знакомых. Они садились за стол, неспешно распивали две бутылки водки, потом гость уходил, а Борисов заваливался спать, храпел и ругался во сне, как людоед поужинавший интеллигентом из современного анекдота. Я, к счастью, спал в отдельной комнате, отгородившись дверью.

Живя бок о бок в течение недели, поневоле начинаешь общаться. Все его похвальбы и внутриотраслевые секреты я про-

пускал мимо ушей, это было не моё, я вообще от природы любопытен. Однако однажды он стал хвастать, сколько у него авторских свидетельств и я наострил уши. Он занимался разработкой подземных хранилищ в отложениях каменной соли целую вечность и дошел до должности главного инженера проекта (ГИПа). В строительстве этих объектов оборонного значения было много технических трудностей, начиная с бурения глубоких скважин и создания пустой емкости путем размывания каменной соли и подачи концентрированного рассола наверх. Рассол далее требовалось доставить по трубам на солезавод или временно хранить и испарять в прудах-отстойниках. Он рассказал мне, что кучу авторских заявок он подал, продумывая и ставя опыты дома с помощью кастрюль, банок и резиновых трубок. Тут мне вспомнился агрегат Остапа Бендера, состоящий из двух бочек, стоящих на разной высоте, и трубки, соединяющей их, но я промолчал.

Пришедший в Газпромowski институт после меня на вакантную должность ГИПа средних лет мужик с большим стажем практической работы на буровых установках, говорил мне месяцев через восемь, когда мы с ним крепко подружились и я стал научным руководителем химической части его кандидатской диссертации: «Все эти здешние застольные академики видели работу по бурению и эксплуатации скважин только в кино, поэтому в своих проектах они допускают жуткие ляпы. Я их тычу в несуразности, которые они наворотили, прямо на совещаниях в присутствии директора, а они стали меня избегать и строить интриги за моей спиной. Борисов, когда узнал о моем желании сделать диссертацию, неделю бегал по институту и орал, что это будет очередное жульничество».

...— Но, ведь авторский гонорар составляет всего лишь двадцать рублей, — сказал я.

Борисов посмотрел на меня, как на глупого школяра.

— Изобретения внедрять надо! — ответил он назидательно. — Я этим в основном и занимался все эти годы. Я ездил

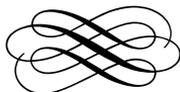
по объектам и внедрял свои изобретения, вписывая дирекцию и разных нужных людей в соавторы.

— И сколько же ты выколачивал в год таким способом? — спросил я, чувствуя ревность от сознания собственной неполноценности.

— Вместе с зарплатой и премиальными получалось около десяти тысяч в год.

Я даже присвистнул от удивления. Пока я надувался, как воздушный шар от сознания своей значимости, Борисов зарабатывал вдвое больше моего и притом с давних пор. Мне на ум приходило, что все его изобретения с использованием банок и кастрюль гроша ломаного не стоят, вот кстати, и мой аспирант отзывался о наших застольных академиках с насмешкой, но я сам ведь ничего не смыслил в его, Борисова, специальности, и не мне было его судить.

Знаю только, что я не использовал свой шанс оформить заявку, которая явно чего-то стоила, прозевал, а потом и забыл начисто и если бы не переезд в США, так бы никогда и не вспомнил о крохотном эпизоде в своей трудовой биографии.

ОДНАЖДЫ В ЛАБОРАТОРИИ ДИСТЛЕРА

Если я сразу расскажу про наше открытие, то вы, наверняка, ничего не поймете. Поэтому я начну с самого начала, когда я впервые переступил порог замечательного института, где научился очень многим вещам и познакомился с удивительными людьми. Эти удивительные люди и там встречались не так уж часто, но важно, что они там были. Лаборатория, куда я направлялся по рекомендации одного молодого и веселого парня, который работал доцентом на кафедре физики нашего ВУЗа, управлялась Григорием Исааковичем Дистлером. Если бы тот доцент вспомнил меня, то никогда бы и никуда не порекомендовал, так как на первом курсе я сдавал ему экзамен и проявил чудеса тупости. Я вообще на первом курсе был, наверное, самым тупым студентом, ну если и не самым-самым, то, как говорится в анекдоте, на конкурсе дураков занял бы почетное второе место (немного скромности и дураку не помешает). Это потом, ближе к окончанию института я постепенно разогрелся и даже имел предложение с одной кафедры поступить в аспирантуру. Тогда аспирантура была лакомым кусочком и потому вскоре был найден чей-то племянничек, которому я, безродный космополит, был обязан уступить дорогу. Но не зря российский народ придумал, что важно иметь не сто рублей, а сто друзей. Мой друг Сашка Шлемов, человек безумно талантливый и щедрый, сказал обо мне тому доценту, и доцент не стал даже со мной знакомиться, настолько он уважал Сашку Шлемова. Он тут же снял трубку и сказал Дистлеру, что человечка для него он нашел. А Григорий Исаакович давно знал того доцента, и тот доцент ему очень нравился...

Теперь, как я надеюсь, вы уже вполне поняли, какими судьбами я попал в ту чудесную лабораторию.

Боже мой, чего только в ней не было! На первом этаже было две комнаты, и в одной из них стоял потрясающей красоты электронный микроскоп фирмы «Хитачи». Он был светлосерый и с изумительными плавными обводами, как будто его собирались запустить в космос. Внутри него царил вакуум до десяти в минус седьмой степени бар, и создавали этот вакуум совершенно бесшумно работающие насосы. Большую часть комнаты занимал российский электронный микроскоп, который напоминал дерево, в которое ударила молния. К нему на помощь время от времени приезжали специалисты из города Сумы, возились с ним неделю, после чего дерево оживало на пару дней, но к тому времени, когда жители города Сумы добирались из Москвы домой, оно снова засыхало. Ну, нельзя же, согласитесь, ради одного неудачного ребенка держать целую бригаду в Москве. Не лучше ли настругать побольше таких же микроскопчиков и разослать в провинцию. Там люди не такие капризные.

Короче говоря, русский микроскоп непрерывно ремонтировался, а японский непрерывно работал. За его столиком царил в белоснежном халате Юра Герасимов. Он очень любил микроскоп, а микроскоп очень любил его и разрешал ему залезать во все свои внутренние органы.

Рядом была комната, где Борис Николаевич вместе со своим вечным младшим научным сотрудником Хомяковым снимал спектры электронного парамагнитного резонанса на великолепном шведском ЭПР-спектрометре. Туда я в силу своей умственной ограниченности заходил нечасто. Да и Хомяков был человеком молчаливым до угрюмости.

На четвертом этаже наша лаборатория занимала целых восемь комнат. В двух из них Борис Николаевич со своей командой изготавливал приборы инфракрасного видения. В команде было всего два действующих человека — электронщик Чудаков и слесарь «золотые руки» Тулупов. Третьим был бывший аспирант Петров, на моей памяти всегда за-

нятый собиранием материалов для справочника по оптическим материалам, применяемым в инфракрасной технике.

Одна комната была отдана под вакуумные установки, где готовились образцы для Герасимова. Там обычно собирались женщины и часами чесали языки, положив руку на вакуумный колпак. Дистлер ненавидел бездельников на работе и часто проводывал свои комнаты. Заглядывая в последнюю, он всегда видел своих дам, стоящих возле работающих установок и, следовательно, работающих. Успокоенный, он продолжал обход.

Наконец, в последних четырех комнатах располагались кабинет шефа, где он сидел со своей секретаршей, машинисткой и переводчицей в одном лице, моя комната, которую со мной делила единственная аспирантка шефа Светлана, спектральная комната, где стояли японские приборы той же фирмы «Хитачи» и где деловито сновала жена Чудакова, которую все без исключения звали Евгенией Ивановной, несмотря на её несолидный возраст и, наконец, комната Пашки Сотникова, напоминавшая лабораторию алхимика. В ней Пашка еще до моего прихода пытался потрясти основы науки о катализе, разумеется, с легкой руки Дистлера.

Как оказалось, меня взяли не в лабораторию, а в специальное конструкторское бюро, существующее при институте. Ко времени моего появления это бюро разрослось до размеров хорошего завода. Руководил этим бюро Фейсах Пейсахович Резников, которого, конечно, никто по имени-отчеству не звал. Все его звали Пал Палыч. Он был из банды-команды великого Папанина, любимца Сталина и лауреата Сталинской же премии. Хватка у Пал Палыча была бульдожья и потому Бюро было оборудовано по последнему слову техники. Продукция Бюро многократно получала медали и грамоты. Там я впервые увидел живьем, как выращивают кристаллы рубина для лазеров. Лазерное излучение было открыто буквально за несколько лет до моего прихода в институт, и лазерам предсказывали блестящее будущее. До чего же короток стал путь от открытия до промышленного приме-

нения! Но дело не только в промышленном прогрессе. Приход Хрущева и развенчание им Сталина дали колоссальный духовный импульс развитию творчества. Мы все, начиная от студентов и кончая седовласыми профессорами, мечтали в эти времена о великих свершениях. Никогда до этого не издавалось такого количества научных книг отечественных и переведенных с иностранных языков. И каких книг! До сих пор, спустя сорок с лишним лет, они являются прекрасными учебниками и энциклопедиями. Многие из них насчитывали до тысячи страниц текста. Сейчас, увы, наука в России в загоне. Смотришь на полки научно-технической литературы — слеза катится. Убожество. Потеряла Россия статус великой научной державы, потеряла. Теперь понадобится не одно десятилетие, чтобы вернуться к лидирующему положению в науке среди развитых стран.

Конечно же, я мечтал делать науку, а не вкалывать на Пал Палыча, но Дистлер мне объяснил, что изготовление инфракрасных светофильтров будет занимать у меня немного времени, и он как раз ожидает, что я серьезно займусь наукой. Сначала Евгения Ивановна показала мне, как они делают светофильтры. Я довольно быстро наострил. Пленку полимера надо было тянуть над раскаленной плиткой с помощью адской машины, изготовленной в Бюро. Это был довольно неприятный и слабо механизированный труд. Растянутую пленку надо было полоскать в горячем растворе йода. Раствор дымился фиолетовыми парами, от которых перехватывало дыхание — вытяжной шкаф плохо справлялся со своей работой. Но зато я каждое утро приходил в знаменитый институт, где потихоньку начал учиться исследовательской работе.

У Дистлера был железный принцип — на работе нужно было ставить эксперименты, заниматься обработкой экспериментальных данных и, в крайнем случае, наводить порядок. Читать научные журналы полагалось дома в свободное от работы время. По последнему пункту у нас с шефом возникли разногласия, которые потом присоединились к дру-

гим разногласиям, так что перед моим уходом от него, все они постепенно переросли во взаимную неприязнь. Для экономии рабочего времени разрешалось курить прямо в лаборатории, что большинство и делало, так как за стояние на лестничной площадке с сигаретой Дистлер делал выговор. Наверное, он был прав, но молодость давала лукавые советы, мечты тревожили воображение, мы ждали конца работы, чтобы собраться у Бориса Николаевича и поиграть в шахматы, а иногда и не так уж редко мы сбрасывались по рублю, Борис Николаевич давал три, кто-нибудь бежал за водкой и закуской, благо магазины были рядом, начиналась холостяцкая пирушка, мы хмелели и начинали решать глобальные вопросы мироздания. Спиртное объединяло нас на пару часов, и мы искренне любили друг друга. Я ни разу не помню, чтобы во хмелю кто-либо обратился неуважительно или с насмешкой к своим коллегам, или начал грязно ругаться, или полез драться, как это часто случается среди рабочих.

Сначала я научился готовить образцы для Юры Герасимова. Моим объектом исследования стала все та же пленка полимера, из которой делали светофильтры. Вскоре я заменил йод на раствор золота и результат не стал себя долго ждать. Золото в полимере превращалось в длиннющие золотые иглы, которые я вытаскивал из полимера и ловил на медную сеточку. Шеф не скрывал своего удовольствия, но всё время твердил, что этого мало, нужно идти вперед. Он хотел, чтобы я получил видимое под микроскопом подтверждение существования кристаллических участков в полимере. Японские исследователи далеко продвинулись вперед в изучении его свойств. Они уже получили почти на сто процентов закристаллизованный полимер в виде бесконечно длинных волокон и из этих волокон уже изготавливали трикотажные изделия, которые не растворялись в воде. Но у них, конечно, был исходный материал гораздо более высокого качества, чем наш, изготавливаемый в Армении. Поэтому, как я ни старался, ничего у меня не получалось. Шеф начал

охладевать ко мне и придирается по мелочам. Между тем, Борис Николаевич предложил мне и Паше самостоятельно проштудировать курс квантовой химии и доложить его по частям на его семинаре. Мы с охотой согласились. У Паши было превосходное университетское образование, и он быстро пошел вперед. Я же с величайшим трудом продирался через интегральные уравнения, уставая через десять минут так, как будто вез на себе телегу с кирпичами. Обычно Паша приходил ко мне в конце дня, и мы садились рядом и рассказывали друг другу содержание очередной главы. Я всё время заглядывал в книгу и болтал, как попугай, тогда как мой коллега шпарил текст почти наизусть, да еще и с комментариями. Потом мы шли в комнату Бориса Николаевича и рассказывали по очереди свои главы. К счастью, наш учитель не задавал мне вопросов, а лишь кивал головой. Дистлер смотрел на наши занятия сквозь пальцы, так как очень уважал знаменитого физика. А знаменит он был тем, что открыл новый оптический метод исследования, причем открыл на кончике карандаша, открыл совершенно в одиночку. Начальник первого отдела так перепугался, что засекретил этот метод. Надо же было такому случиться, что французы через год опубликовали аналогичную работу в международном журнале. Как понимаете, в науке нельзя быть вторым. Вся честь открытия осталась за французами. А не случись этого — присудили бы сразу Борису Николаевичу ученую степень доктора наук, а потом, может быть, и дали звание члена-корреспондента Академии Наук СССР. Но что сожалеть о том, чего не случилось? Наверное, он погоревал, погрустил, а потом снова взялся за работу, которая была его единственной страстью и смыслом в жизни. Он видел физику сквозь математические уравнения так ясно, что о самых сложных вещах рассказывал буквально на пальцах, и это было его принципом. Он не любил, когда в подтверждение той или иной идеи оппонент начинал использовать математический аппарат. Когда спустя почти тридцать пять лет я был на его похоронах, я услышал, что глубокий

старик— директор, назвал его интеллектуальным центром института. А в те времена, когда я там работал, этот же директор приходил к нам запросто (он уже тогда был членкорром) и не гнушался общаться с какими-то кандидатами, и разговор между ними был весёлым и живым. Однажды он даже сразился с Пашкой в шахматы и выиграл. С Дистлером он был в друзьях, они знали друг друга ещё с аспирантских лет, но директор сделал блестящую научную карьеру, изучая структуру белковых молекул, а Дистлер никак не мог найти достойную тему.

Моё восхождение началось, когда Дистлер предложил мне и Пашке попытаться создать материалы, обладающие полупроводниковыми свойствами, но не из кристаллов кремния, германия, арсенида галлия и прочего, а из самых бросовых, вроде того же полимера, отожженного почти до угля. Эта тема была спущена нам сверху, как секретная. Должна же Академия наук вносить свой посильный вклад в оборонную мощь страны... Пришел Чудаков и спаял нам стандартную схему, которую они использовали для светочувствительных приемников излучения, после чего мы начали отжигать разные материалы и помещать их в измерительную ячейку. Методика измерения была простой как апельсин. Пока на наш образец падал инфракрасный луч, он давал сигнал, когда мы закрывали луч экраном, сигнал пропадал. Когда мы, наконец, нашли методику сжигания образцов полимера и получили небольшой сигнал, то были совершенно счастливы и решили ни в коем случае не говорить об этом Дистлеру, пока сами во всем не разберемся. Мы шли домой и с жаром обсуждали, какие опыты нам еще предстоит сделать, чтобы усилить получаемый сигнал. На следующее утро мы были на работе первыми. Мы сжигали образцы полимера в разных газах, травили кислотами, но сигнал оставался по-прежнему небольшим. Так продолжалось более двух месяцев, пока отчаявшись, мы не решили попробовать использовать обычную фильтровальную бумагу, которую мы сжигали концентрированной серной кислотой в печи. Когда мы вытащи-

ли этот образец и поставили его в измерительную ячейку, он нам сразу выдал сигнал в пятьдесят раз больший, чем тот осточертевший полимер. Не веря своим глазам, мы пригласили Чудакова. Он явился с бутербродом в правой руке, а левой начал щелкать, переключая диапазоны чувствительности. «Мужики, это уже кое-что, — сказал он уходя. — Поздравляю. Осталось увеличить сигнал еще раз в десять-двадцать и можно брать патент». После того как мы сделали скачок в пятьдесят раз, мы стали настолько самоуверенными, что цель нам казалась вполне достижимой. Мы решили, что пора ознакомить шефа с нашими результатами. Дистлер пришел, поглядел, как зашкаливает стрелка измерителя сигналов, когда убирали экран, и весь засветился. Вдруг мы оказались в необычайном фаворе. Опять был вызван Чудаков, который давал пояснения, потом пришел Борис Николаевич, потом Дистлер стал приглашать влиятельных людей и показывать нас вместе с работающим устройством. Наконец пришел и директор. «Это твои гвардейцы?» — спросил он Дистлера, как будто кто-то мог прийти с улицы и начать демонстрировать всем-всем свойства новых органических полупроводников. Нам было лестно, что нас назвали гвардейцами, и мы с готовностью и пояснениями показали директору, как работает наш полупроводник. После ухода директора я осмелился намекнуть Дистлеру, что неплохо бы хоть немного прибавить зарплату, уж очень мало нам платили. И Дистлер обещал переговорить с Пал Палычем. В день полочки вся моя зарплата вместе с мелочью умещалась в пистончике брюк. Кто не знает, поясню. В те времена было принято делать в брюках на уровне ремня крошечный карманчик, может быть, для карманных часов или, может быть, для утаивания трёшницы от любимой жены.

Мы с Пашкой опять с жаром принялись за работу. У нас не было никакой продуктивной идеи, потому что мы не знали, по какой причине наш образец откликается на световой сигнал. И вот мы начали совать под луч всё подряд и почти все образцы давали нам отклик то чуть больше, то чуть мень-

ше. Первый наш светочувствительный образец так и остался чемпионом. Когда мы получили сигнал от пленки воды на поверхности льда, мы уже понимали, что вся шумиха с открытием замечательных светочувствительных свойств бумаги, сожженной серной кислотой, не стоит выеденного яйца. По инерции мы еще что-то искали, но пыл исследования пропал. Дистлер не хотел сдаваться, честолюбие не давало ему покоя. Когда академик Жаворонков (тот самый, который дал добро на строительство бумажно-целлюлозного комбината на берегу многострадального Байкала) посетил наш институт, Дистлер пригласил его поглядеть на наше открытие. Мы включили установку и продемонстрировали отклонение стрелки прибора при освещении образца. Дистлер давал пояснения, а мы молчали. На красном апоплексическом лице академика сидели неподвижные серые глазки. Он покивал головой и, не задав ни одного вопроса, отбыл. Дистлер шел за ним и что-то возбужденно говорил об открытии. Слышавший эту речь Чудаков, не выдержал и перердразнил: «Открытие, открытие! — вот что значит еврей!». Мне это не понравилось, и я спросил Чудакова, причем здесь национальность. Он смутился, махнул рукой и ушел в свою комнату.

Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что нам следовало без суеты и нервозности выяснить причину наблюдаемого сигнала и понять, является ли он общим свойством изучаемых материалов (тогда речь шла бы уже о некоем универсальном свойстве, нечаянно открытом нами) или же является результатом плохо продуманного опыта. Любопытным эффектом оставалось, почему образец реагирует на освещение не в том месте спектра, где он поглощает излучение максимально, а в области слабого поглощения. То, что это было действительно так, мы с Пашкой проверили много раз, отрезая участки спектра разными материалами. Однако наша лаборатория под управлением Дистлера была похожа на пожарную команду, по меткому замечанию моего будущего шефа, который предложил мне поступить к нему

в аспирантуру. Сейчас-то я отлично понимаю Дистлера. Шли годы, ему уже исполнилось сорок пять, а весомых результатов его деятельности всё не было. Он засиделся в кандидатах и у него сформировался комплекс неполноценности. Что же, он был глупее других, менее талантлив? Нет, я так не думаю. Но я вспоминаю Пушкинское «...Служенье муз не терпит суеты. Прекрасное должно быть величаво»... Суета мешала Дистлеру, а он этого не осознавал.

Пока мы возились с опытами, Дистлер подал заявку на дипломника из моего бывшего ВУЗа. Пришел парень и стал измерять разные электронные характеристики нашего знаменитого образца. Ему была нужна дипломная работа, и он сделал её с нашей помощью. Там были красивые графики и много расчетов. Как говорится: «Гора родила мышь». Нашего «открытия» хватило лишь на одну дипломную работу. Правда, эта работа сослужила нам добрую службу, поскольку её копию мы представили, как отчет о закрытой научной работе по поиску светочувствительных материалов на основе органических полупроводников. Не обошлось без неприятностей. Дипломник защитил свою работу и с нашей легкой руки засекретил. Когда нам пришла пора писать свой собственный отчет, оказалось, что у нас совершенно не осталось материалов. Дистлер запросил диплом по закрытой почте из моего бывшего ВУЗа, но там явно не торопились с ответом, а время поджимало. Тогда я был послан на копирование графиков и переписывание расчетов. Только я расположился копировать графики, которые сам строил полгода назад, как вдруг подобно черту из табакерки выскочил их начальник первого отдела, выхватил мои листочки и со страшным скандалом выгнал из комнаты. Я в отчаянии вернулся ни с чем к Дистлеру и получил от него дополнительный нагоняй за несоблюдение правил обращения с закрытой информацией. Тогда я с новыми усилиями предпринял расширенный поиск разных бумажек у себя и у Пашки и в конце концов собрал вполне приличный вариант отчета. Часть графиков пришлось нарисовать заново и часть расче-

тов повторить. Теперь я уже не мог думать о прошлом «открытии» без отвращения.

Дистлер, потеряв надежду на всеобщее признание, стал цепляться к нам с Пашкой по мелочам. Как назло в один из наших мальчишников мы довольно крепко выпили. Я ушел домой, а Пашка ещё остался и задержался до одиннадцати ночи. На проходной его задержали, убедились в его нетрезвом состоянии и составили протокол. На следующее утро я был вызван к шефу, который был разгневан выше всякой меры. Мне была сделана выволочка из-за плохой работы и участия в пьянках. Конец разговора был неутешительным. «Если вы подадите заявление об уходе, я возражать не буду», — сказал Дистлер. Я так испугался, что ушел в свою комнату и в тот день совершенно не мог работать. Я думал, что Дистлер забудет о своем предупреждении, но через два дня он опять спросил меня, собираюсь ли я подавать заявление об уходе. Я опустил голову и сказал, что мне работа нравится, и я не хочу уходить. Я тогда еще не знал, что уволить человека из советского института без его согласия практически невозможно, но Дистлер знал и смирился с моим присутствием.

К этому времени Пашка нашел себе место в одном закрытом заведении близко от своего дома. Дистлер ему тоже надоел со своими мелочными придирками. Тот очень переживал его уход, так как у Пашки была замечательная голова. Я поневоле переместился на его место. Я стал дотошно разбираться в механизме действия йода на полимер и у меня постепенно стала вырисовываться картина этой сложной реакции. Я составил что-то вроде меморандума для шефа перед его поездкой на совещание в Прибалтику, и там мой меморандум ему очень пригодился. Я вновь постепенно стал входить в фавор. Но злая память заставляла меня искать новую работу. Всё, что я мог освоить за три года пребывания у Дистлера, я освоил. Прибавки к жалованью я так и не добился. Я искренне любил деньги, но, видимо, слишком платонически, потому что всю жизнь моя любовь была

односторонней. Пора было двигаться вверх в направлении административного или научного успеха. Пашкин пример вдохновлял меня. Полгода я обращался в разные организации, но никто не торопился меня взять на работу. В конце концов Фортуна улыбнулась и мне. Петров, о котором я уже говорил, предложил мне пойти в аспирантуру к его другу, человеку выдающемуся, молодому и перспективному доктору наук. Я поехал к нему и после недолгого разговора получил добро.

Я вернулся в институт окрыленным и заявил Дистлеру, что уйду от него. Он изменился в лице, побледнел и попросил меня зайти через десять минут. Когда я вернулся, он уже обрел былую форму и с раздражением заметил мне, что все результаты, полученные мною и Пашей, станут достоянием того человека, который займет наше место и быстро сделает по этим материалам диссертацию. Я пожал плечами. Я больше не хотел с ним общаться. Единственный человек, с которым я бы никогда не расставался, был Борис Николаевич, но я был недостаточно умен, чтобы находиться с ним в равных отношениях, а пример Петрова меня не вдохновлял. Нет, пора мне было выходить на свою дорогу. И я вышел на неё и прошел по ней не один десяток лет, знал победы и поражения, унижался и был унижен против воли, но старался никогда не унижать других.

Много раз после моего ухода из того, первого и главного моего института, я туда возвращался для консультаций у Бориса Николаевича. Иногда мы собирались старым составом, но без Дистлера, у меня дома и вспоминали эти незабываемые три года, которые провели вместе. Что было в этих годах необыкновенного и незабываемого, я не смогу объяснить вам, так как сам этого не понимаю. Может быть, просто это были годы нашей молодости... Честно говоря, те три года дали мне крылья для перелета через всю жизнь.

В тесной комнатке, где я сидел вместе с другими сотрудниками шефа и еще одной аспиранткой Маргаритой, стоял изготовленный в ГДР прибор UR-10. Он был нашей матери-

альной базой, источником всех наших экспериментальных достижений в области инфракрасной спектроскопии. Теоретических достижений у нас, аспирантов, не было и быть не могло. Один из сотрудников шефа, Юхневич, не скрывая легкого презрения объяснил нам за час, как пользоваться этим трехсоткилогаммовым чудовищем. Мы, естественно, забросали его множеством практических вопросов и этим очень утомили, что он и не скрывал, процитировав — «Оседлали носорога, покатались немного».

Спустя полгода, к Юхневичу прикрепили аспиранта из Вьетнама и шефом было решено регистрировать спектры парообразных соединений в вакуумной кювете. Видя, как Юхневич с вьетнамцем пыхтят, собирая вакуумный пост, я предложил им свою услуги. Уж в этом деле я был специалист ого-го! Юхневич с легким недоверием согласился. Я сменил масло в вакуумном насосе, промыл диффузионный насос концентрированной соляной кислотой и тщательно высушил, потом мы вместе смазали вакуумной смазкой все соединения, после чего я включил вакуумный пост и зарегистрировал вакуум на уровне десять в минус пятой степени Бар. После этого Юхневич преисполнился ко мне необычайным уважением на всю оставшуюся жизнь. Я, разумеется, не сказал ему, что всем тонкостям я научился в лаборатории Дистлера. Ума у меня на это хватило.

Дистлер в конце концов защитил свою докторскую диссертацию. Ему удалось разумно связать и объяснить бесчисленные снимки, которые покорно делал ему Герасимов, и даже выдвинуть теорию поверхностных явлений в полупроводниках.

Спустя пятнадцать лет после недружелюбного расставания я встретил его в вестибюле Института, и он впервые подал мне руку, значит, наконец простил мой уход.

ПАМЯТНИК

Оказывается, он был кавалером ордена Красной звезды и Отечественной войны первой степени, не говоря уже о медалях. Я с ним виделся пять дней в неделю в течение трех лет и не подозревал о его героическом прошлом. Знал только, что мальчишкой восемнадцати лет он был призван в армию после того, как проучился один год на физическом факультете Казанского университета. Шел сорок третий год и, разумеется, Великая страна никак не могла обойтись без рядового Бориса Николаевича (БН) Гречушникова, крупнейшего физика, как выяснилось потом. Я сейчас удивляюсь, как ему удалось заработать столько боевых наград за один год. Он сражался во время наступательной операции «Румянцев» на Белгородско-Харьковском направлении, когда Красная армия нанесла жестокое поражение Вермахту на Курской дуге. Видимо, тогда, в августе он и потерял ногу. Я быстро привык к его хромоте. Тогда в Институте Кристаллографии работало много раненых участников войны. Наш заведующий лаборатории Григорий Исаакович Дистлер во время битвы под Москвой отморозил пальцы на обеих ногах, так что их пришлось ампутировать. Всю оставшуюся жизнь он ходил в специальной медицинской обуви. Думаю мне, что ордена и медали БН получал потом, когда началась кампания под названием *«никто не забыт и ничто не забыто»*. Но вообще, в ретроспективе, я рассматриваю начало судьбы восемнадцатилетнего мальчишки, как большое государственное свинство. Примерно то же самое в своё время совершило британское правительство, направив на фронт великого ученого Генри Мозли, которого убили в двадцать семь лет.

Сам БН о своем ранении и долгом излечении не говорил никогда, разве что посмеивался над врачебными комиссиями, которые время от времени его вызывали. Наверное, они ожидали, что оторванная нога вдруг стала расти, как хвост у ящерицы, а значит, и привилегий у БН больше нет. Однажды он сказал, что власти решили наградить безногих участников войны разрешением приобрести легковушку с ручным управлением. Для этого БН и ему подобным предлагалось приехать на предмет измерения длины оставшегося обрубка. Если длина превышала 30 сантиметров, льгота на покупку отменялась. Измерение проводилось обыкновенной канцелярской линейкой. Мы все дружно уговаривали БН пойти, но он посмеялся и никуда не пошел.

Однажды меня прихватил фурункул прямо на сгибе бедра и пока я его не вырезал у хирурга, я тоже хромал и страдал ужасно. За что же ему, бедному, выпали такие муки с восемнадцати лет? Боже, сколько у нас было покалеченных, совсем безногих сразу после войны! Здоровым — праздник жизни, а покалеченным — смертная мука с нищетой, потому что на работу не устроишься. БН всё же смог преодолеть болезнь и закончил университет. Родители помогли, отец был известным математиком. После университета ему удалось поступить в аспирантуру к академику Шубникову, именем которого ныне назван Институт Кристаллографии. Подумать только! Сколько раз я ехал в лифте с Алексеем Васильевичем — он до третьего этажа, а я до четвертого. Он всегда так мило и дружески со мной здоровался... Но я не о том. Как быстро мы привыкаем к чужой боли, особенно, когда её носитель не жалуется. БН ездил вместе с нами на пикники и на рыбалку в полном автобусе, ночевал под натянутым брезентом, курил свой неразлучный «Беломор» и охотно распивал «Московскую». Вид у него был, как говорится в филистерских кругах, — неухоженный. Он был старше нас где-то лет на пятнадцать, но он был свой-в-доску. Помню, мы однажды выпили после работы чуть больше обычного. Наш кружок в тот день состоял из защитившегося аспиранта

Петрова, Пашки Сотникова, меня, нашего слесаря «золотые руки» Тулупова и недавно пришедшего фотографа Валерки. Тулупов был послан к Дистлеру на добычу спирта (а спирт у Григория Исааковича был отменный, медицинский). Мне, как химику, доверялось сделать водочку «по Менделееву». В приподнятом настроении мы рассказывали острые анекдоты и смеялись. БН анекдотов не рассказывал, но иногда делился своими военными наблюдениями. «В пехотном училище вышел ночью помочиться, слышу кто-то стонет. Подошел, оказывается — солдат работает с бабой». — «А отчего она стонала?» — задал я идиотский вопрос. — «Потому что у солдата, как в том анекдоте, — *сердце прошли, поддержи-те, барышня шляпку*», — со смехом ответил БН. Сейчас я понимаю, что в области секса БН был такой же безнадежный специалист, какими были мы в свои двадцать пять лет.

Инженер по электронике Чудаков в нашей компании никогда не сидел, потому что его строго пасла его жена, которая даже на наши подмосковные рыбалки с ним ездила. Он был фанатом рыбалки, любая мало-мальски обозначенная лужа вызывала в нем желание забросить крючок. Именно он сагитировал нас поехать с ночевкой в зону отдыха на С-ком водохранилище. Ночь мы спали урывками. С рассветом Чудаков всех нас растолкал, и мы пошли за уловом. Рыба на нас никак не реагировала, рядом с нами пыхтели сигаретами еще человек пять, которые приняли на грудь перед рыбалкой не менее двухсот пятидесяти грамм и еле стояли по щиколотку в воде. Потом один из них рухнул, но удилище из рук не выпустил и сигарету не замочил. Так он лежал и дымил, вызывая наше восхищение. К двенадцати мы совсем замутились. БН спал прямо на тропинке, выставив худой кадык, покрытый серой щетиной недельной давности. Маленькая девочка с бантиком шла по тропинке и боязливо переступила через БН, добавив: «Какой дядя,.. небритый...» Чудаков услышал и расхохотался, разбудив БН... Да, а в тот день в Институте Валерка принес боксерские перчатки (он имел первый разряд по боксу) и Пашка решил попробовать свои силы

в поединке. Валерка держался джентельменом, он ни разу не врезал Пашке, разве чуть-чуть для азарта, только уходил от размашистых движений противника, приговаривая: «Паша, не зверей, Паша, не зверей». Всё это происходило в маленьком пространстве, отделенном от коридора фанерной стенкой. В этом закутке стояли внутренние шкафы, где мы сушили водные растворы поливинилового спирта, любимого полимера Горигория Исааковича. Из этого полимера я изготавливал поляризационные светофильтры, которые наша лаборатория продавала научным людям из других организаций.

После боксерского поединка, закончившегося вничью (по общему мнению), Тулупов извлек из своей мастерской пневматическое ружье, мы нарисовали мишень и по очереди стреляли. БН оказался на высоте, и мы решили допить оставшиеся пятьдесят граммов в его честь и идти домой. Как выяснилось на следующий день, Валерка остался в мастерской и продолжал стрелять. В качестве мишени он выбрал конденсатор и совершенно измордовал его. БН очень сокрушался по этому поводу и выговаривал Валерке: «Варвар, зачем ты угробил мой *литик*?». Валерка только виновато ухмылялся. Ну где ему было постичь с его неполным школьным образованием, что радиодетали всегда в дефиците и без конденсатора схему не спаяешь, а значит измерять сигнал будет нечем. БН тогда активно работал с астрофизиками, ночами они с Чудаковым и Тулуповым ездили в астрономический институт имени Штернберга, который все знали как «ГАИШ». Там БН применял свою уникальную оптико-электронную систему регистрации сигналов в инфракрасном диапазоне, которую сейчас каждый студент знает, как Фурье-спектроскопия. Дистлер рассказывал, что БН открыл этот метод, как говорится, на кончике пера (подобно тому, как У. Лавуазье предсказал существование восьмой планеты — Нептуна), потому что он великолепно знал математику. Вы, конечно, знаете, что все мы излучаем инфракрасные лучи, потому что наша температура выше,

чем в окружающем пространстве. Излучает и освещенная сторона Луны и другие планеты, когда на них падают солнечные лучи; часть из них является следствием отражения от их поверхности, но когда солнце уходит, планеты в темноте светятся в инфракрасном диапазоне, потому что они намного теплее окружающего космоса. Если бы дело было только в астрономических достижениях, то военные не обратили бы внимания. Однако дело в том, что БН нашел способ локации таких теплых объектов, как работающие машины, танки, самолеты, полевые кухни и даже скопления солдат. Тут наши местные НКВДэшники так испугались, что срочно засекретили труды БН, так что он не смог опубликовать свои результаты. А в это время французские коллеги тиснули статью в своем (или международном) журнале на эту же тему и получили пальму первенства. Вот так наш режим испортил жизнь хорошему человеку. Опубликуй он свой труд вовремя, он быстро защитил бы докторскую диссертацию и получил бы звание *член-корра*.

Наш НКВД-КГБ есть машина огромной разрушительной силы, а созидать они ничего не умеют. Возьмите, к примеру, Беломоро-Балтийский-Бездарный канал имени Сталина. Он же никому не нужен; сколько тысяч людей потеряло там здоровье и жизнь! И Волго-Донской канал тоже никому не нужен, и все эти людские поселения, окруженные колючей проволокой, скрывают полную бездарность самой отвратительной организации за всю историю человечества. Россия — великая страна, потому что в её народе бродит ген гениальности, но из-за проклятой «*конторы*», как они любят сейчас себя называть, нормальные и работающие люди никак не могут сами себя обеспечить всем необходимым. Мы торгуем сырьем, как Верхняя Вольта, и зависим от того, в каком настроении проснется наш президент. А если он затеет войну, то мы будем должны умирать непонятно за что, потому что гражданами мы считаемся только на бумаге. И сегодняшняя конституция наша тоже бумажная, потому что она не работает и ничего не гарантирует.

Однако не стоит тратить время и нервы на эту современную *Инквизицию*. Занятно только, что буквы *НКВ* повторяются. Наверное, Дмитрий Быков прав со своей литературной теорией реинкарнации в отношении России... Вы только не подумайте, что в лаборатории Дистлера мы только и делали, что развлекались. Надо отдать ему должное — научное творчество всячески поощрялось. Дистлер был не столь демократичен, как БН, к которому, как к неиссякаемому источнику знаний без конца захаживал народ. Я тоже пользовался его бесконечной добротой и ловил каждую возможность заинтересовать его своими разработками. Петров сидел ежедневно над справочником по оптическим материалам для инфракрасной техники. Вскоре они его опубликовали, одну книжку подарили мне с трогательной надписью, и я очень часто пользовался ею, пока её не украл один малосимпатичный мужик, с которым я работал спустя много лет в почтовом ящике А-1813. Меня в эти дни заинтересовал сульфид свинца, который использовали в качестве материала для фотосопротивлений, и я решил попробовать для начала сделать из него светофильтры для инфракрасной области спектра. Светлана, единственная аспирантка Дистлера, использовала реакцию осаждения сульфида свинца на кристаллах кремния и германия, чтобы доказать существование на их поверхности заряженных областей (доменов) с помощью электронной микроскопии. Реакция была простой, как апельсин. Я добыл пластинки плавленого кварца и вскоре получил на них роскошное зеркальное покрытие. После сушки я отправился к жене Чудакова и записал спектр пропускания моих образцов на японском приборе. На всё ушло два часа. Я получил кривую пропускания с максимумом около трех микрометров. Это несомненно был эффект интерференции на тонких пленках. Потом я повторил реакцию, снова записал спектр и увидел, что максимум стал гораздо более отчетливым, но он почти не сместился. Когда я осадил сульфид свинца в третий раз, зеркальная поверхность моих образцов несколько потускнела. Я осторожно убрал

ватой прилипшие частицы осадка и снова пошел к жене Чудакова. Мой «светофильтр» стал хуже, потому что пропускание в максимуме упало, хотя его положение в спектре почти не изменилось. Как могла интерференция не зависеть от толщины поглощающего слоя сульфида свинца, я не мог понять и поэтому со спектрами в руках я, естественно, направился к БН. Он в это время поучал Петрова, который стоя склонился над статьей из журнала «Оптика и Спектроскопия»: «Ты не текст читай, а математические выкладки смотри!» Петров был вроде меня, а мы вместе примыкали к подавляющему большинству населения планеты, которое не понимает математику и ждет, пока умные головы переведут её на язык понятий. Я обратился к БН и протянул ему спектры. Он взглянул, закурил «Беломорину» и сказал: «Чертовщина какая-то...» Его сейчас волновали совсем другие вопросы и ему не хотелось перестраиваться. Я пожал плечами и вышел. По пути в свою комнату я решил использовать нелинейный характер пропускания и получить полосовой инфракрасный светофильтр простым перемножением ординат. К примеру, если в максимуме кривой пропускания мы имеем 90%, а на крыльях кривой — 10%, то поставив параллельно три кварцевые пластинки с осажденным сульфидом свинца, получали в максимуме 0,9х0,9х0,9 — почти 73%, а на крыльях 0,1х0,1х0,1 — всего 0,1%, то есть в максимуме пропускание было бы в 730 раз выше, чем на крыльях кривой. Чем не результат? Конечно, оптики к тому времени уже научились изготавливать роскошные интерференционные светофильтры с применением вакуумного напыления многослойного материала на прозрачную подложку с контролем технологии процесса напыления, но эти светофильтры стоили сумасшедшие деньги и требовали сложного и дорогостоящего оборудования, а я предлагал кухонную технологию, которая стоила копейки, и мои светофильтры вполне годились для решения задач химического анализа, скажем, определения нефтепродуктов в природной воде. Несколько лет спустя я от нечего делать забросил короткое сообщение

в Журнал Прикладной Спектроскопии. Мой Шеф (ЛГ), под чьим руководством я защитил диссертацию, зевая, подмахнул письмо в редакцию, рекомендуя мои достижения к публикации. Там, в редакции, Шефа чтили, как выдающегося специалиста, так что пока я был рядом с ним, мне всегда светил зеленый свет.

Петров был близким другом моего будущего шефа, они учились в одной группе в МГУ. Он же и предложил мне втайне от Дистлера пойти в аспирантуру к ЛГ. Аспирантура! Это было моей заветной мечтой. ЛГ стал доктором наук в 31 год и теперь, на втором году своего научного величия решил обзавестись учениками. Первый аспирант, некто М., не оправдал надежд ЛГ и теперь он пригласил сразу двоих — меня и одного бойкого малого, физика из Курска. Шеф прекрасно знал БН и невеселую историю его жизни. К своим тридцати двум годам он сам уже был автором двух монографий без соавторов по теории инфракрасных спектров многоатомных молекул. Теперь он хотел показать широкие возможности своего метода расчета в приложении к конкретным большим молекулам, что я и должен был продемонстрировать всему остальному населению. К БН он относился немного покровительственно. В нашем разговоре вокруг науки он сказал, что недавно виделся с БН и пожурил его за то, что тот увлекается публикацией статей (он их называл охотой на зайцев), тогда как давно пора ему (БН) начать охоту на слонов (то есть написать одну или две монографии). По-видимому, пользующийся огромным спросом справочник по оптическим материалам ЛГ за весомый вклад в науку не принимал.

В день своего 35 летия шеф пригласил наши две комнаты из аналитической лаборатории в ресторан при доме архитектора. Пришли также и Петров с БН. Я сидел с ними в конце длинного стола, пока шеф принимал стихотворные поздравления. Я уже обзавелся корочкой кандидата наук и, вроде бы, был равным среди прочих равных. БН был задумчив, пил мало, и вскоре я понял, что его мучит боль ампутированной ноги. Ему бы встать и откланяться, взять такси и ехать до-

мой... От Петрова я слышал раньше, что у БН бывают приступы невыносимой боли и ему даже прописаны в таких случаях наркотики. Вероятно, в этот раз он оставил их дома. Я сидел напротив за праздничным столом, видел, как его терзает судорога, и моя душа болела от сочувствия, однако я не имел права вмешиваться. Ведь рядом сидел его верный ученик Петров, который был просто обязан предложить БН поехать вместе домой. Сейчас я думаю, что БН все равно бы не уехал, чтобы не привлекать внимания и не портить другим праздник. А я при всей своей симпатии к БН не имел даже элементарного права позвонить ему на следующий день и справиться о здоровье. И вот, мы все — кандидаты наук, сидели в ресторане по случаю некруглого юбилея моего шефа, который был единственным доктором наук в нашей компании, и никто не подозревал, что среди нас находится крупнейший физик, чьи идеи и открытия через каких-то двадцать лет станут предметом восхищения и благодарности многих специалистов, в том числе и работающих на оборону страны. Удивительно, но ни во всемирно известной Википедии, ни в списке российских физиков нет упоминания ни о моем шефе, ни о БН. Да что там говорить! Там нет и Михаила Кацнельсона, одного из главных действующих исследователей-теоретиков графена, члена королевской академии наук Нидерландов. Умом, конечно, понимаешь, что все эти звания типа «заслуженный деятель науки» не стоят выеденного яйца. Когда-то звание «персональный пенсионер» давало хоть прибавку к пенсии рублей 20–30. Мой разум протестует: «БН был автором пяти монографий, 250 статей! Как он может не числиться в списке российских физиков?!»

Я покинул кафедру шефа, продавшись в почтовый ящик ради дополнительной сотни в месяц. Там одна средних лет дама, фаворитка генерального директора слыхала о ЛГ на конференциях, что, возможно, предопределило мое поступление в это заведение, несмотря на преобладание в моей личной биографии еврейской крови. Разросшийся до неприличных размеров почтовый ящик не мог удовлетворить

мою элементарную потребность в спектральных приборах, так что я смог лишь купить наш отечественный подержанный монстр для видимой области спектра на кафедре шефа. С инфракрасными спектрофотометрами было совсем плохо, а я разбирался более или менее именно с инфракрасными спектрами больших молекул. Что было делать? Надо было срочно показать результат определения количества воды в трансформаторном масле. Как известно, вода здесь является самой нежелательной примесью и может привести к пробою и выходу из строя огромного мощного трансформатора. Естественно, что я первым делом обратился к БН. У него в лаборатории стоял трехсоткилограммовый монстр UR-20 производимый в Германской Демократической Республике, который, тем не менее, стабильно работал в отличие от наших, отечественных ублюдков, которые соответствовали уровню 1919 года. И вот, я зачистил в лабораторию БН с пробами для анализа, и самодельными кюветами, записал несколько десятков спектров и помог таким путем моему отделу в п/я лихо отчитаться перед Министерством за бездарно растраченные деньги. К слову сказать, БН совершенно не умел что-либо пробивать или добывать. Уж очень он был погружен в тайны природы окружающего мира, в особенности структуры кристаллов и их необычайных свойств. Мой коллега Старцев в смысле добывания и пробивания был мастак. У него в аналитической группе стояли потрясающие приборы фирмы «Перкин Елмер», к которым придавался современный компьютер. Никто в его группе пользоваться этим богатством не умел, и он обратился за помощью к моему шефу, а тот вывел его на БН. К этому времени в группе Старцева пришел молодой специалист, которому было велено подключиться к БН для составления программ расшифровки состава сложных смесей углеводородов и всякой другой органики, которые являются отходами многочисленных химических производств и отравляют природную воду. Тут ведь и ребенку ясно, что прежде чем воевать с загрязнениями, нужно знать из чего они состоят. Дело, конечно, было

адски муторным и не решалось никакими расчетами в лоб, потому что прежде всего нужно было разделить всю эту гадость на хроматографических колонках, а потом извлечь их оттуда по очереди и только потом провести анализ инфракрасных спектров. На конференции, которую ежегодно устраивал мой шеф с приглашением авторитетных специалистов, я сидел рядом с БН и его аспирантом Володей из лаборатории Старцева. Мы ждали своей очереди доложить свои результаты, и БН, посмеиваясь, говорил мне, что метод анализа по спектрам они с Володей разработали, но мне лично он не советует им пользоваться — уж очень муторная процедура. Чувства юмора у БН хватало с избытком, кроме одного случая — он не терпел пустой болтовни и безделья. Через пару лет после меня к Дистлеру поступил по звонку выше один парень по имени Герман. Он ничем не выделялся, кроме странной подпрыгивающей речи и ужасным запахом из носоглотки. Однажды Дистлер отправился в длительную командировку и оставил, естественно, своим заместителем БН. Как человек ответственный, БН принялся по утрам обходить все наши восемь комнат и опрашивать сотрудников, мол, как дела, какие проблемы? Зашел он и в мою комнату, в которую за пять минут до того забежал Герман. На вопрос БН о работе Герман вдруг открыл рот и стал, брызгая слюной, рассказывать, на каком он был чудесном спектакле в «Современнике». БН мрачно послушал минуту и удалился. Я еле дождался ухода Германа и, прихватив провода для сварки термопары, заглянул в комнату БН. Он сидел и обдумывал константы из книжицы по иттриевым гранатам. «Ну, как вам, Борис Николаевич, постановка в театре «Современник»? — спросил я, еле сдерживая смех. — «Убивать таких надо», — мрачно отвечивал БН, не отрывая глаз от текста.

В те времена, когда мы собирались на моей квартире по поводу — выпить, закусить и поболтать, разговоры шли на самом невысоком житейском уровне. Рядом с нами сидели и выпивали наш любимый слесарь и мальчишка фотограф. А были мы все молоды и потому охотно смеялись

шуткам и анекдотам, которые никогда не выходили за грань приличия. Именно в те времена мне не приходило в голову, что БН любит и ценит высокую поэзию, много знает наизусть. Как досадно мне было читать об этом в воспоминаниях его сотрудников: «Отметим, что лаборатория Б. Н. Гречушникова шутливо называлась «лавка писателей», так как в ней работала кроме Л. Б. Пастернака еще и Т. Н. Погодина. Борис Николаевич был в научных публикациях большим мастером пера и, кроме того, декламировал наизусть поэтические произведения большого объема». Наша маленькая компания тоже не чуждалась высокой литературы, книги обсуждались, и я знал, что любимым писателем БН был Антуан де Сент Экзюпери, потому что БН часто цитировал отрывки из знаменитых книг «Военный Летчик» и особенно «Планта Людей». Удивительно, вроде бы все знают «Маленького Принца», а мужественную мужскую прозу великого писателя почти забыли... На мой взгляд, Экзюпери был близок БН, поскольку оба они вдоволь насытились трагическим опытом войны и оба были чертовски храбры. Реальность, если вдуматься, настолько богата материально и духовно, что всяческие эзотерические вывихи, базой которых является элементарное невежество, совершенно не нужны людям с талантом и воображением. Возьмите для примера хоть астрофизику. Уже в ближайшие годы можно ожидать экспериментальное подтверждение выводов теории относительности, измеряя аккреционные потоки вблизи черной дыры в созвездии Стрельца. Будь БН жив сейчас, он бы оценил новейшие достижения теоретиков по достоинству.

Я в те далекие годы увлекался диалектикой и таскал с собой диалектическую логику какого-то венгерского философа-марксиста. Узнав о моих пристрастиях, БН шутливо заметил: «Что это за логика, когда одно и то же положение может оказаться и возможным, и невозможным! Где же здесь здравый смысл?» Мои туманные рассуждения о потаенном знании, он прерывал обычно репликой типа «хоть я и завидую твоим увлечениям, но никогда их не пойму. А скажи-

ка лучше, сколько времени мне потребуется, чтобы освоить химию?» Разумеется, он шутил. Химия так огромна, что на постижение всей химии жизни не хватит. Я просто не мог ему так ответить, потому что очень его любил, и просто сказал, что года за два он её освоит. Но истина шире и заключается еще и в том, что количество знаний каждые десять лет удваивается (а может быть, и утраивается). В начале столетия я помогал по химии отстающим американским студентам в местном колледже. Однажды я в гряде учебников нашел том органической химии и, поглядев в конец, обнаружил кучу задач по определению структуры соединений по данным масс- и инфракрасных спектров. Я тут же принялся с азартом их решать, при этом удивляясь, как быстро наши новейшие исследования стали рутинной, скромным пособием для специалистов-химиков по синтезу органических соединений.

Вообще БН был мастером коротких рассказов, которые в старину называли бы анекдотами. Один из них звучал так. Дочка академика Зельдовича (за спиной его уважительно звали «Зельда») поступала в МГУ. Экзамен по математике принимал Моденов, автор известного моему поколению задачника повышенной трудности и крепкий антисемит. Так вот, Моденов поставил ей трояк, что заблокировало путь к поступлению. Зельда обиделся, нашел время, перерешал все до единой задачи в книжке Моденова и показал, что 15% задач имеют неверные ответы или неверно сформулированы. БН по этому поводу очень веселился. Еще он рассказывал, как Зельда приезжал в Институт Кристаллографии с научными докладами, потому что в некие, не столь отдаленные времена его лишили лаборатории и, слава Богу, что не посадили.

Еще БН рассказывал, как однажды на конференции по физике твердого тела он заметил впереди себя Льва Ландау. Тот сидел, отвернувшись от сцены и с кем-то беседовал. Доклад Шестакова между тем шел, и было ясно видно, что Шестаков очень нервничает оттого, что Ландау его не слушает. Едва

Шестаков поставил точку, как Ландау повернулся к нему и громко объявил на весь зал, что выводы работы совершенно неверные. Потом последовал перерыв, все пошли покурить и поболтать в коридор. Шестаков чуть ли не со слезами подошел к Ландау, протягивая ему бумаги с доказательствами своих выводов: «Вы хоть взгляните, Лев Давыдович, посмотрите...» — Ландау демонстративно спрятал руки за спину и отвернулся. «И ведь Дау, злой черт, оказался прав, — смеясь добавил БН. — Шестаков неточно задал граничные условия». Еще БН очень забавляло, как протекала на ученых советах дискуссия между двумя академиками — Шубниковым и Беловым. Зал с восторгом слушал эти обращения — *глубоко уважаемый коллега.., позволю себе заметить.., увы, милостивый государь мой, это не совсем так...* Однажды Белов выступил перед коллегами о применении групп Шубникова в кристаллографическом анализе, после чего закончил фразой: «Теперь коллеги вполне могут оценить уровень моего интеллекта». БН весело комментировал этот эпатаж в том смысле, что мало кто может так смело подставиться.

В одной из статей военного вестника я прочел, что главный конструктор многоканального стрельбового комплекса «Аргунь» отзывался о работе одного из выдающихся военных специалистов Г.В. Кисунько «...если бы его работа не была столь секретной, и о которой можно было бы писать в открытой печати, то за любое из этих достижений ему могла быть присуждена Нобелевская премия (Аналогичный пример: Б. Н. Гречушников ИК АН СССР)» Я никогда не смогу установить, за какие заслуги здесь был упомянут БН, но для меня вполне достаточно одного лишь упоминания.

Тем, кто видел рабочие записи и математические выкладки БН, поражал даже их внешний вид. Сотни листов были заполнены бисерным каллиграфическим почерком практически без помарок. Как это соответствовало его высказыванию, что любую, самую сложную теорию, если ты её ясно понимаешь, ты можешь объяснить любому человеку, как говорится, на пальцах! Его руки были необыкновенно

искусны и его часто можно было видеть в нашей комнате-мастерской, где царствовал Тулупов, обрабатывающим детали задуманного устройства на токарном станке. Потом, спустя много лет его коллеги удивлялись множеству устройств и приспособлений, которые БН сконструировал и воплотил «в железе» для кристаллооптических и оптических измерений. Как это ни странно, но у него — теоретика были сильные руки рабочего человека. Однажды после очередного застолья на моей квартире кто-то предложил соревнования по рестлингу. Я тогда увлекался гимнастикой с тяжелыми гантелями и думал, что всех положу, но чемпионом оказался БН! Потом, правда, когда пришла очередь развести снизу в стороны на вытянутых руках двенадцатикилограммовые гантели, оказался чемпионом я, так что мы разделили с БН первое и второе место.

Ординарного читателя более всего интересует, чем талант отличается от посредственности. Ну, как это может быть, что неухоженный и больной человек с таким гигантским умом, не додумывается до такой простой мысли, что он может потребовать от близких ему людей элементарных удобств — ежедневную чистую рубашку, вкусно приготовленный борщ или котлеты, чистоту и уют в квартире... Ничего этого у БН никогда не было. Однажды мы собрались у него, и я поразился убожеству быта, и понял, почему горячая котлетка с картофельным пюре в нашем институтском буфете плюс компот из сухофруктов, разбавленный до дистрофической концентрации, были для него почти лакомством. БН был до того непрактичен в ведении домашнего хозяйства, что (как сплетничали дамы) в отсутствие жены он размачивал макароны в воде и ел, не догадываясь сварить их с добавлением соли. Современники говорят, что подобной непрактичностью и пренебрежением к своему имиджу отличался Эйнштейн. Так или иначе, но я всегда старался к приходу нашей компании приготовить что-либо вкусное, помнится что он очень любил салат «Оливье» с майонезом «Провансаль», не бог весть какое блюдо. А об артишоках или спарже

мы знали только из рассказов классиков. Спустя двадцать пять лет после описываемых событий я очутился в стране, где всех этих изысков и диковинных плодов было как грязи на российских дорогах. И что? Я отдал бы всё это за тот скромный салат «Оливье», куда вместо курицы я добавлял вареную Любительскую колбасу.

Независимо от того, насколько часто я бывал в лаборатории БН, я всегда поздравлял его в День Победы по телефону и присылал ему письмо на адрес Института. Мне казалось, что он, может быть, испытает радость от того, что кто-то помнит о нем. Только однажды я, к своему стыду, замотался и не поздравил его. И вот, 9 мая он сам позвонил мне и сказал восторженно: «Олег, какой сегодня день замечательный! Смотри, как сияет солнце!» Я тут же сказал ему все слова благодарности и извинения за мою дурацкую память. От нашей группы 1963 года в то время почти никого не осталось. Петров пошел к Старцеву в ВОДГЕО, отчаявшись получить ставку старшего научного сотрудника. Тулупов ушел работать в оружейные мастерские, где занимался восстановлением редких образцов огнестрельного и холодного оружия. Пашка Сотников раньше всех ушел в закрытую организацию, где вскоре получил должность начальника отдела. Я поступил в очную аспирантуру к ЛГ. Встречи с БН становились всё реже. Вокруг него были новые люди, тематика менялась в соответствии с новыми задачами, только однажды я мельком видел Чудакова, показал ему свои новые поляризаторы, которые сделал по заказу ребят из нашего п/я; он их быстренько проверил и поразился высокой степени поляризации. Я в это время тоже сменил тематику и увлекся потенциометрическими методами анализа и изготовлением на коленке ионоселективных электродов для решения медицинских задач. Наше начальство очень ценило свое здоровье и для его поддержания пользовалось услугами самых известных врачей.

Здоровьем БН не интересовался никто. Однажды он перетрудил свой гениальный мозг и у него случился микроинсульт. Вы думаете — он стал после этого относиться к себе

более осторожно? — Ничуть не бывало! Я заметил, что с годами он становился всё более просветленным. Лишний волос ушел с головы, обнажив череп благородной формы, глаза стали большими и прозрачными. Он по-прежнему жил на работе и ради работы, но вокруг уже не было веселой колготни шестидесятых годов, когда он в шутку спрашивал меня, сколько ему потребуется времени, чтобы освоить химию. Он стал тихим и задумчивым, и в его лаборатории царил тишина. Потом, за два года до смерти, ему стало тяжело администрировать, и он спокойно передал свое место С.П., который объединил несколько физических лабораторий для повышения эффективности исследований.

Я прощался с ним прохладным солнечным днем в начале октября девяносто третьего года. Петров позвонил мне накануне, и вот, мы стояли с ним и слушали, как директор, академик Вайнштейн глухим старческим голосом рассказывал, что БН в течение долгих лет был интеллектуальным центром Института. Гроб выкатили из морга под солнечные лучи. Дочка Даша и жена хлопотали над телом. Как я любил имя его дочери, древнее русское, ласковое имя! Я никогда до этого её не видел, только слышал по телефону её раздраженный голос. Оно и понятно — люди так нуждались в советах её отца, что не давали ему покоя даже дома. Я стоял и думал, как быстро пролетело время и как следовало бы беречь его, тратя на разумные и добрые дела, вот, Петрову уже шестьдесят, а мне пятьдесят четыре, ... а Дистлера тоже уже нет в живых, умер от рака печени. Умирал он совершенно одиноким — не обзавелся семьей. Одним из немногих его навещавших был Юра Герасимов из нашей бывшей лаборатории, он работал оператором на японском электронном микроскопе «Хитачи». Тогда, в середине шестидесятых это был шикарный инструмент для исследования микроструктуры. Ни в СССР, ни в РФ так и не научились выпускать качественные приборы для науки. Есть какой-то генетический дефект в том, что мы в промышленных масштабах ничего не умеем делать, как следует. Все великие открытия и дости-

жения делаются в одиночном экземпляре «на коленке», иногда с помощью сильно пьющих мастеровых.

В памятной статье, напечатанной в журнале «Кристаллография» в 2010 году сказано, что интеллектуальный и духовный талант БН был от Бога. Может быть, эту статью писал верующий человек?.. Не знаю. Мой скепсис агностика заменил бы Бога на уникальный набор генов, который создали совместно его отец, известный математик, и мама, имени которой мы не знаем. Нам всем очень повезло, что его не убили в сорок третьем году. Это я знаю точнее точного. И хочется привести в заключение моего грустного повествования строчку из Бориса Пастернака: «И станут кружком на лужке интермеццо, Руками, как дерево, песнь охватив...» — Борис Николаевич, Пашка, Тулупов, Чудаков, Валерка, Петров и я, автор этих незамысловатых воспоминаний. А за нами, как светлые тени прошлого, встанут Дистлер, Б.К. Вайнштейн, наш директор... Кто нас ранжирует? Кто остается в памяти потомков? Герострат? Архимед? Эйнштейн? О, злосчастная человеческая доля! О, несокрушимый поток времени, проклятый Кронос! Самое страшное во всем этом — равнодушная пустота бесконечности. Пусть не тысячу, но хоть сто лет пусть помнят. Для этого и памятники создают, для благодарной памяти. Разве не заслуживает БН, чтобы перед входом в Институт был вырезан в камне хотя бы барельеф с отзывом Б. К. Вайнштейна, директора ИК РАН, о нем рядом с его собственным барельефом?

КРАТКАЯ ХРОНИКА ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Чем дольше человек живет, тем богаче список его болезней, недомоганий и даже неприятных открытий, вроде «ох, как тяжело стало нагибаться» или «выхожу на кухню, открываю холодильник и забываю, что ищу...» А тут прибавилась, словно сердечная боль, тоска по родному краю, по родному городу, улице, дому, квартире, где прожила почти сорок лет. И точит меня эта тоска, и точит. Вспоминаю свежесть светлых рек, особенно моей дорогой Припяти, скромность наших гостеприимных лесов, особенный запах мокрого асфальта, когда его вспрыснет легкий и веселый летний дождик. И не могу я понять, почему я тоскую и вспоминаю, ведь у меня здесь всё-всё есть. Я никогда не жила в таком довольстве, я даже детям помогаю продуктами и деньгами. Оно и понятно, к старости пропадает аппетит, желания гаснут, любопытства к жизни почти нет. Одно желание, правда очень сильное, осталось: чтобы у моих внуков удачно сложилась судьба. Я понимаю, что на это можно лишь уповать. Прости мне, Господи, мою женскую глупость, но вспоминается идиотский советский лозунг «Человек – кузнец своего счастья!» Что мы себе выковали под мудрым руководством ленинской партии, я и собираюсь вам рассказать.

Война ворвалась в нашу жизнь, как стихийное бедствие, как ураган, и мы, читавшие газеты и слушавшие хвастливые речи наших вождей, оказались в западне уже через несколько дней после *вероломного нападения гитлеровской Германии*. А жили мы в Минске, в самом центре города, рядом с театром и напротив Суворовского училища. Я закончила первый класс и поехала в пионерский лагерь. Отец мой заведовал кафедрой общей биологии, слыл очень высоким специалистом,

окончил гимназию еще до революции, а в тридцать втором даже написал диссертацию. Он, к счастью, хорошо ориентировался в создавшейся критической обстановке и как только ночью услышал разрывы бомб, с первым поездом поехал за мной и через пару часов мы уже ехали в Минск. Домой он не зашел, а привел меня в школу, где был глубокий подвал, послуживший бомбоубежищем, сказал, что скоро вернется и пошел в Райвоенкомат (РВК), где случайно встретился с мамой. Оба они были медиками и подлежали немедленному призыву в случае войны. Им вручили повестки явиться утром следующего дня, и они отправились домой, прихватив меня из школы. Однако в наш дом попала бомба и всё уничтожила. Мы остались, в чем были и вообще без вещей, даже без куска мыла, без денег, без домашней аптечки. Мама и я стояли и рыдали над могилой нашего жилья, а отец приговаривал, что надо переночевать в подвале школы и утром идти в РВК, там что-нибудь посоветуют. Так началось наше странствие втроем под бомбами и снарядами фашистов.

Утром мы подошли к зданию РВК и обнаружили, что они все удрали. Проходивший мимо старик сказал, что ночью они нагрузили документы на две машины и смылись. Отец сказал, что надо двигаться на Восток, чтобы как можно быстрее добраться до частей Красной армии, и мы на телегах и пешком, на случайных грузовиках двинулись в путь. Нам нечего было предложить в обмен на еду, поэтому мы только призывали к людской жалости. Не раз мы спасались от бомбежки прямо на картофельном поле, умывались водой из лужи, ходили и попрошайничали. Нам не удалось догнать отступающие войска. Одежда наша превратилась в решето. В деревнях, через которые мы проходили, я шла впереди родителей и выпрашивала кусочек хлеба. Чаще всего меня гнали вон. В маленьких городках семьи учителей и служащих сочувствовали нам и делились не только едой, но и одеждой. Один старый учитель подарил папе новую рубашку.

От Минска до Орши всего двести двадцать километров; сейчас кажется, что они рядом, но мы прошли этот путь зиг-

загами, спасаясь от налетов и уходя от больших дорог, по которым ехали немецкие танки, машины, полные солдат и мотоциклисты. Когда мы достигли пригорода Орши, она уже была глубоко в немецком тылу. Тогда отец решил, что другого пути, кроме возвращения в Минск, у нас нет. Обратный путь был легче лишь в том отношении, что нас не бомбили и не обстреливали из пулеметов. Мы вернулись в разрушенный Минск и недалеко от бывшего нашего дома нашли брошенную квартиру. После хозяев осталась кое-какая одежда, крупа, сахар и немного подсолнечного масла. Нам всем удалось отмыться, папа постриг бороду, а мама наконец сделала некое подобие прически. Удивительно, что мы за время скитаний не завшивели. Утром мама пешком пошла в детский дом, где она работала врачом до нашествия. Её там охотно приняли на работу. Как ни покажется странным, немцы в начале войны не проводили тотального уничтожения населения, детей в многочисленных детских домах не трогали, только вылавливали еврейских мальчиков и девочек и куда-то увозили. Это я узнала потом, когда выросла. Родители избегали говорить о случившемся в моем присутствии. Папа видел, что от его института тоже остались одни развалины, и решил последовать маминым советам и заняться сиротами, которых стало великое множество.

Сейчас, по прошествии стольких лет я думаю, что не все люди обязаны сражаться на поле боя. Часть людей, и притом не худшая, должна заботиться о детях, брошенных на произвол злобной судьбы, потому что войны когда-нибудь да кончатся, а разоренной стране нужны рабочие руки и молодые люди для восстановления порушенного хозяйства и пополнения истребленного населения. Пусть вожди не забывают, как *несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед*, драпала на восток, оставляя на милость врага миллионы беззащитных женщин и детей, инвалидов и престарелых, и даже простых тружеников, накрепко связанных с родной землей, политой потом и кровью предков... А потом родная власть выдумала поганые анкеты, чтобы разде-

лить народ на чистых и нечистых! Помню я этот вопросик: «Находились ли вы на временно оккупированных территориях?» Горе тем, кто силою обстоятельств оказался в оккупации. Положительный ответ на этот вопрос означал поражение в правах, невозможность устроиться на мало-мальски ответственную должность. Вообще весь народ оказался виноват, кроме Великого кормчего, Ленинского политбюро и разбойников-чекистов.

Долго еще после возвращения в Минск я видела в тревожных снах картофельное поле, безмятежно ползающих перед моими глазами жучков и пролетающие надо мной ревушие «мессершмиты». Еще осколок памяти напоминает мне о трех ребятах-танкистах, которые забежали в избу и попросили воды. Отец спросил их, куда они движутся. Оказалось, что из всего батальона остался единственный их танк, и вот, они хотят догнать своих. Отец им сказал, что лучше бы им бросить танк и уйти в леса, потом выйти к нашим.— Нет, они не могут, они, мол, отвечают за вверенную им технику.— Не успели они отъехать на двести метров, как самолет сбросил на них бомбу, и они взорвались в своем танке на наших глазах. Их закоптившиеся, усталые лица я тоже долго видела во сне.

В начале войны немцы были уверены в скорой победе и относились к детям более или менее нейтрально. Это потом, когда Белоруссия стала партизанским краем, они озверели и стали расстреливать и вешать всех подряд и сжигать целые деревни. Отец после возвращения пошел работать в управу с единственной целью снабжать сирот продуктами. Всякими хитростями он доставал муку, сахар, соль, мыло, керосин и развозил на телегах по детским домам. Время от времени там появлялись еврейские дети, и отец старался, чтобы во время инспекций они уходили в другой детский дом или скрывал их у знакомых. Таким образом ему удалось сохранить жизнь двадцати пяти подросткам.

После войны я не раз спрашивала отца, как он не боялся помогать сиротам под носом у немцев, не говоря уже

об еврейских подростках. Он отвечал всегда кратко: «Надо помогать людям, попавшим в беду». Это было глубинным его убеждением, не требующим никаких обоснований. В его спокойном ответе таилась такая сила, что я восприняла это правило, как свой кодекс чести. Наверное поэтому впоследствии я стала врачом. Эта специальность давала мне возможность помогать страждущим.

Еды, конечно, хронически не хватало. Малейший перебой в подвозе продуктов оставлял нас часто без обеда, а иногда и без ужина. Мы приходили на уроки немецкого языка и математики (других предметов не преподавали), но усваивать материал не было сил из-за голода, все думали только об еде. Мозг требовал глюкозу, фосфор, белки, жиры для своей деятельности, а взять их было негде. Немка, которая вела у нас немецкий язык, раздражалась от нашей бестолковости и отсутствию памяти. Она реально видела, что дети белорусов и русских — это действительно кретины, *унтерменшен*, как они нас называли. Особенно трудно было зимой. Воспитатели любыми способами поддерживали тепло в доме и заставляли нас пить горячее. Настаивали кипяток на липовых почках, на хвойных иголках, на подорожнике. Организовывались походы за дровами, каждый должен был принести куски досок, мебели или даже ветки деревьев. Такая жизнь продолжалась до 2 июля 1944 года, пока Красная армия не освободила Минск. Когда я всматриваюсь в прошедшие три года, я вижу какие-то серые тени, которые беззвучно и медленно движутся вдоль серых стен нашего детского дома. Мы разучились смеяться и плакать навзрыд, мы разучились дружить, обсуждать наши детские дела, у нас пропал интерес к внешнему миру. Нам казалось, что немцы уже никогда не уйдут обратно в Германию.

Когда, наконец, после трех лет упорных Красная армия освободила Минск, от города осталось одно название. Наши летчики бомбили немцев, а мы прятались среди развалин и в канавах. Вместе с наступающей армией в город вошли особисты. Как я уже сказала, вожди и не собирались брать на себя

вину за страдания народа. Оказалось, что сам народ оказался недостоин своих вождей. Поэтому сразу же на отвоеванной территории началась охота за предателями родины, за всеми, кто *сотрудничал* с немцами. Им не приходило в голову, что брошенный на милость победителей народ, никакой милости не получал. Людям нужно было как-то выживать, кормить детей, а потому люди вернулись к своему труду, чтобы хоть как-то кормиться. Особисты три месяца дергали моего отца, грозили расстрелом за то, что он работал в управе. Отец упорно стоял на своем — надо было спасать детей! Наверное, его в лучшем случае сослали бы в лагерь, если бы в центральной газете не появилась статья — коллективное письмо от спасенных им еврейских подростков. Там было написано, что лично Василий Семенович Коршунов спас двадцать пять человек. Только тогда с неохотой от него отвязались. Должна сказать, что во время войны антисемитизм в СССР еще не разросся до таких чудовищных размеров, каких он достиг в период 1949–1953 годов. Кстати, в Белоруссии евреи и белорусы жили вместе мирно в течение многих десятков лет, в отличие от Украины, так что у нас не было благодатной почвы для проявления национальной ненависти.

В сорок седьмом году, благодаря усилиям друзей, отцу предложили возглавить институт усовершенствования врачей в Пинске. До этого он всячески пытался защитить диссертацию и даже ездил в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) в Москву. Там он долго сидел и стоял в коридорах, ожидая разрешения на защиту, разговаривал с разными людьми, и один пожилой человек, узнав его биографию, посоветовал не тратить зря время. «По вашей анкете вам обязательно откажут здесь, да еще и МГБ наведут на ваш след. Рисковать вашим благополучным положением в Белоруссии я вам категорически не советую... Здесь не посмотрят на ваши заслуги». Отец глубоко вздохнул и решив, что от добра добра не ищут, уехал в Минск. И вот, он получил эту прекрасную должность, но мама категорически отказалась следовать за ним. Детский дом, в котором она работала, едва вмещал детишек,

оставшихся сиротами из-за проклятой войны. А знаете ли вы, что в этой войне погибла четверть населения Белоруссии?! Мама сказала, что детей она не бросит. «У тебя выросла дочь (а мне в сорок седьмом было четырнадцать лет), пусть она у тебя побудет хозяйкой, а мы с тобой постараемся видаться как можно чаще...» У мамы был характер железный. Если она что решила, никакие доводы на неё не действовали. Так мы с папой оказались в Пинске. Какое это замечательное чувство — своей необходимости! Я училась в школе, вела дом и готовила еду, старалась, чтобы к приходу отца на столе всегда была горячая еда. Денег он по меркам тех лет получал много, но распоряжалась ими практически я одна. Я четко понимала, что все равно надо экономить, потому что мы ездили в Минск по праздникам и с субботы на воскресенье к маме. Однажды я не устояла и купила на рынке довоенный велосипед. Я давно мечтала разезжать по магазинам и по делам на велосипеде, но на этот раз я едва добралась до дома. Мой велосипед буквально развалился у меня на глазах. Я сидела и редела от чувства обиды и собственной вины — ведь я потратила деньги, которые отец доверил мне для ведения хозяйства. Пришел с работы отец, выслушал мои причитания и начал меня утешать — ни одного строгого слова, никаких назиданий!

В пятидесятом исполнилась моя мечта, я стала студенткой медицинского института в Минске. Я с гордостью говорила подругам, что это наша семейная традиция — мы всегда хотели быть врачами. Боже, как мы радовались жизни! Прошло всего пять лет после окончания войны, а уже отменили продуктовые карточки и стали снижать цены на продукты. Будущее казалось светлым. В моей группе на третьем курсе было трое ребят, которые успели повоевать в последний год войны. Они были чуть старше и серьезнее остальных, и вокруг них образовался тесный кружок, где обсуждались проблемы культуры и внутренней политики. Мне с ними было очень интересно, хотя я не всё понимала. Они иногда говорили о необходимости восстановления Ленин-

ских норм в партийной жизни (они были членами ВКП(б)). Я тогда и не представляла, что за такие речи можно жестоко пострадать. Однажды утром мне кто-то сказал, что все трое арестованы. Меня же никто не тронул, и я очень боялась, что другие могут подумать, что это я донесла на них. К счастью, на дворе был уже пятьдесят третий год. Сталин умер и, как мы знаем теперь, наверху началась драчка за власть. Ребята были реабилитированы через три года, вернулись в Минск, но доучиться им не позволили. Пришлось им довольствоваться дипломом фельдшера и радоваться, что легко отделались. Спустя много лет выяснилось, что донес на них один студент из моей группы. Самое ужасное, что он признался мне в содеянном зле, не испытывая никаких угрызений совести. Я спросила его, почему же он не донес на меня? — «Я пожалел тебя, потому что ты была тогда беременна», — ответил он. — И кроме того, я был в тебя влюблен. И еще мне казалось, что ты тоже влюблена в меня. Ведь ты назвала своего первенца Михаилом в честь меня?» Что я могла ему ответить? Мне было тяжело и тошно находиться рядом с ним, и я была рада, что мы расстались, как пассажиры, которые ехали из пункта А в пункт Б в одном душном купе.

Я решила специализироваться как акушер-гинеколог не только потому, что мне нравилась эта специальность. Мне казалось, что для восполнения погибшего от войны населения нужно поставить работу по его восстановлению на должную высоту, то есть проявлять максимальную заботу и терпение к беременным. О том, сколько опасностей подстерегает будущую мать, *«рядовой труженик»* мужского пола даже не представляет. Помнится, один доцент сказал с усмешкой, что муки родов, казалось бы, должны были бы предостеречь женщин от контактов с мужчинами раз и навсегда, так нет — идут на муки и даже по несколько раз в жизни!

После института меня приняли в одну из лучших клиник, где заведовал профессор Ш. Я ему понравилась и уже рисовала в своем воображении картины, как я помогаю роженицам с патологическими отклонениями родить младенца. На мою

несчастье со мной в паре работала молодая практикантка Лида. Однажды к нам в клинику пришла молодая и красивая женщина, которая хотела уточнить, на каком она месяце, и получить консультацию по вынашиванию ребенка. Лида повела её на гинекологическое кресло, а я пошла в соседнюю палату. Через десять минут за мной прибежала Лида с совершенно белым лицом. Не знаю, что она сделала с пациенткой, но та буквально умирала от сильного кровотечения. Прибежал профессор Ш., взглянул и распорядился срочно готовить женщину к операции. Буквально чудом удалось её спасти. Для профессора это был просто шок. Под сомнение ставился авторитет клиники! После того, как улеглась тревога, профессор объявил свое решение — молодых специалистов в течение ближайших трех лет он к пациенткам не подпустит, только в сопровождении опытных врачей. Меня такое решение абсолютно не устраивало, и я пошла работать участковым врачом в ближайшую поликлинику. Врачей тогда в Минске катастрофически не хватало и меня быстро оформили на работу. Что это за работа, могут вам сказать только сами врачи и их семьи. Зимой, когда начиналась очередная эпидемия гриппа, мы буквально валились с ног от усталости. Порой число вызовов в день достигало почти сотни. Когда я пожаловалась главному врачу на перегрузку, та строго так ответила: «Все вызовы должны быть выполнены. Считайте, что вы на фронте. Идете домой после рабочего дня, спите один час, пьете стакан чая — и снова за работу! Хоть до часа ночи, понятно?»

Так прошло десять лет. Хотя я старалась исправно читать медицинские журналы и даже выписывала «Медицинскую газету», я чувствовала, что «текучка» засасывает меня, что я теряю квалификацию практикующего врача. Не было времени на обдумывание, приемы были колоссальными, больные в коридорах непрерывно скандалили: «Почему так долго? Что вы с ним (с ней) столько возитесь?» Я превращалась в диспетчера, распределяющего больных к специалистам и выписывающего бюллетени. Зарплата при этом была столь

мизерная, что если бы не полторы ставки, нам буквально не хватало бы на еду. Короче, я решила стать эндокринологом. Надо было сдать квалификационный экзамен. Я взяла месяц отпуска и месяц за свой счет, сидела и зубрила учебники, потом уволилась и пошла в ординатуру в клиническую больницу. Если бы вы только знали, какая это интересная наука! Действие желез внутренней секреции определяет с помощью выделяемых ими гормонов практически все значимые для организма реакции. Эти гормоны, являясь по сути низкомолекулярными белками, ускоряют процессы в клетках в десятки тысяч раз. Отсутствие или недостаток того или иного гормона означает резкое ослабление защитных функций организма, мышечного тонуса и развитие тяжелых заболеваний. Возьмем к примеру инсулин, вырабатываемый поджелудочной железой. Это две коротких белковых цепочки, связанные между собой. Как они действуют в организме человека, я вам не скажу, не знаю. И вообще, в те годы, когда я стала эндокринологом, еще не было геной инженерии, да и про гены мы услышали только в конце шестидесятых. Знаю я только, что этот инсулин до сих пор добывают на бойнях из убитых свиней и коров и что он немного отличается от человеческого. Однако уже сегодня, в двадцать первом веке, с помощью специально генетически обработанных кишечных бактерий типа *E-coli* можно запросто купить для инъекций чистейший человеческий инсулин (хотя он пока что подороже).

Прошло еще несколько лет, и наступила пора моему старшему сыну готовиться к экзаменам в институт. В медицинский, разумеется. Наняла я одного симпатичного доцента-химика, чтобы помог сыну, и в их первом разговоре вдруг я услышала: «Откуда у вас фамилия Коршунов?» — «Это фамилия моего деда». — «Василия Семеновича?» — «Ну, да...» — «А знаете ли вы, молодой человек, что ваш дед спас мне жизнь? Немцы часто проверяли, нет ли в детских домах еврейских детей, уводили их и расстреливали. Вот, однажды вечером Василий Семенович подозвал меня и сказал, что

завтра утром должны прийти немцы, так что иди быстрее в детский дом, что на окраине города. Немцы боятся ходить по окраинам из-за партизан, в том доме легче спрятаться. Так я и сделал и, вот, остался жив. А теперь займемся химией...» Я после этого разговора прямо-таки летала от чувства гордости за отца.

К концу семидесятых моя личная жизнь вошла в относительно спокойное русло. У меня была любимая работа, двое моих сыновей пошли по моим стопам, старший уже работал педиатром и собирался заняться научной работой, а младший учился на третьем курсе и мечтал стать хирургом. Пожалуй, единственным, но постоянно влияющим на настроенное элементом в семье было поведение моего второго мужа Николая, который был евреем и диссидентом в одном лице. Честно говоря, мне вполне хватало работы с больными и забот по дому, но Коля неустанно ругал Советскую власть (которая действительно плохо управляла страной) и без конца слушал радио «Свобода» и «Голос Америки» на английском языке, которым он прекрасно владел. Регулярно по субботам к нам приходили его друзья на преферанс, после чего они распивали вчетвером бутылку водки и начинали жарко обсуждать скрываемые от народа плохие новости. Я всегда считала, что такие «посиделки» вполне в порядке вещей — ведь должен мужик, как говорится — «выпустить пар». Всё лучше, чем собираться возле пивной и общаться со всяким сбродом, а потом приползать домой в нетрезвом виде. К своим пятидесяти годам я насмотрелась на все эти безобразия вокруг досыта.

К концу правления Брежнева со старцами со скрипом и всяческими подлостями со стороны КГБ началась эмиграция евреев в Израиль. Чего только кагэбэшники не изобретали, чтобы евреи сидели и не высывались. Но они напали не на ту нацию. Мне Коля много рассказывал из еврейской истории. Сколько раз они восставали против Рима! Да и Библию создали они, чтобы все, ненавидевшие и убивавшие их, поклонялись их единому Богу и Его бессмертному Сыну.

А что касается Духа Святого, то мне как врачу-практику эта субстанция незнакома; может быть, поэтому я не стала верующей. Хотя скорее — я никогда не могла примириться с тем, что Бог не вмешался и не спасал свой избранный народ, когда его сжигали в газовых камерах и расстреливали на краю вырытых траншей.

Раз уж я стала теоретизировать, скажу то, что лежит на сердце. Вот, как это получается, что интеллигентный человек, филолог по образованию, еврей и диссидент начинает в сорок лет бегать за юбками, врать жене о несуществующих командировках, приходиться поздно со следами помады на шее и с запахом чужих духов? Пять лет я терпела его «романы» ради сохранения семьи, пока моя подруга не сказала мне: «Да гони ты его вон! Он тебя агитирует ехать с ним в Израиль? — Он тебя там бросит ради очередной юбки, и ты останешься «на бобах» в незнакомой стране, да еще и без работы». Короче — так я и поступила.

Пока я справлялась со своими личными проблемами, незаметно наступил мой предпенсионный возраст. Я уже рассчитывала, что оформлю пенсию, и она прибавится к моей зарплате — я ведь и не собиралась пребывать на «заслуженном отдыхе»! Мама моей подруги работала до семидесяти пяти лет отоларингологом в больнице, получала почти триста рублей в месяц, так что и на черный день собирала. Вот, кстати, не знаю, как там в других странах, а у нас все знают про черный день. То, что старцы из Политбюро стали помирать один за другим, нас даже веселило и вселяло надежды, что придут на их место молодые и поставят нашу экономику на новые рельсы, и мы перестанем покупать хлеб в Канаде, и научимся делать обувь не хуже, чем в Испании или Италии, ну и так далее... И вот, пришел самый молодой, с высшим образованием — Горбачев. И объявил начало перестройки. Я не поклонница сидеть перед телевизором, как некоторые, разве что покажут хороший спектакль по каналу «Культура», но ради перестройки стала я регулярно смотреть наши политические новости. Непонятным было мне, почему пере-

стройка должна быть с ускорением и почему перестройку надо сперва начинать со своих мозгов. Как будто у нас вместо глаз рентгеновские трубки, которые видят насквозь каждого, кто не перестроился.

Но вот, наступил для всех нас чёрный день двадцать шестого апреля 1986 года, когда взорвался четвёртый блок Чернобыльской атомной станции. Наступил он неожиданно для нас, так же как и вероломное нападение фашистов на СССР. Много было по этому поводу разговоров — отчего да почему, была и такая версия, что торопились провести испытание реактора, где работают радиоактивные стержни, раньше срока — перед нашим любимым праздником Первое Мая. Сейчас каждый желающий узнать истину может пойти в Интернет и прочесть все подробности Катастрофы. Но в то время руководство ЧАЭС и курирующие партийные идиоты сделали всё, чтобы скрыть от общественности этот ужасный по последствиям факт. Население оповестили только через **тридцать шесть часов после взрыва!** Сколько героических людей погибло, сколько молодых солдатиков стало инвалидами — не перечислить. Правильно сказал мой любимый писатель Михаил Жванецкий, что героизм одного человека в нашей стране вызван преступлением (халатностью) другого. 28 апреля 1986 года в 21:00 ТАСС передала краткое информационное сообщение:

«На Чернобыльской атомной электростанции произошёл несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь. Создана правительственная комиссия для расследования происшедшего».

Всегда врал народ, врал и на этот раз. Горбачев выступил по телевидению и сказал, что у нас случилась беда. Лицо его выражало растерянность, его соратники спрятались за его спиной, а храбрые парни уже сражались с невыносимой радиацией, получая смертельные дозы. Как я поняла из отрывочных данных, в радиоактивном выбросе было

очень много радиоактивного йода, который был продуктом неконтролируемой ядерной реакции. Йод быстро распался и, значит, был предельно опасен для людей, потому что он накапливался в щитовидной железе и поражал живые клетки. Другие железы эндокринной системы тоже страдали из-за радиоактивного цезия и стронция, образующихся при распаде урана. Мы хлебнули горя в Белоруссии, которую накрыло радиоактивным облаком, а о том, что произошло на Украине, даже подумать страшно. В русской версии Википедии сразу после взрыва погиб 31 человек и еще 60–80 погибло в последующие 15 лет. Какое бездарное вранье! Неужели на нашей многострадальной земле совершенно отсутствует статистика катастрофы? Для чего же тогда существуют отделы кадров и всякие статистические конторы? Пятьдесят лет врал про наши потери в Великой Отечественной войне, и сейчас люди толком не знают, сколько мы потеряли. Вот почему я ненавижу правление коммунистов до сих пор. Все причины наших бедствий на их совести.

«Надо помогать людям, попавшим в беду» — эти слова отца звучали в моей голове. «Я должна быть там и как можно скорее!» Кто, как не эндокринолог лучше всех понимает в этих медицинских вопросах? Все врачи — люди военнообязанные. Если ты ищешь причины, чтобы отказаться от работы в опасных условиях, то ты не врач. Город Припять эвакуировали полностью, но до тех, кто жил в сельской местности, помощь доходила с колоссальным опозданием. Тем несчастным просто некуда было податься. Их оповещали по радио, чтобы они не пили молоко, не ели зелень, не ловили рыбу, не ходили в лес за грибами и ягодами. А чем, спрашивается, они должны были поддерживать жизнь? Я поехала в деревни, ближайšie к Мертвому городу, спустя два месяца после катастрофы. Как специалист по эндокринологии, я уже ничем не могла помочь ни взрослым, ни детям. Я обследовала детей на предмет обычных заболеваний и составляла сопроводительные документы для вывоза их в безопасные районы. Рядом со мной работал дозиметрист, который замерял

радиоактивный фон в домах, в воде и продуктах. Его данные считались особо секретными, так что жители даже не представляли, когда им помирать и от чего.

Мы возвращались каждый день в специально оборудованный центр и приступали к дезактивации одежды и обуви, тщательно мылись и проверялись дозиметристом. На следующий день всё начиналось по тому же графику и так продолжалось все три летних месяца, иногда прихватывали и сентябрь в зависимости от погоды. Вечерами обсуждали рабочие дела с коллегами, делились впечатлениями от разговоров с людьми, которые уже потеряли надежду на лучшую жизнь. Именно там, на месте радиоактивной зоны я видела зеленое молоко, которое выливалось в канавы после дойки коров. Жители говорили, что после заражения вся трава, листья деревьев и огородные культуры приобрели ярко зеленый цвет. Один биолог, который был с нами, предположил, что под действием радиации часть обычного хлорофилла в растениях превратилась в другой зеленый краситель, который не усваивался коровами. Мы ведь знаем и не удивляемся, что корова летом ест обычный зеленый корм, а молоко всегда белое-белое. Ещё одним открытием было, что рыба в реках выростала до громадного размера. Я сама видела карася, который едва влезал в эмалированное ведро, на него смотреть было страшно. Очень крупными стали лесные ягоды. Одним словом — Зона. А вот человек остался человеком, хотя по поздней статистике количество младенцев с нарушениями, рожденных от облученных женщин, не очень-то отличалось от средней величины в прошлом.

Пять лет я выезжала в летние командировки и старалась помочь людям, отрезанным от мира по вине халтурщиков и партийных негодяев. Все они, виновные в страшном преступлении, отделались партийными взысканиями и выговорами. И непонятно, кого из них надо было бы судить жестоким судом — конструкторов, выпустивших реактор с многочисленными огрехами, персонал станции, который безобразно вел ответственные испытания энергоблока,

трусов и карьеристов из высшего эшелона власти или рядовых начальников за наплевательское отношение к населению пострадавших районов. Нашелся только один достойный человек, академик Легасов, чей институт выпустил бракованный реактор. Он разработал в срочном порядке рецепт смеси, с помощью которой удалось приступить к ликвидации аварии. Многие из нас, старавшихся помочь людям, попавшим в беду, были награждены «Значком Ликвидатора», а могли бы наградить и орденом за мужество. Ладно. История нас рассудит — кому позор, а кому бессмертие.

Жизнь продолжалась, рассыпалась на куски Российская империя, наступила эпоха перемен, стали отпускать людей за границу на постоянное жильё. Мой младший сын уехал в Америку, устроился работать, завел семью и всё просил меня подать документы на въезд и приехать помогать растить внуков. А что еще может сделать доброго стареющая женщина с медицинским образованием? Конечно, я последовала его совету. Потом к нам примкнул старший сын с семьей. Наверное, лучшей судьбы не сыскать. Последние двадцать лет живу одна в двухкомнатной квартире, продуктов полно, денег на жизнь не только хватает, но еще и остается, чтобы делать близким моим подарки. Счастье-то вот оно! Надо только представить, насколько наша жизнь лучше и устроеннее, чем в Минске. Но почему всё-таки болит душа и вспоминаются тихие белорусские леса, чистая вода озер и речек, запах домашнего хлеба, родная речь?..

ПРОФЕССИОНАЛ

Орловский трудился бы в своем НИИ всю жизнь, если бы перестройка не поломала всю нашу плановую экономику. Как выяснилось впоследствии, это мероприятие угрожало также и отечественную науку и всю систему образования, начиная с первого класса и кончая последним курсом учебного института. Когда-то Кеннеди узнал, что русские первыми запустили искусственный спутник Земли, и он приказал своим аналитикам срочно выяснить, как это могло случиться, что отсталая в экономическом отношении страна обогнала самую богатую и самую свободную капиталистическую державу. Аналитики поискали и нашли — в России самое лучшее в мире школьное и университетское образование. Да, так когда-то было, а теперь мы обезьянничаем и стараемся подражать американцам, всё делаем на компьютерах, но дети наши стали неразвитыми и безграмотными бездельниками. Не слишком ли большая роскошь для очень, очень бедной страны?

Однако в начале 70-х мы еще были на высоте, потому что учили нас в пятидесятых здорово, и если у нас не было новейших технологий, то мы умудрялись на коленке делать ого-какие образцы! Наши спутники летали аж до Венеры, мы первыми сделали фотку обратной стороны Луны, вообще, мы много чего сделали... Однако вернемся к Орловскому. Это был человек! Смесь стальной воли и стального упрямства. В нем кипела кровь польских повстанцев, оба его деда были в конце 19-века удостоены дворянского звания за заслуги перед российским отечеством и вышли в отставку в чине полковника. А внук их старался прожить на зарплату в сто двадцать рублей в обычном НИИ. Отраслевой ин-

ститут — это вам не академия наук. Я не берусь описывать вам рядовой совковый проектный институт: мне кажется, там ничего, кроме гор испачканной бумаги, не отыщешь. Орловский в своем НИИ умудрился в полутемной комнате, заставленной железками и допотопными отечественными приборами, разработать свой собственный метод улучшения качества отечественных резин до такой степени, что они мало отличались от импортных, хотя в рецептурах преобладали наши собственные, плохие синтетические каучуки (натуральный каучук покупался за золото на бирже в Лондоне и расходовался в основном на оборону). Однажды Лисичкин, его закадычный друг еще со второго курса, побывал у него в комнате, увидел установки для испытаний образцов, советский масс-спектрометр с самописцем жуткого вида и искренне пожалел друга. Правду сказать, Орловский в жалости не нуждался. Если для получения мало-мальски вразумительного масс-спектра нужно было потратить два дня, он сидел перед установкой два дня и ему было наплевать, что тот же спектр на импортном приборе получается за полчаса, и выглядит весьма импозантно — хоть сейчас посылай в научный журнал. Домой он не торопился, там его ждала дежурная сковородка с пережаренными макаронами и куском застывшей вареной колбасы подешевле, еще там лежала на диване некрасивая, толстая и грубая женщина, которую он едва выносил, но всегда молчал, ибо не желал скандалить. Она же, не получая пищи для того, чтобы начать орать и оскорблять нерасторопного мужа, который был сыном профессора и внуком царских полковников, непрерывно подсовывала ему грязную или тяжелую работу. Ей было невдомек, что никакая работа не может унижить мужчину. Когда обстановка накалялась, Орловский выходил курить на балкон, прихватывая очередной детектив. Лисичкин однажды попенял ему, что он вместо серьезной литературы читает всякую ерунду, но тот ответил, что у него нет времени и желания вчитываться в классику, а детективы просто отвлекают. Он их кладет на полку и тут же забывает.

Вообще-то личная жизнь людей, посвятивших себя серьезному делу, редко оказывается счастливой, потому что хронически не хватает времени на домашних, да и мозги непрерывно работают над решением проблем, не связанных с бытом. А если бы всё было гармонично, то из реальной жизни с её дрызгами, скандалами, ссорами, неприятностями на работе и прочим мусором получился бы *рай божий*, благостный до тошноты, и писать рассказы или романы стало бы не о чем, не так ли?

В отличие от множества дипломированных бездельников, которые за сто двадцать рублей в месяц готовы были до самой пенсии просиживать брюки и юбки за канцелярскими столами, Орловский при пятиминутном отсутствии живой работы начинал беситься. На лестничную площадку покурить он не выходил, там всегда группировались болтуны, готовые по полчаса обсуждать хоккейные матчи или ремонт мотоцикла. Он курил в своей комнате, несмотря на грозные окрики дирекции о нарушении пожарной безопасности. Кстати, случавшиеся время от времени пожары почти на сто процентов происходили от отечественных чайников или кипятильников, которые оставляли без присмотра.

Через семь лет упорной работы на горизонте замаячила перспектива защиты диссертации. Начальство в лице пожилой дамы, имеющей кандидатский диплом, но не имеющей реальных знаний, понимало, что Орловский обладает потрясающей работоспособностью и рекомендовало его для серьезных проектов. А пока ему постоянно приходилось разъезжать на подшефные заводы, выпускающие резино-технические изделия. Вернувшись из Свердловска, он со всеми подробностями и очень вкусно рассказывал Лисичкину, как он шаг за шагом приводил в рабочее состояние линию, выпускающую армированные резиновые шланги. Его неторопливое повествование напоминало, тексты Дефо о том, как Робинзон Крузо обустроивался на необитаемом острове. Лисичкин восхищенно слушал насыщенное юмором неторопливое повествование, ибо

отпочковавшись от технологии резины пять лет назад, он заделался химиком-спектроскопистом. На этот раз Орловский рассказывал, как аборигены едва не сожгли новый экструдор, загрузив его холодной резиновой смесью. Осмелюсь напомнить читателям, что экструдор работает, как мясорубка, то есть основой его является знакомая домохозяйкам шнековая передача, только вместо мяса кладется сырая резина, а профиль фарша определяется насадкой. Короче, шнек работал и работал, резина сначала не выходила, а потом перегрелась и завулканизировалась. В результате из жерла экструдора вылезла черная кишка длиной полметра, вылитый конский пенис, а двигатель угрожающе зарычал и стало тянуть запахом жареного трансформатора. Хорошо, что мастер был недалеко и вырубил ток, сказав пару теплых слов выпускнику резинового техникума. Вот так линия с вытянутым конским прибором стояла уже две недели и ждала столичного младшего научного сотрудника. Орловский скинул пиджак, надел синий лабораторный халат и, позвав механика на подмогу, начал крутить гайки. К концу дня удалось разобрать экструдер, промыть его керосином, отодрать приставшую резиновую массу и запустить линию. О том, что Орловский способен всё сделать по уму, начальство отлично знало. Поэтому неудивительно, что именно его начальница отдела рекомендовала в командировку в Италию на три месяца с тем, чтобы ускорить процесс выпуска отечественных легковых автомобилей серии ВАЗ. Услышав о предстоящей командировке, жена повалилась на диван и в восторге задрыгала ногами. Она уже представляла себя в модных итальянских сапожках и составляла список вещей, которые желала бы получить и поскорей.

Разумеется, читатель понимает, что все мы в те годы мечтали о поездках за границу, чтобы взглянуть не столько на иноземные красоты, сколько на то, как там живут простые люди, вроде нас: что они едят, стоят ли в очередях, какого качества продукты, во что одеты, рассказывают ли полити-

ченские анекдоты, интересуются ли нашей страной — ведь мы (ого-го!) первыми шагнули в Космос, ну, и так далее, и всё прочее. Нас туда выпускали поштучно. А ведь Орловский был беспартийным, и отец его тоже был беспартийным, с хорошей примесью польской крови (слава Богу, что не еврейской), и профессором... Сколько пришлось Орловскому заполнить анкет — невозможно сосчитать, потом его вызвали в райком партии, где румяные старички и старушки проверяли его политическую грамотность, потом его вызвали в министерство, где ему сообщили, что вместо планируемых трех месяцев с группой инженеров его посылают одного на две недели. Тут Орловский взбесился и ответил ледяным тоном, что на две недели он ехать отказывается, потому что объем работы огромный и он не хочет стать посмешищем в собственном институте.

Важный чиновник В.М. не был готов к такому повороту разговора. Все, кто приходил в его кабинет благодарили и кланялись, а те, кто посмелее, делали намеки на вознаграждение. Он их не торопил: те, кто попал в обойму выездных, четко знали правила, установленные В.М.: хочешь ехать — неси подарки после возвращения... А этот, видно, с люстры упал, не понимает своей выгоды.

— Ладно, — сказал В.М., — не желаете ехать, найдем специалистов не хуже вас.

— Не возражаю, — ответил Орловский, направляясь к двери.

— Вот гад, — подумал В.М., — даже не попрощался. Возомнил о себе невесть что!

Вышеупомянутый В.М. никогда не отвечал на *здравствуйте* посетителей и уж тем более не удостоивал внимания их *до свидания*. Вообще, он считал, что все они, мечтающие поехать за границу, недостойны такого дара и разрешение им дается в силу их недобросовестных интриг. Всех, кто навещал его с подарками благодарности, он презирал, говорил им *ты* в ответ на их почтительное *Вы* и никогда не говорил *спасибо*.

В институте быстро узнали о демарше Орловского. Замдиректора по науке Г.Г. мягко пожурил его за безответственность, на что Орловский резко возразил, что он-то как раз проявил ответственность и в подачках министерства не нуждается. Г.Г. поглядел на поношенный костюм Орловского, на дешевые очки в пластиковой оправе, на съехавший на бок галстук и подумал: «А я бы от такой подачки не отказался... С другой стороны, это даже хорошо. Пусть знают там, в министерстве, какие люди работают в нашем институте».

Время шло, и в конце концов Орловский вышел на предзащиту со своими материалами, накопленными за десять лет работы. За год до этого на конференции по термостойким резинам он познакомился с профессором Э.В. из знаменитого академического института Химфизики, о котором ходила слава *черного* оппонента при ВАКе и человеке парадоксальном, который может доказать или опровергнуть что угодно. Э.В. заинтересовался опытами Орловского и помог ему объединить бесчисленные графики под одной генеральной идеей. К слову сказать, Орловского, как нарушителя спокойствия, многие недолюбливали и были не прочь устроить ему баню на предзащите. Если бы не Э.В., так бы оно и случилось, потому что некоторые из местных «теоретиков» заявили, что выводы Орловского противоречат законам термодинамики. Они не ждали отпора и уже хихикали, что надавали пинков этому выскочке-трудоголику-ремесленнику. И вдруг на кафедре возвысился Э.В. и разинул свою черную пасть, из которой полилась научная брань по поводу тех, кто воображает, что знает термодинамику. За пять минут от оппонетов осталось мокрое место. Дирекция, сидевшая за столом президиума зашептала: *Кто это? откуда Он?* — Разнос, который сделал Э.В. ученому совету, выглядел вполне скандально. Получалось, что уважаемые члены совета не компетентны в фундаментальных вопросах о строении и свойствах полимеров, не говоря уж о резине.

Состоявшаяся через полгода защита, прошла без единого голоса против. В ресторане «Центральный» по этому случаю

сидели и угощались отцы-командиры — как-никак они подпирали стены своего НИИ и выбивали деньги в министерстве. Лисичкин тоже был приглашен. Он сидел рядом с престарелым отцом Орловского и поражался сходству их внешних реакций. Даже смех, неизменно переходящий в легкий кашель, у них звучал совершенно одинаково. Лисичкин решил было сказать что-нибудь этакое, чтобы развеселить честную компанию, но потом решил, что в незнакомой обстановке лучше помолчать.

После получения диплома Орловский вскоре получил должность старшего научного сотрудника, что значительно улучшило внутрисемейные отношения. Шутка ли — на сто двадцать рублей больше! Куда будем деньги девать? Но дело было не в этом. В ближайшем будущем наклеывалось участие НИИ в совместном космическом проекте с американцами. Орловскому намекнули, что его кандидатская степень и должность открывают ему теперь новые возможности приложения его знаний и умения ставить модельные эксперименты в малоисследованной области поведения резиновых уплотнений в условиях вакуума и чрезвычайно низких температур. Сознает ли он, какую ответственность он должен взять на себя?

У дирекции в этот момент голова болела, где принимать рабочую группу из США, что можно показывать и что показывать категорически нельзя. И не потому, что не хотелось потом потеть в соответствующем кабинете знаменитой конторы, а в предвкушении чувства безмерного стыда перед гостями за убожество наших лабораторных помещений, которые не ремонтировались десятилетиями, за комнаты, которые именовались «красными уголками» и «кабинетами политпросвещения», за коридоры со вздувшимся линолеумом, за наши поганые буфеты, торгующие несвежей пищей. Дирекция первой прошла суровый инструктаж о недопустимости разговоров на политические темы, и теперь они сидели и составляли маршруты, по которым следует водить гостей, чтобы они не видели нашу суровую правду.

Им не приходило в голову, что достаточно бросить взгляд вокруг любой станции метро и сразу по манерам и одежде, по содержимому пристанционных киосков можно сразу сделать вывод о состоянии дел в стране и понять как мы убого живем, огородившись от мира Берлинской стеной.

Хотя все инженеры учили со школы английский, никто, кроме выпускников языкового ВУЗа не мог толком объясниться с гостями и понять их вопросы. Из министерства, обещали прислать двух переводчиков. Орловский, разумеется, тоже не знал живой язык, но они с Лисичкиным когда-то решили, что это и не нужно. Переводить статьи они могут, рисунки и графики понимают, а болтать по-ихнему не с кем и незачем. Все равно никуда нас не выпустят. Дирекция решила выделить для совместной работы комнату, куда было приказано в срочном порядке перетащить из лабораторий самые новые установки и приборы, которые, честно говоря, не отличались особой новизной, но все же были произведены в Чехословакии, Венгрии и ГДР. Наше испытательное оборудование показывать гостям было просто стыдно. Орловского выбрали для контактов единогласно, хотя секретарь партбюро Докукин посетовал, что вот, молодой, перспективный, а в партии не состоит. Хоть бы подал заявление о приеме — легче было бы отчитываться перед верхами. Долго решали, где будут гости обедать. Замдиректора по снабжению выразился в том духе, что нигде поблизости сносной едой не потчуют — одни рыгаловки. Пусть, мол, Орловский с переводчиком возит американцев в ресторан «Кристалл», что на Ленинском проспекте. Тут вмешался начальник первого отдела и сказал, что он рекомендует для подстраховки обязательно привлечь Людмилу Делягину, которая будет осуществлять общие контакты и оперативно решать возникающие вопросы.

Когда об этом сообщили Орловскому, он скривился и буркнул, что могли бы пристегнуть кого-нибудь потолковей. Замдиректора по науке посоветовал ему помалкивать и, как можно быстрее, прочесть, сравнить и обсудить техни-

ческие требования к резинам, составленные американцами и нашим космическим КБ.

Наконец, гости прибыли — трое улыбчивых парней в джинсах и ковбойках с закатанными рукавами и один пожилой и строгий в костюме с галстуком. Прилетели они всего на неделю, поэтому рабочий график оказался очень насыщенным. После окончания работы они забирали материалы к себе в гостиницу, чтобы с утра внести необходимые изменения в проект и согласовать новые испытания на американском оборудовании. Обе стороны отчетливо понимали, что основным фоном совместного проекта является проверка надежности двух социальных систем и сбой в работе на орбитальных станциях по чьей-либо вине будет оцениваться прежде всего в политическом аспекте, а нашей стороной еще и рассматриваться, как преступление. Как выразился наш Главный Конструктор — никакие случайности возникнуть не могут, все советские участники проекта отвечают своей головой.

Орловский так долго находился в контакте с гостями, что даже стал немного понимать их скороговорку и поправлять переводчицу, если та путалась в терминах. В житейском плане американцы были ему неинтересны, их шутки он считал детскими и плоскими, болтать о политике или о жизненных ценностях было просто некогда. После обеда в ресторане, оплаченного принимающей стороной, гости принимали какие-то таблетки, запивая водой из своих американских бутылочек. Видимо, наша кухня была им не по пищеварению. Товарищ Делягина неизменно присутствовала в рабочей комнате, где ей был выделен стол у окна. Перед ней лежала стопка бумаги и новенький импортный калькулятор с крошечной зеленой неонкой, на котором она что-то непрерывно считала. Однажды Орловский проходил мимо её стола и мельком заметил, что она перемножала и делила семизначные цифры, а результаты аккуратно записывала в рабочий журнал. Видимо, четыре действия арифметики она освоила вполне сносно лет сорок тому назад. Она также

неизменно присутствовала на обедах в «Кристалле» и с энтузиазмом изучала меню. На все вопросы, задаваемые через переводчицу, она отвечала кивками типа нет и да с милой улыбкой. Американцы находили её вполне достойной дамой, которая хорошо выглядела в свои сорок восемь-пятьдесят лет.

Через неделю американцы отбыли домой, а наши стали готовиться к ответному визиту. Лететь предстояло в Хьюстон. Ответственность была огромной, вследствие чего мало кто из НИИ претендовал на участие в проекте, несмотря на привлекательность поездки. Докукин посетил Орловского в его полутемной комнате, заваленной железками с намерением предложить ему срочно подать заявление о приеме в партию. Орловский в это время с остервенением боролся с тараканами, которые размножились в институте чрезвычайно. Оно и понятно. Люди приносили еду с собой и разогревали в рабочих комнатах на плитках. Пищевые остатки выбрасывали в проволочные мусорные корзины, которые всю ночь не опорожнялись, потому что уборщицы приходили на работу к семи утра. Так вот, Орловский изобрел свой собственный способ уничтожения прожорливого племени. Он открывал ящики лабораторных столов и плескал туда жидкий азот из сосудов Дьюара. Тараканы дохли тысячами. Оставалось только высыпать их, как семечки, на газету, отнести в туалет и спустить воду. Докукин поглядел на кучи дохлых тараканов и решил, что в такой обстановке говорить о приеме в партию было бы неэтично. Поэтому он предложил Орловскому подняться к нему в кабинет в конце рабочего дня. Тот кивнул и продолжил санобработку. В полдень следующего дня Докукин с раздражением вошел к Орловскому, который в оптической ковете измерял со своей помощницей удлинение образца резины при постоянной нагрузке.

— Я же просил вас, Николай, зайти вчера ко мне после работы...

— Я заканчиваю свой рабочий день в восемь вечера ежедневно. Когда я поднялся к вам, дверь кабинета была закры-

та. А сейчас, извините, у нас идет эксперимент и я не могу отвлекаться. До свидания.

Докукин, не ответил и закрыл дверь. «Сукин сын, профессионал хренов, — думал он с бессильной злостью. — Как изменилось все к худшему без Хозяина. Куда мы все идем!»

Куда шел Докукин и куда он пришел с товарищами по партии, мы теперь отлично знаем, а Орловский в компании с конструктором пресс-форм и представителем министерства через полгода улетел в Хьюстон.

Судя по тому, как он впоследствии описывал свой вояж Лисичкину, Америка в целом ему не понравилась. Собственно, он её и не видел. Его привозили из гостиницы в огромный бетонный куб без окон. Внутри куба шли бесконечные коридоры. Вдоль стен стояли тут и там автоматы, где за доллар можно было на ходу взять чашку кофе в пластиковом стакане и разные снеки. За закрытыми дверями были огромные комнаты, залитые светом неоновых ламп. В комнатах, разгороженных прозрачными перегородками, масса людей трудилась молча. Никто не распивал чаёв, не рассказывал анекдоты, не играл в шахматы, никто не выходил покурить. Ранним утром эбонитово-черный парень развозил на тележке полуметровой высоты стопки белейшей плотной бумаги для копировальных машин. Любой сотрудник мог в течение дня сделать для своей работы нужное число копий — хоть сто, причем для этого не требовалось никаких разрешительных подписей начальства. Это было ново! У нас вся копировальная техника была в ведении первого отдела — как бы не напечатали листовок против советской власти! Наши копировальные машины были неимоверно громоздки и неуклюже бессмысленны, как мавзолей Ленина. А здесь они напоминали небольшую этажерку и были настолько просты в эксплуатации, что ими мог управлять первоклассник. Еще можно было бы добавить, что по качеству копии не уступали оригиналу.

Орловского сразу привлекли к испытаниям. На стенде изучалось поведение резин при динамических нагрузках

в режиме пониженных температур. Спустя несколько часов один из бывших гостей, Майкл, принес распечатанные на компьютере графики. Орловский сидел и обдумывал результаты. Майкл висел над ним и мешал ему соображать. Минут через десять он спросил, в чем проблема. Орловский ответил, что ему непривычна дюймовая шкала на оси абсцисс, вот, если бы перевести её в миллиметры... Майкл кивнул и через пару минут принес графики с миллиметровой шкалой. Орловский опять погрузился в размышления. Еще через десять минут Майкл снова навис над его головой и снова спросил, в чем проблема. Тогда Орловский с раздражением поинтересовался у Майкла, куда тот так торопится. «Ответ американца меня ошеломил, — рассказывал Орловский Лисичкину. — Оказывается, они собирались демонтировать стенд, чтобы завтра из его частей собрать новый для других испытаний! Это же в голове не укладывается! Какая степень унификации! У нас если кто соберет стенд, то никому не даст и на метр к нему приблизиться. Дети и внуки будут на нем работать».

О том, что космические корабли «Аполлон» и «Союз-19» были успешно запущены с двух сторон планеты Земля 15 июля 1975 года, знает сегодня каждый школьник. Следующий день корабли маневрировали, чтобы начать сближение, а 17 июля корабли пристыковались друг к другу и экипажи обоих кораблей обменялись крепкими рукопожатиями. Мы ликовали, потому что доказали всему миру, что не хуже американцев, которые уже успели несколько раз слетать на Луну.

До объявленной перестройки оставалось еще десять лет. Нашу эйфорию заслонили ежедневные заботы о хлебе насущном и бесконечные поиски товаров, которых не было, но которых все равно ждали. Согласно Лисичкину, это и был основной закон социализма. Наконец, из министерства пришла бумага о награждении участников совместного космического эксперимента. Орловский и Делягина были вызваны в отдел кадров, где им вручили приказ и коробочки с меда-

лями «За трудовую доблесть». Они расписались в какой-то ведомости и отправились на свои рабочие места служить суровому отечеству. Позже выяснилось, что орден «Трудового красного знамени» получила какая-то баба в министерстве за курирование работы по совместному с США проекту. Кого и в какое место она курировала, осталось невыясненным. Жена Орловского не скрывала разочарования. Вместо итальянской модной пары сапожек муж привез топорную американскую обувь, которую в спешке купил в ближайшем супермаркете. Вот если бы её послали в Америку, она нашла бы, чем порадовать себя и мужа...

Орловский продолжал совершенствовать свой метод исследования резин и стал готовить материалы для докторской диссертации. Он все-таки добился своего. Отечественные каучуки, которые в подметки не годились немецким или английским, после введения активных наполнителей и новых активаторов давали резины, не уступающие по стойкости импортным. Это давало колоссальную экономию валюты, потому что продавать нам за рубеж было нечего, кроме природных богатств. Никто до сих пор не может объяснить русского феномена — имея столько умных голов, Россия не может решить прикладные инженерные, часто элементарные задачи. Сделать открытие — пожалуйста, а применить это на практике — руками мы ничего делать не умеем. Орловский, вот, умел, но не может ведь один-единственный Орловский заменить сотни безруких и безынициативных дипломированных инженеров! Лисичкин однажды родил исторический цикл стихотворений, одно из которых заканчивалось грустным четверостишием: «Так в чем твое величие, страна? Когда б не гениев российских имена, Отсутствием дорог осталось бы хвалиться, Да итальянскими красотами столицы».

Наконец, как прорвавшийся гнойник, в стране началась объявленная сверху «перестройка», к которой еще добавили «с ускорением». Московские остряки тут же выдали блестящее продолжение: «Физики рассчитали это ускорение

и оказалось, что оно равно 9,81 метра в секунду за секунду (то есть получили ускорение свободного падения)».

Орловский с тревогой наблюдал, как стремительно ухудшается жизнь. Казалось бы, за сорок лет после войны должно было накопиться немислимое количество народного богатства, пусть не такого изящного, как на Западе. Однако, магазины пустели на глазах. Это мешало работать, заниматься своими научно-техническими проблемами. Власти дали послабление — разрешалась производственная кооперативная деятельность в том смысле, что теперь, ребята, кормите себя сами.

Давно бы так! У нас же профессия в руках! Резиновая промышленность разваливалась. Бедные снабженцы рыскали по стране в поисках изготовителей резиновых уплотнений для автомобилей и автотракторной техники, нефтепромышленники тоже скулили, потому что добыча и перекачка нефти тоже требует огромное количество устойчивых к жестким условиям шлангов, рукавов и других резиновых изделий. Орловский стал вдруг всем остро нужен. Решение созрело быстро. Он позвонил одному деловому человеку М.П. и предложил ему возглавить цех по производству комплектующих резиновых изделий, он стал бы на новом предприятии главным специалистом, а М.П. должен был в кратчайшие сроки арендовать пустующую территорию и оборудование. Параллельно с этим нужно было дать объявление о найме квалифицированных рабочих и разослать по предприятиям, которые пока еще были на плаву, рекламу на свои изделия. Вскоре выяснилось, что двое чиновников из министерства, Владимир Соломонович и Иван Соломонович, очень заинтересовались проектом Орловского и предложили свою помощь в проталкивании множества разрешений. Круг желающих урвать кусочек пожирнее все расширялся. Орловский знал старую российскую истину, что желающие оказать помощь часто оказываются бессильны, а у желающих нагадить, испортить начатое дело, всегда все отлично получается. И все же он надеялся на успех предприятия. При всей

его жесткости, негибкости, в глубине его мужественной души жил пятилетний малыш, который очаровывался мечтами о мягком, деликатном мире, где все ценят друг друга и рады прийти на помощь. Каждый раз при проявлении мягкости и терпимости со своей стороны он получал грязной тряпкой по морде, но все равно по прошествии лет снова очаровывался и верил людям. У Орловского радужная оболочка глаз была оранжево-желтой. Когда он впадал во гнев, зрачки сужались и глаза полыхали оранжевым тигриным огнем. Он был способен наводить страх, потому что ничего не боялся. Таким его сделала природа. Он мог со смехом рассказать Лисичкину, как в вагоне метро несколько молодых людей полулежало на сиденьях, загородив ногами проход, а он пошел прямо по их ногам, и они проглотили это. Лисичкин ни за что бы не полез на рожон из страха, что его измордуют из-за пустяка.

Впрочем, оставим это. Знает ли глубокоуважаемый читатель, как трудно в нашей стране наладить выпуск изделий в промышленном масштабе? О-о, это задача титаническая! Мы, конечно, богаты, очень богаты, но почему-то никто не знает что и где у нас лежит, а те немногие, которые знают, занимаются воровством. Зачем им нужно, чтобы пришел некто и на основании какой-то подписанной начальством бумажки, не давая на лапу, взял для своих, непонятных во-рам целей, каучук, сажу, оксид цинка, стеариновую кислоту, тиурам или каптакс, серу, дифенилгуанидин? Ну, предположим, имярек всё это достал. А где это хранить? Это же не речной песок для посыпания дорожек в детском саду. Это всё воняет, вредно для здоровья, нужен склад и срочно! Предположим, что вы получили аванс от заказчика и хотите завезти на рабочую площадку оборудование. А грузовые машины у вас есть? А грузчиков вы наняли? Ну, хорошо. Договорились с заказчиками, получили часть денег наличными, расплатились. А подключить оборудование к сети, а сделать подвод воды и вытяжную вентиляцию? Это сколько же денег нужно иметь и сразу! Два года Орловский выпускал малы-

ми сериями свои изделия, пользуясь доверием и уважением людей, которые его знали и позволяли ему (на коммерческих же условиях) использовать их оборудование и их рабочие площади. Слава Богу, он был профессионал по натуре, от того же Бога. Он мог легко заменить любого рабочего, потому что понимал технологический процесс до тонкостей. И все равно он один бы не справился. Главной его опорой стала боевая подруга, с которой он связал свою судьбу еще при работе над проектом «Союз–Аполлон». Она могла по-женски дотошно, вникая во все мелочи, контролировать выпуск изделий, никогда не жаловалась на усталость и умела держать язык за зубами. Второй его опорой был сын от первой жены, малый безынициативный, плохо ориентирующийся в технологии, впустую отсидел пять лет в том же ВУЗе, что заканчивал отец, но он все же был свой, Орловский посылал его с поручениями типа отвезти-привезти, отправить письма или груз. Так они бились втроем два года, пока, наконец, его знакомому М.П. удалось снять на выгодных условиях цех в одном разваливающемся закрытом предприятии. Братья Соломоновичи помогли купить в рассрочку поддержанное оборудование и вот, пригласив около десяти рабочих, Орловский стал хозяином своего небольшого цеха.

Правильно кто-то сказал, что у собственника, который добыл собственность своим горбом, неизбежно появляется чувство собственного достоинства, потому что есть объективная причина для самоуважения. Лисичкин тоже стал замечать, что у Орловского проявилась новая черта в поведении, можно сказать, неторопливая взвешенность в суждениях. Его предприятие быстро встало на ноги, портфель заказов был полон, он нанял еще двадцать рабочих. В мечтах, которые он поведал Лисичкину, было создание собственной исследовательской лаборатории, такого понимаете ли, огороженного от цеха уголка, где он с парой толковых парней мог бы развивать свои идеи и экспериментировать. Смотрите — куда же лучше! От идеи до её опытной проверки — всего лишь полсотни шагов, все оборудование к твоим услугам.

Как говорил Маяковский? — Твори, выдумывай, пробуй! Орловский призвал в консультанты своего высокоученого теоретика Э.В., который с энтузиазмом поддержал его планы. Время наступало такое, что деньги обесценивались с чудовищной быстротой. Хорошо, что Орловский максимально возможную сумму тратил ежемесячно на приобретение сырья, материалов и оборудование. На его счету почти всегда оставалась ничтожная сумма. Поэтому когда грянул дефолт, он практичекси ничего не потерял. Он мог и продолжал работать в полную силу.

Между тем страна истекала последней кровью, предприятия останавливались, говорили, что казна пуста. «Подумай только! — восклицал Лисичкин, — куда всё подевалось? Как надо было планировать хозяйство, чтобы нигде ничего не осталось! Что нас ждет в ближайшие годы — голодная смерть? Не слишком ли высока цена за свободу читать о нашем большевистском прошлом всю подноготную правду? А где же наши доблестные чекисты? Я тебе скажу, как вижу: они опять выжидают, чтобы народ сам себя вытащил из ямы, а потом они вновь явятся устанавливать свой, извините за выражение, порядок. Вот так же они в начале войны с Гитлером жидко обделались, а потом, усевшись на плечах и на шее побеждающего народа, стали орать о своих заслугах и отправлять в лагеря ни в чем неповинных людей».

Пока жулики всех мастей в обнимку с новой властью делили бывшую государственную собственность, Орловский и подобные ему спасали отечество от полного развала. Вскоре после того, как руководимый им цех начал выдавать готовую продукцию, он собрал рабочих и обратился к ним с краткой и энергичной речью. «Мы оставили за бортом социалистические замашки и вступаем на путь еще незрелого капитализма. Нам предстоит долго и упорно работать и никто нас кормить не собирается. Поэтому я буду строжайшим образом контролировать работу нашего коллектива. Никаких прогулов, никакого пьянства на работе. Если я кого-нибудь замечу в нарушении трудового распорядка, я тут же уво-

лю. Всё! Можете приступать к работе. Все вопросы в обеденный перерыв или в конце смены». Рабочие удалились, тихо посмеиваясь и прилепив ему кличку «Наполеон», но через пару недель один из них, самый бесшабашный, пришел пьяным на вальцовку с обеденного перерыва. Орловский тут же указал ему на дверь, а когда тот заартачился, вызвал охрану, благо цех находился на территории оборонного предприятия. Молодца взяли под белые руки и буквально выкинули вон. Орловский сказал ему вдогонку, что его копейки будут ему высланы домой почтовым переводом, чтобы он не сильно беспокоился. Педагогический прием подействовал безотказно.

У Орловского сложились прекрасные отношения с главным инженером предприятия, тот не раз просил его выручить с дефицитными резиновыми изделиями для спецтехники, хорошо, что на пресс-формы никто со времен перестройки не покушался, и они сохранились в рабочем состоянии. Работа шла, как по накатанному, однако головной боли от проблем хватало, и первой из них были совершенно разорительные налоги на доходы от реализованной продукции. Чиновники душили предпринимателей, как могли. Получалось, что успешное выполнение заказов оборачивалось отсутствием наличных денег для оплаты труда. Приходилось выискивать нелегальные каналы, чтобы рабочие приносили зарплату домой. Братья Соломоновичи помогали плохо, но деньги требовали регулярно. Его спаситель и теоретик Э.В. вообще не понимал и не желал вникать, откуда Орловский берет деньги, чтобы платить ему в счет будущих великих открытий.

Раз в две недели, в получку, они съезжались к Орловскому, выражаясь высокопарно, на совет директоров, где выслушивали его отчет и давали вялые рекомендации. В конце концов это Орловскому адски надоело и он сказал, что за последние два года он не видел реальной помощи ни от кого и теперь считает себя свободным от каких-либо обязательств перед высокими сторонами. Э.В. на это проворчал, что так

дела не делают, а старший Соломонович сказал, что они сотрут цех Орловского в порошок, отберут у него оборудование по суду, а его самого упрячут в тюрьму.

Началась длинная тяжба. Из попытки Соломоновичей начать вывозить на своих машинах оборудование из цеха ничего не вышло. Главный инженер предприятия не пропустил их через проходную, пользуясь предложением секретности, а Орловскому сказал: «Работайте. Пока я жив вас никто не тронет». Соломоновичи побесились, позлобствовались, да и отстали. Начался, наверное, самый счастливый период в жизни Орловского. Он чувствовал себя предпринимателем, полным хозяином. При встречах с Лисичкиным он не скрывал своего торжества и снисходительно слушал приятеля, который возглавлял у себя на работе небольшой коллектив, выпускающий малыми сериями светофильтры.

Так прошло еще года два. На счету цеха уже лежало миллионов пять-шесть наших деревянных рубликов, как вдруг однажды главный инженер вызвал Орловского и сказал, что дирекция предприятия получила выгодное предложение о продаже части территории и зданий одной фирме, которая намерена строить здесь оздоровительный комплекс. К общему сожалению, цех придется закрыть, а Орловскому дается 3–4 месяца, чтобы найти новое помещение для цеха. А с вывозом оборудования дирекция, помня деловые качества арендатора и оказанные им в свое время услуги, разумеется, поможет. Орловский взглянул с изумлением в лицо ответственного товарища и по блудливо-самодовольной его улыбке понял, что тот при продаже государственного предприятия получил жирный кусок в твердой валюте и не намерен ради высоких принципов упускать свой шанс на долгую обеспеченную жизнь.

Вот такое уж свойство крупных неприятностей — сваливаться подобно висящей сосульке на голову именно в тот момент, когда ты думаешь с удовольствием о перспективах... Сколько было испорчено крови, сколько потрачено нервов! Наконец, удалось найти необходимую площадь у чер-

та на куличках, на окраине Москвы. На переезд и установку станков и оборудования ушли все накопленные на счету деньги. Положение было настолько критическим, что потянувшимся за ним рабочим Орловский платил два месяца зарплату из личных сбережений семьи. И все-таки они выплыли. Помог большой заказ от нефтедобытчиков. Когда Лисичкин, будучи уже гражданином США, навестил его через пять лет после описываемых событий в той же крошечной двухкомнатной квартирке, Орловский излучал оптимизм. В нем нуждались, он был нарасхват. К удивлению Лисичкина, он так и не освоил азов обращения с компьютером, ему все время было некогда. Он очень уставал от бумажной суеты, пока один молодой человек со стороны не попросился к нему на работу и не увидел его страдания с финансовой отчетностью. «Почему вы не используете для этого компьютеры и не посылаете ваши отчеты по *E-мэйлу*?» — спросил парень. «Вот вы этим и займётесь», — ответил Орловский. Тот парень быстро освоился в коллективе и стал всем совершенно необходим. Он увидел никчемность Орловского-младшего и стал его постепенно выдавливать из сферы управления производством. В общем, проникновение варяга в коллектив закончилось для семьи Орловского болезненно. Парень раскопал дела десятилетней давности с черным налом, когда Орловский искал способы платить рабочим и пригрозил, что в случае его увольнения, он представит эту информацию контролирующим органам. В качестве отступного он потребовал деления доходов на четыре части, где одна часть будет принадлежать ему. Думается, что если бы не обширные знания Орловского по технологии резины, парень перетянул бы одеяло на себя, оставив их всех без гроша. Кто их знает — нынешних, энергичных и лишенных всяческих предрассудков?!

Во второй свой приезд из США Лисичкин поразился изменениям во внешности друга. Тот просто потух. Новые российские власти, дорвавшиеся до нефтяных источников, купались в золоте, всё приобреталось на нефтяные деньги,

никто не думал о будущем, не продвигал прогрессивные технологии. Больше не существовало проблемы плохой отечественной продукции, которую можно было бы улучшить. С запада шли нескончаемые караваны прекрасных каучуков, лекарств, пластиков, всего, всего, всего. Что оставалось делать профессионалу? На новом оборудовании двадцать первого века, управляемом автоматически, трудилось теперь всего три оператора. Тот варяг, который внедрился в их семейный коллектив, стал крупным предпринимателем и ушел в другие сферы, а вот сын стал законченным наркоманом — связался с какой-то шалавой и она посадила его на иглу. Они с женой живут неплохо. Он консультирует в двух местах. Докторскую так и не защитил, да и не нужно это теперь никому. Нет, компьютер так и не освоил. Достаточно телевизора и газет...

Лисичкин уходил из крошечной квартирки с тоской в сердце. Как быстро пролетела жизнь! Река времени уже доволокла их до отмели, где они будут ожидать последний заход вечного светила. Что они успели сделать за свои пятьдесят рабочих лет? Орловский участвовал в космическом проекте, который стал достоянием истории... Наверное, никто об Орловском и не вспомнит. Сколько тысяч готовило корабль к полету! Жалко его. Жалко всех, кто пришел и отцвел. А как цвели, как мечтали всего пятьдесят лет назад!

ПОДРАЖАЯ ПУ СУН ЛИНУ

Жил в Мокром городе один студент по имени Сянь и в потайном месте у него было едва с тутовый червяк. Сянь очень страдал от этого. Он часто и подолгу мечтал о женщинах, но страшился, что его тайна раскроется и над ним будут смеяться.

Однажды он гулял в лесу вблизи города и неожиданно набрел на поляне на парочку, которая занималась любовью. Сердце его остановилось. Он не смел приблизиться, хотя его тянуло, как магнитом. Он видел лишь широко расставленные колени женщины, между которыми плавно, далеко отодвигаясь и глубоко припадая, ходил зад мужчины. Они переговаривались между собой, но Сянь не различал слов. Если они и слышали шаги студента, то решили все же не прерывать игру. Сянь отступил в чащу леса. Голова его горела. Он побежал окольной дорогой к дому и в тот день с отвращением думал о своем убожестве, и даже хотел умереть.

Шло время. Отец сделал подарки чиновникам, и Сянь поступил на службу. Так как в любви он преуспеть не мог никак, то обратил все свои силы на накопление денег. Только в одном он не отказывал себе — везде покупал он книги по науке любви. Его не интересовали вещи, которые продавались в лавке. Ему нравилось пересчитывать деньги и пересыпать их в мешочек. Он мечтал скопить очень много денег и потом купить на них покорность женщины. Хоть раз в жизни он мечтал ощутить тепло ее тела. Он много читал об этом и настойчиво спрашивал словоохотливых счастливцев, как это происходит... Но деньги копились медленно. Начальник не любил Сяня и платил ему маленькое жалованье. Сянь начал уставать от жизни.

Однажды ему повезло. Он встретил в городе девушку по имени Тянь, случайно разговорился с ней и стал ухаживать. После нескольких свиданий Сянь решил, что наступило время более тесных отношений, и позвал Тянь в гости. Ему до смерти хотелось испытать себя в любовном деле, но было жаль тратить деньги на угощение. Снять комнату стоило очень дорого, и он решил пригласить девушку в дом своих родителей, которые уехали в провинцию Си погостить у родственников. Сянь зашел в спальню родителей и увидел грязную и дурно пахнущую постель. Хотел было сменить белье, но мать увезла ключи от шкафа с собой. Тогда он решил снять простыни и постелить шерстяное одеяло. Теперь надо было подумать об угощении. Он пошел в лавку и купил самого дешевого вина, немного гороха и небольшую рыбку, жаренную в масле. Потом подумал и купил горсть леденцов и хлеба.

Вернувшись в дом, он подмел пол, расставил угощение и сел мечтать о близости с Тянь. Размышления разгорячили его, и тутовый червяк стал ростом со стручок фасоли. Сянь вытащил его и стал мять и тянуть, надеясь сделать жалкое свое орудие хоть на полцуня длиннее. В конце концов ему стало больно, стручок завял и вновь превратился в червяка. Как ни пытался Сянь подстегнуть его размышлениями, ничего не получалось. Его плоть спала.

Солнце светило во-всю. В доме было душно и пыльно. Родители перед отъездом заколотили и законопатили все щели. У Сяня разболелась голова и он заснул.

Стук в дверь разбудил его. Он вскочил с дурной головой и кинулся открывать. Сердце его колотилось. На пороге стояла Тянь. Она показалась ему совершенной красавицей. От нее пахло жасмином.

Сянь усадил девушку рядом с собой и попытался развлечь ее болтовней, но мысли его разбегались. Тогда он решил побыстрее выпить вина и подпоить Тянь, чтобы сделать ее податливей, но девушка никак не соглашалась ни поесть, ни выпить. Махнув рукой, Сянь подошел к столу, в одну ми-

нугу съел горох и рыбку, и запил еду чашкой вина. Между тем, Тянь увидела в углу старую лютню и попросила разрешения поиграть на ней. Сянь прилег на лежанку, а Тянь стала дергать струны. Ни одной песни она толком не знала, лицо ее стало совсем унылым. Сянь стал утешать ее и попытался обнять, но девушка всячески избегала его объятий. «Не надо, не надо», — тягуче приговаривала она, а он все пытался к ней приблизиться и тянул в тон: «Ну почему, ну почему?» Взять Тянь силой он боялся, потому что его червяк совсем не шевелился, словно умер. С досады Сянь допил вино, сунул леденцы в карман и пригласил Тянь погулять и полюбоваться видами на лесные пруды.

Солнце садилось за лесом. От плохого вина Сянь чувствовал тошноту, в животе бурчало от гороха. Они сидели у воды в молчании.

— Мне в жизни не повезло, как и тебе, — неожиданно сказала Тянь. — Ведь я на самом деле — лиса, но, наверное, самая плохая из всех, кто жил до меня. Поэтому меня прогнали из семьи. Я не умею играть на лютне и на флейте, не умею приготовить ужин, не умею танцевать и никуда не гожусь в постели. Во всем меня преследуют неудачи. Надо же, чтобы я встретила с таким скупердяем, как ты! Да-да, ты не ослышался — скупердяем. То, что ты не мужчина, написано у тебя на лице. Но я думала, что смогу помочь тебе. Бывало, что мои сестры помогали таким несчастным с помощью волшебства. Но тебе ни одна лиса не захочет помочь. Едва я вошла в дом, как в ноздри мне ударила вонь дрянного вина, которое ты купил подешевке в лавке. А еда! Нищим и то подают лучше. Чем же ты собирался меня пленить?

— Но я беден! беден!- в отчаянии воскликнул Сянь.

— Да, ты не богат, — сказала девушка, — но не настолько, чтобы козырять этим. Я знаю, что в твоём доме припрятан мешочек с серебром. Когда мужчина желает обрести радость с женщиной, он не должен высчитывать, как бы побольше сэкономить на любви. Прощай же. — Она ушла, оставив Сяня в мучениях стыда

Через месяц начальник послал Сяня с поручением в поселок Сэй. Сянь остановился в маленьком домике у пожилой четы, имевшей единственную дочь по имени Лю. Девушка очень понравилась Сяню. Она была очень молода, ее широкое лицо было цвета слоновой кости, высоко поднимались правильными дугами брови, а немного запавший рот с маленькой нижней губой означал, должно быть, стыдливость и замкнутость. Хозяева оказывали большое уважение к своему постояльцу. Жили они в бедности. Единственной их радостью был небольшой сад, в котором росло несколько вишен да пара старых яблонь. Стояла середина лета, и вишни были щедро осыпаны темными ягодами. Яблоки еще не созрели. Каждое утро хозяйка посылала дочь с тарелкой прохладных сочных вишен угостить Сяня.

— Надо будет к ним посвататься, — решил Сянь. — Женюсь, а там заставлю девчонку исполнять мои прихоти. Надо будет сразу увезти ее из дома, не то мать станет распрашивать дочь, что и как.

К радости Сяня родители Лю сразу согласились на предложение. Чтобы не затягивать церемонию, быстро нашли свидетелей и сыграли скромную свадьбу. В тот же день Сянь с молодой женой сел в лодку и отправился в город. Всю дорогу Сянь не мог заснуть и, поглядывая на девушку, сидящую на корме, рисовал себе сцены близости.

Наконец лодка причалила к городской пристани. Носильщик погрузил приданое на тележку и при свете луны они двинулись к дому.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал Сянь, заперев дверь. Вот здесь ты будешь жить и вести хозяйство. Идем, я покажу тебе свои богатства. Вот здесь крупа, здесь рис, здесь коренья, вода для питья в этих ведрах, а там — корзина для мусора. Здесь мы будем спать, а здесь я сижу по вечерам, когда нужно срочно закончить работу для начальника. Я буду тебя кормить и одевать и даже давать деньги на сладости и украшения, а ты должна следить, чтобы все было чисто, хорошо

готовить и быть красивой и опрятной. Тебе понятно? — Девушка молча кивнула.

— Вот и прекрасно, — довольно сказал Сянь. — А сейчас распакуй вещи и сложи там, в углу и в сундук, и приготовь ужин. Я устал, а завтра рано утром мне нужно явиться на службу с докладом. Постой, помоги мне умыться.

Умыв лицо и руки, Сянь добавил: «Когда я получу повышение, я найму постоянную служанку и тебе будет легче. А пока надо потерпеть и главное — не тратить зря деньги. Да, вот еще. Чуть не забыл. Вот эти книги ты вообще не трогай. Здесь много такого, что тебе будет непонятно. Ну, иди займись своими делами. Разбуди меня, когда приготовишь ужин. Сянь лег на постель, не раздеваясь, и сразу заснул. Проснулся он от робкого прикосновения к плечу. Ужин был готов. Освеженный сном, Сянь с аппетитом поел и почувствовал, что может приступить к главному. Он приказал Лю стелить постель и раздеваться. Девушка хотела скрыться за ширмой, но Сянь сказал, что теперь они муж и жена, и никакого стыда между ними быть не должно. Пока румяная от смущения Лю снимала одежды, Сянь с удовольствием оглядывал свою собственность.

— Все будет хорошо, — подбадривал он себя. — Я тебя, моя милая жена, научу всему, что может изобрести человеческий ум.

Лю скользнула в постель. Тогда Сянь погасил светильники и медленно разделся. В наступившей темноте Сянь осторожно придвинулся к Лю и ощутил прохладу ее тела. Его рука скользнула вниз и ему показалось, что он коснулся жаровни. Жар передался через его руку к червяку. Он почувствовал, что вся его кровь прилила к одной точке и эта точка пылала и жаждала божественной влаги. Он провел рукой снизу вверх и сквозь пушистую пелену ощутил эту влагу. Задыхаясь от восторга, он навалился на Лю и попытался в нее проникнуть. Но едва он коснулся влажной жаровни, как его стручок запрыгал, и он с досадой ощутил, что все нужно настраивать заново. Лю молчала, и это приводило его в за-

мешательство. Он не знал, чем заполнить паузу. Говорить о хозяйстве не хотелось. Тогда он начал плести небылицы о том, как его любит и ценит начальник, как его приглашали на празднование Нового года, и он катался с дочкой начальника на украшенной фонариками лодке. Поглаживая попеременно живот молодой жены и своего червяка, он почувствовал, что тот ожил и снова готовится стать стручком. Сянь снова пошел на приступ и снова проклятый стручок подвел его. Пять раз пытался Сянь войти в ворота, за которыми его ожидало блаженство, и пять раз терпел обидное поражение.

Невыспавшийся, разбитый, он без всякого аппетита позавтракал и поплелся на работу. Весь день он клевал носом и получил взбучку от начальника за небрежно написанный документ.

В отвратительном настроении он пришел домой, отказался от еды и повалился спать. Проснулся он среди ночи освеженный и почувствовал, что очень хочет есть. Нашарив светильник, он зажег его и, загородив постель ширмой, начал жадно поглощать холодный ужин. После еды он воодушевился и с вождением полез в постель. Без всяких церемоний он повернул жену на спину и, сложив ее почти пополам, сделал наконец свое мужское дело.

— Тебе не было больно? — спросил он с нежностью, гордясь содеянным.

— Немножко, — тихо ответила Лю.

— Теперь все будет прекрасно, — самодовольно сказал Сянь.

Утром он почувствовал себя мужественным и счастливым, подарил Лю деньги на украшения и тут впервые увидел на ее лице чудесную улыбку. Он летел на работу на крыльях радости и решил вечером зайти на рынок и купить немного вина, цветов и фруктов.

Никто не занет срока, на который дается человеку радость. Есть счастливицы, которые потягивают вино любви всю

жизнь и всю жизнь хмелеют от близости подруги. Сянь был не из их числа. Не прошло и пяти лун, как проклятый червяк перестал слушаться своего хозяина. Лю спокойно переносила отсутствие близости, но для Сяня жизнь потеряла вкус. Он принялся с рвением изучать книги по искусству любви. С пылающими от возбуждения щеками он торопился к жене и пробовал на ней разные фокусы. Лю сначала со стыдом, а потом с удивлением и безгливостью принимала его безумства. Наконец она со страхом стала ожидать наступления ночи. Но главное — Сянь так и не достиг желаемого. Бессилие рождало в его сердце досаду. Покорное молчание Лю вызывало в нем жажду мучить.

Когда Лю убирала дом или готовила, Сянь придирчиво смотрел за нею и непрерывно делал ей замечания. Лю молчала, и это распаяло Сяня. Его выговоры с каждым разом становились все грубее и, наконец, он стал ее толкать, щипать и однажды ударил по лицу.

Вначале, видя ее жалкой и удрученной, забившейся в угол, Сянь чувствовал себя виноватым. Сердце саднило. Ему даже хотелось подойти к жене и приласкать, сказать, что он рассердился понапрасну, а вообще-то ее любит... Он этого не сделал ни в первый раз, ни в последующие. Сорвав зло, он ужинал, запирал кладовку и уходил, хлопнув дверью. Лю до утра оставалась голодной.

Она похудела. Ее чудесные шелковистые волосы стали тускнеть. Сянь приходил всегда в дурном настроении и сразу начинал ругать и попрекать жену. Он стал придумывать ей обидные прозвища. Лю молчала. Только ее черные глаза становились все чернее и бездонней.

Однажды Сянь возвращался со службы позже обычного. Начальник уезжал в столицу и устраивал прощальный ужин для подчиненных. Еще издали Сянь увидел огонек в своем доме и рассвирепел от того, что жена жжет масло. Он уже предвкушал, как погасит свет и в темноте даст ей пощечину.

Решительно распахнув дверь, Сянь остолбенел. Рядом с Лю сидел, обнимая ее за плечи незнакомец.

— Что вам нужно? — завизжал Сянь. — Кто вы такой? — и попытался скинуть руку незнакомца с плеча Лю. Незнакомец легко отвел руку Сяня и представился: «Я троюродный брат Лю».

— Порядочные люди не ломаются в дом, куда их не приглашали, — сказал Сянь, успокаиваясь.

— Я бы не стал беспокоить столь важного человека, как вы, — с насмешкой проговорил гость, — но сестра моя пожаловалась, что вы с ней сурово обращаетесь.

— Я вытащил ее из бедности и дал ей все — дом, одежду и еду! — крикнул Сянь. — Я сделал ее хозяйкой в моем доме.

— Не надо кричать, — сказал гость спокойно. — Я вижу, какая она у вас хозяйка.

— Я хозяин в своем доме! — снова крикнул Сянь.

— Вы не только хозяин. Вы, я слышал, образованный человек. Читаете Конфуция и древних. Но я люблю свою сестру и не позволю, чтобы с ней обращались хуже, чем с собакой.

— Это она вам так сказала? — с вызовом спросил Сянь.

— Она.

— Неблагодарная скотина! — не выдержал Сянь и тут же получил хлесткий удар по губам. Во рту стало солоно от крови. Не помня себя от унижения и злости, Сянь выскочил на улицу, крича стражу. На улице было темно и безлюдно. Наконец вдалеке показались стражники с фонарем.

— Скорее! На помощь! В моем доме грабитель! Спасите, я вам хорошо заплачу! — кричал Сянь.

Услыхав о деньгах, стражники заторопились. Сянь распахнул дверь — дом был пуст.

— Где же твой грабитель? — спросил старший стражник. — Да и не видно, чтобы здесь грабили. Хо! Смотрите-ка, женская одежда! Уж не увел ли грабитель твою жену?

— Нет, это одежда моей сестры, — смутившись, ответил Сянь

— Ну, ладно. Хоть мы никого не нашли, а заплатить тебе придется, — сказал старший стражник.

Сянь покорно отдал стражникам деньги и накрепко запер за ними дверь. Этого ему показалось мало. Он притиснул к двери тяжелый мешок с углем, потом наточил большой кухонный нож и засунул его под подушку. Едва он сомкнул глаза, как в голове его заметались мечты о мести ненавистному, свалившемуся нежданно-негаданно брату Лю. Ночь ползла навстречу рассвету, а он все терзал в мечтах свои жертвы, придумывая им все новые муки.

Две луны сменилось, пока Сянь перестал грезить о мести и смог спокойно сеть и подумать, как ему жить дальше. Искать Лю он и не собирался. Он даже боялся, что она вдруг объявится. С удивлением он почувствовал прелесть одинокого существования. Оказалось, что ему никто не нужен. Женщины его больше не волновали. Одно время он хотел нанять служанку, но потом передумал. Ему нравилось самому вести хозяйство. Когда его спрашивали, куда делась его молодая и скромная жена, он отвечал, что выгнал ее из дома за неряшество и безделье. Люди покачивали головами и сочувствовали ему.

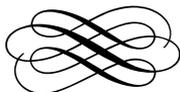
Прошло несколько лет. Сянь оплешивел. От постоянного сидения на службе его ноги стали тоненькими и слабыми. Жир на груди и животе мягко колыхался, когда он, не то роясь, прогуливался. Родители его умерли, оставив ему небольшое состояние. Теперь он пристрастился к сладкому вину и, идя со службы, радовался, что согреет вино, приправит его пряностями и медленно, со вкусом выпьет стакан другой. Голова закружится, станет весело. Тогда можно будет одеть новое платье, нанять лодку с фонариками и покататься по реке.

Однажды Сянь выпил больше обычного. В самом приятном расположении духа он спустился к реке, нанял лодку и под мерный плеск весел стал подремывать. Вдруг он услышал детский щебет и смех. Смеялась женщина. Рассеян-

но посмотрел он на плывущую навстречу лодку и внезапно встrepенулся. В лодке сидела Лю с двумя детьми и мужем. Ее лицо было прекрасно. Глаза устремлены на детей. Сяня она не заметила.

Сянь вскочил, покачиваясь. Хмель еще сидел в нем. В висках застучали молоточки. Стараясь продлить видение, он сделал шаг вслед уходящей лодке, другой — и, споткнувшись, перелетел через корму. Лодочник бросился за ним, но течение отнесло Сяня в неизвестном направлении. Поверхность реки была пуста. Лодочник, напрягая силы, догнал лодку, залез в нее и быстрыми ударами весел погнал к пристани.

Вечерело. Над водой, посвистывая, носились проворные стрижи.

МИЗАНТРОП

«Я не очень-то люблю людей, хоть и не презираю. Презрение больше пристало Печорину. Еще бы! Он типичный представитель высшего дворянства, класса эксплуататоров, как у нас говорилось на уроках литературы шестьдесят пять лет назад. А у меня — это следствие не очень счастливо прожитой жизни. Ведь человек, проживший жизнь, старается подвести итоги, дать самооценку. Главный результат жизни, наверное, не количество опубликованных посредственных работ, а твои потомки, которые, по Ромэну Роллану, стоят на твоих плечах и потому видят дальше и больше. А если природа вздумала на них отдохнуть, то виновата не только генетика, но и твоя лень. Ведь даже яблоня требует ухода, а если ты про неё забыл, она засохнет или же её пожрут гусеницы. Прав я или не прав — пусть Бог судит. А я не буду скрывать своего отношения к людям, хотя я буду в их глазах самый отвратительный злопыхатель, или недоброжелатель. В крайнем случае, им есть от чего оттолкнуться — с такими людьми, как я, не надо иметь ничего общего. Потому что они другие? Не верю!» — так думал Максим Буровой, подымаясь по эскалатору на станции «Арбатская», что в самом центре столицы.

Неделя еврейской книги превратилась в нашей традиционно антисемитской стране в еврейский маленький национальный праздник. Еще бы! Правительство Москвы отдало под этот праздник огромную территорию — первый этаж библиотеки имени Ленина. Максим ходил вдоль остекленных витрин, почти сплошь заполненных книгами на великом и могучем русском языке, языке Исаака Бабеля и Евгения Шварца, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака. Ни-

кого из нынешних выставленных авторов он не читал, и сам он был очень мало известным доктором наук по специальности «Технология резины». Ну, разумеется, его книга была не про резину, а о прожитой жизни, о своих институтских друзьях и их судьбах. И назвал он свою книгу «Отраженный в зеркалах». Он сам придумал дизайн обложки и свою особенную монограмму **МБ**.

Он стал участником этой выставки случайно. На одном из собраний молодых поэтов, где он казался совершеннейшим патриархом, к нему подседа некрасивая и толстая еврейка лет сорока пяти, которая представилась вдовой известного диссидентского поэта К., звали её Стеллой. Она держала его книжицу, — а он притащил десяток в подарок для пишущей братии, чтобы уважали... Так вот, она просила надписать, что он и сделал с удовольствием. От неё же он узнал о предстоящей неделе еврейской книги. Потом она долго рассказывала о трагической судьбе мужа, и дала почитать несколько стихов, выданных из какого-то журнала. Стихи были очень сильные и умные, совсем не то, что читали сейчас перед коллегами молодые поэты. Короче, кончилось тем, что Максим пригласил её поужинать в ближайшем ресторанчике. У Стеллы был волчий аппетит и море интересной информации. Она была знакома со всеми нынешними знаменитостями и чуть ли не открывала ногой двери редакций литературных журналов. Они распили на равных триста граммов «Столичной» и условились встретиться в заключительный день выставки на концерте, куда были приглашены литераторы со всей Москвы.

Там действительно выступило несколько известных по телешоу людей, в том числе и создатель передачи «Куклы», и поэт В. со своими стихами в одну строку. Очень понравилось публике выступление директора издательства «Гешарим» в Израиле, рассказавшего прекрасную притчу. Максим запомнил её наизусть и потом рассказывал много раз в кругу друзей за бутылкой: «Приснился одному человеку сон, будто в городе Вене, под мостом спрятано сокро-

вище. И вот, он поехал в Вену. Встал он у моста и понял, что днем ему никак не проверить, есть ли там клад — слишком людно! В это время шел по мосту офицер, и спросил: «Эй ты, к чему присматриваешься?» И подумал человек, что хорошо бы рассказать офицеру обо всем и заручиться его помощью, а клад поделить поровну. Так он и сделал. Выслушал его офицер и стал насмехаться: «Ему приснился сон, и вот уж здесь он! А я тоже видел сон, будто бы в одном местечке живет еврей ... (тут назвал офицер имя этого человека и название его городка) — и у него в погребке зарыт большой клад! Уж не съездить ли мне туда поискать сокровище?!» — расхотался и пошел своей дорогой... А человек вернулся домой, раскопал земляной пол в погребке, и нашел-таки клад! И после сказал так: «Я был богат, но чтобы понять это, нужно было съездить в Вену». «Вот так и я, — сказал издатель, — уехал из Москвы в Израиль за еврейской литературой, а она оказалась в Москве и в огромных количествах».

В общем, шел обычный хороший концерт. И вдруг Максим услышал, что сейчас выступит мужской октет под управлением Леонида Царкина. «Боже мой! Это же Леня! Тот самый маленький еврейский заморыш, которого родители устроили в музыкальную школу в класс виолончели...». Леня вышел в черном парадном костюме с бабочкой, октет образовал вокруг него скобку и исполнил шесть еврейских народных песен. Максим в восторге едва дождался перерыва, оставил смертельно надоевшую Стеллу и побежал повидаться с Леной.

У сцены он сразу же нашел Аню, соседку по лестничной площадке, Леня был её сыном. Максим растрогался до слез и с поздравлениями поцеловал бывшую соседку в левую щечку. Шутка ли, с восемьдесят первого года не видались. С того самого времени, как Максим съехался с тещей в большую четырехкомнатную квартиру возле метро Семеновская. «Ну, как вы поживаете? Где работаете? Где обитаете?» — он прямо засыпал Аню вопросами. Ему не приходило в голову, что прошло пятнадцать лет, что они находились прежде в самых

поверхностных отношениях, что семейный уклад у них был совершенно разный, не говоря уж о различии духовных запросов. Её муж Борис закончил техникум по бытовым машинам и в молодости работал наладчиком швейных машинок. Потом дядя устроил его в Министерство коммунального хозяйства. Что он там делал, Максим никогда не спрашивал, ему было безразлично. Тот пришел в семью Раяков, где глава семьи работал старшим продавцом в магазине хозяйственных товаров. Жена его Соня была домашней хозяйкой. Как они жили со своими двумя детьми на нищенскую зарплату продавца, понять невозможно. Слава богу, в стране всегда был дефицит жизненно необходимых товаров, и Лева Раяк наверняка имел клиентов, которые давали на чай за услугу. Дочь и сын не пошли по стопам отца, а получили высшее образование. Аня закончила отделение иностранных языков в педагогическом институте, сын уехал в Ростов и там получил специальность инженера по холодильным машинам.

После объявленной перестройки Аня устроилась на работу в Московском отделении Джойнта и стала получать зарплату в долларах. Когда Максим спросил её, сколько же зарабатывает Борис, она только развела руками — «даже не знаю, очень много!» Вот так переменялась жизнь. Кто был ничем, тот стал всем. И без всякого кровопролития. А ведь за пятнадцать лет до перестройки Борис Царкин пришел в однокомнатную квартиру Ани на первом этаже, соседнюю с трехкомнатной, где жил Максим с женой и маленьким сыном Игорьком. Квартирка Царкиных была очень маленькая и очень грязная — Соня в качестве домашней хозяйки ничего по дому не делала, даже продукты Лева приносил сам, хотя оно и понятно — Соня тащила бы гниль и рванину из совковых магазинов, а у Левы были знакомые продавцы. Лева очень любил Соню. Как настоящий еврейский муж. Тесть Максима (они тогда еще жили вместе) однажды увидел, что дверь у Сони открыта и зашел проверить, не заболела ли она. Соня спала безмятежным крепким сном. Тесть тогда взял комнатные туфли Левы и унес к себе. Пришел Лева с работы,

хотел переобуться — нет комнатных туфель! Пошел к тестю и говорит — «представляешь, пропали комнатные туфли, чудеса какие-то! А я ведь весь день на ногах, как дирижер. Подошвы горят после работы. Тесть, ни слова не говоря, вынес его туфли и сказал: «Соня должна закрывать дверь, когда спит днем, а то могут обворовать!». Лева тут же переобулся и, вернувшись к Соне, передал совет соседа. Соня не стала дискутировать, только крикнула: «Идиёт, когда мне спать!»

Ближе к пенсии Раяк ухитрился получить двухкомнатную квартиру в Измайлове, а свою оставили дочери. Борис, придя к Ане, занялся ремонтом. Как работник Министерства, он, конечно, имел связи с теми людьми, у которых можно было купить хорошие обои, линолеум, плитку для ванной и прочее. Потом молодые супруги купили мебельный гарнитур и не в силах сдержать радость бытия, пригласили Максима с женой взглянуть на их счастье. Максим зашел, похвалил, от чая со скудным печеньем отказался и вернулся к статье по активным наполнителям резины. «Почему они не сняли пленку с раскладного дивана?» — спросил он жену, которая вернулась от соседей через час. — «Они и не собираются её снимать, чтобы не пачкать обивку», — ответила она.

У Бориса быстро вошло в привычку после ужина зайти к Максиму с зажженной вонючей папиросой и морочить ему голову около часа, а то и более. Бывало, что разгневанная Аня звонила и вытаскивала мужа, не стесняясь жестких слов. Борис обладал носорожьей кожей и не собирался уходить даже когда Максиму звонили по работе. Вскоре он стал различать терминологию и очень веселился, когда Максим отчитывал своего туповатого коллегу, повторяя: «Уменьшайте долю ДФГ и стеарата, а активатор вводите последним. Не надо никакого каптакса,.. а я вам говорю на основании результатов последних испытаний. Всё!» О своих делах в Министерстве Борис не распространялся, но не стеснялся рассказывать, как он однажды попал в милицию в ГУМе, когда пытался заработать, перепродавая телевизор, за которым стоял год в очереди. Слава богу, он успел позвонить дяде, и тот при-

мчался и, взывая к милосердию, всучил сержанту бутылку коньяка и импортные кожаные перчатки, после чего отвел трясущегося от страха Бориса к себе домой и дал урок криминального бизнеса. Товаров в стране хронически не хватало и спекуляция дефицитом каралась очень строго. Почему, спрашивается, он позвонил дяде, а не отцу? Отец Бориса геройски погиб на фронте, а дядя очень был привязан к его жене, которая приходилась ему родной сестрой.

Книги у Царкиных не водились и когда он заходил покурить, то с полным безразличием смотрел на многочисленные книжные полки. На работе он читал газету, травил анекдоты и ждал вызова начальства, чтобы поехать в очередную нижнюю инстанцию и привезти им очередное распоряжение. Пришло время, и Аня родила мальчика, которого назвали Лней. Хотя её отец Раяк регулярно посещал синагогу, молодые не испытывали к этому занятию никакой любви и даже не обрезали сына. Жизнь шла своим чередом, событий было мало и они были однообразны. Как-то справились с потребностями, в еде были непривередливы, костюмы вынашивались до марлеподобного состояния, обувь чинили и не раз. Случайно Максим узнал, что Борис с мамой получают квартиру в Южном Измайлове. Оказывается, все эти годы он не был прописан у жены. Борис четко реализовал то, что его отец геройски погиб на войне. Максиму было в общем-то наплевать. Он купил родителям жены двухкомнатную кооперативную. Не просто так, разумеется, а с помощью старшей сестры, которая работала в Районо и была шапочно знакома с представителем райкома. Максим получал зарплату начальника лаборатории и вполне мог себе позволить потратить запас денег на первый взнос.

Между тем Борис зачастил к ним по вечерам, жалуясь, что ЖЭК поместил в подвале под его квартирой насосы, подкачивающие горячую воду в соседний дом и что у него от шума насосов просто лопается голова. Он пересказывал свою ругань с бойлеристом, который не желал выключать насосы на ночь, чтобы рано утром не вставать и не запускать их.

В конце концов он пришел с петицией от жильцов с требованием убрать насосы, где Максим с женой прекраснодушно расписались. Несчастные, они не знали в какую бездну их вовлек Царкин. В один прекрасный вечер Максим вернулся с работы и, сев ужинать, подумал, что рядом с их окном остановился работающий грузовик. Прошел час. Грузовик не отъезжал. Максим взглянул в окно и никого не увидел. Жена посмотрела на него грустными глазами и сказала: «Всё. Кончилось наше благополучие. Теперь мы будем жить над насосами до конца жизни». — «Почему же до конца?» — спросил Максим. — «Потому что твой Царкин есть самый ужасный прохиндей, и с ним нам тягаться невозможно. Он решил свою проблему за счет нас». Максим вскипел и уже хотел пойти к соседу выяснить отношения, как раздался звонок, и Борис с зажженной папиросой появился на пороге. «Ты вот что, — сказал Максим, — ты больше к нам не заходи. У нас не курительная комната». — «Ты что, сосед? — с пафосом спросил Цалюк, — у тебя неприятности?» — «Да, у меня неприятности по твоей инициативе и не притворяйся, что не знаешь о чем речь. Теперь ты можешь спать спокойно». — Максим решительно захлопнул дверь.

Отношения, которым не придавалось никакого значения, быстро испортились окончательно. Выходя из своей квартиры, Максим неоднократно видел огромные, пылающие ненавистью глаза Ленки. Ребенок наслушался разговоров взрослых и сделал свои выводы.

Однажды Максим купил своему Игорю разборный стол для пинг-понга. В субботу они вытащили его во двор, начали играть, и тут же к ним прибежала масса народу. Даже Вадик Киреев с третьего этажа спустился со своей фирменной ракеткой. Он был кандидатом в мастера. Царкин с Леной тоже подошел. Глядя, как Максим сражается с Вадиком, Царкин попросился в игру. «А мы играем только на деньги», — ответил Максим. — «На деньги, так на деньги, — сказал Борис. — Почем партия?» — «По рублю». — «Согласен. Когда-то я был чемпионом двора». Максим уступил ему место. Вскоре Бо-

рис понял, что у Вадика ему не выиграть никогда. Его рубль уплывал из его кармана, помахивая крылышками. Тогда он придумал ход. Кинувшись за шариком, он изобразил, что подвернул ногу, и со страдальческим видом, хромя, проиграл еще два очка, после чего сказал, что продолжать игру не может, и удалился. Рубль был спасен. Игра без Царкина продолжилась к радости всего двора, а Леня семенил за папой и очень ему сочувствовал.

Поскольку делить Максиму с Борисом было нечего, их отношения снова стали как бы дружески-нейтральными на фоне мучений от бесконечного рычания насосов в подвале. Максим писал во все инстанции бесконечные письма, что так жить невозможно, что его сын Игорь стал страдать приступами головной боли... Русские люди сами придумали поговорку на сей случай: «Кого е..ёт чужое горе!». Единственным следствием былой ссоры было то, что Борис перестал приходить с папиросой по вечерам. Однажды он буквально ворвался бледный от страха в квартиру Максима с криком «Помогите, Аня умирает!». Максим с женой быстренько вошли к ним и увидели Аню, лежащую на полу. Тут жена Максима, присев на корточки, быстро выяснила, что Борис принялся точить супругу из ревности, что она хочет ему изменить с соседом Вадиком. Аня сперва посмеивалась над дурью своего мужа, но он не отставал, и у неё появилось чувство досады и отвращения, а потом и слабости в ногах, а он всё не отставал и точил, и точил её... Потом ей стало душно, а дальше она ничего не помнит...

В это время раздался звонок. Приехала, наконец, неотложка. На вопрос врача, что случилось, Борис ответил, что они с женой поссорились, и ей стало плохо. Максим, скрывая улыбку, возвратился к своим исследованиям, жена пришла через полчаса и попыталась вовлечь его в разговоры о глупых соседях, но он отмахнулся — на свете дураков всегда больше, чем умных, потому что ум всегда ограничен, а глупость безгранична. И вообще непонятно, как Борис мог приревновать свою неказистую жену к Вадика, хотя Вадик

был кобель тот еще! Красив. Высокий, стройный, синеглазый, блондин с темными бровями, с приятной небольшой картавостью. Язык подвешен хорошо, кого угодно уболтает. Борис был роста небольшого, тощий и сутулый, большой лягушачий рот, выпуклые глаза, нос крючком... Однажды в нашу гостеприимную страну прилетел большой друг Ясир Арафат. Он сидел в телестудии в больших темных очках и с полосатым платком на голове. Все вокруг улыбались ему и всячески заискивали — ну как же! ведь это был козырной валет против израильской военщины! Вдруг после очередного приятного вопроса Ясир снял очки — и Максим увидел полный дубликат Бориса Царкина. Сходство было просто невероятным. Он в восторге позвал жену: «Смотри — соседа по телеку показывают!»

У Лени рано проявился тонкий музыкальный слух, и родители смогли пристроить его в музыкальную школу в класс виолончели. Однажды, возвращаясь с работы в начале октября, Максим увидел у подъезда незнакомого пацана лет двенадцати с рыжей шевелюрой, который выворачивал пальцы будущему виолончелисту. Рядом стоял мальчишка постарше, сосед по подъезду Лева Сонин и наблюдал за экзекуцией. Максиму всякое мучительство было отвратительно, поэтому он с презрением сказал Лева: «Что же ты, трус, не заступишься за своего друга?». Однако вся троица в полном молчании продолжала своё дело, несмотря на присутствие взрослого. Максим вздохнул и поднялся в свою квартиру — не драться же с тем рыжим! В конце концов есть родители, которые должны оберегать будущего музыканта. Однако через секунду он уже звонил к Царкиным и высунувшейся Ане сказал: «Иди, спасай своего сына!»

Через десять лет жалобы Максима проточили узенькую канавку в бюрократически-продажной системе, в которую знакомый клерк из РАЙИСПОЛКОМА по наводке заведующей РАЙОНО (по просьбе сестры жены Максима) капнул капельку своих чернил, и дело со скрипом завертелось. Максим с семьей получил квартиру на окраине Москвы в обмен

на забракованную САНЭПИДЕМСТАНЦИЕЙ. В новой квартире жить было невозможно, там не было ни воды, ни света, автотехника и трактора превратили поверхность земли во круг на двести метров в нечто неопишваемое — так, наверное, выглядела наша скорбная земля после Сталинградской битвы. Шли дожди, канавы и ямы наполнились водой и жидкой грязью. Местное население набрасывало деревянные мостки на эти препятствия, но так как уличного освещения практически не было, каждый возвращающийся с работы рисковал по колено вступить в холодную черную сметану. Каждое утро Максим шел на остановку автобуса, как на приступ. Вероятность сесть в автобус была совершенно непредсказуемой. Поэтому Максим то приходил на работу раньше на срок минут, то опаздывал на двадцать. Жить в таких условиях было настолько невыносимо, что решили переехать на время к теще (тесть к тому времени уже помер), а две квартиры менять, как можно скорее, пусть с потерей метража.

Несколько раз Максим по случаю был в районе прежнего дома и заходил к Вадику. Тот устроил его по знакомству в спортзал заниматься настольным теннисом. И вообще Вадик был занятным типом. Коллекционировал редкие книги, серебро, марки. Очень любил разбирать поединки мастеров настольного тенниса, а также свои похождения с девками. В бывшей квартире Максима была теперь размещена библиотека. Ясно, кто же пойдет жить в аду! В один из дней, выходя от Вадика, Максим увидел отъезжающую новенькую темнозеленую «Ладу», которую вел Царкин. Аня открыла окно и сказала, что вот, купили машину, заехали к Лене. Он заканчивает музыкальное училище. Максим ответил, что Игорь уже на втором курсе нефтяного института, балбесничает, учится плохо. «А наш Ленечка вкальвует день и ночь, — ответила Аня. — Ну, пока». Борис при этом важно кивнул, и они уехали. Проводив их взглядом, Максим подумал, что вот он, кандидат наук и начальник лаборатории не может позволить себе купить машину, а Царкин может. Значит, что-то в нашей жизни происходит не по социалистическо-

му принципу каждому по его труду. А всё потому, что никто в этот социализм сто лет не верит, все презирают и обманывают власть, которая изменить к лучшему ничего не может.

В следующем году Игорек допрыгался. Схватил два неуда в весеннюю сессию, запорол курсовой проект и подлежал отчислению. Максим с женой, как говорится, рыли носом землю, чтобы сына оставили в институте. За окном уже пылала война в Афганистане, развязанная слабоумным политбюро и вороватыми генералами. В случае отчисления сын имел полный шанс лечь костями за наше правое дело. Максим так переживал, что за неделю сбросил пять кило. Слава Богу, сына оставили условно и он уехал на практику в Баку. Потом он шесть раз ходил на сдачу экзамена по физической химии, и доцент Звягин слушал его сбивчивые ответы и всё время повторял: «Нет, не то, нет, не то...».

В конце августа Звягин все-таки поставил Игорю удовлетворительно. Путь к знаниям снова приоткрылся. Тут начался новый курсовой проект, в котором предполагалось составление несложной программы для расчетов работы ректификационной колонны, и Игорек опять бы провалился, но на счастье на соседнем потоке учился его однокашник по математической школе, который в отличие от Игорька, не зря протирал штаны. Он по-быстрому сварганил программу, опробовал её и отдал во-время. Сынок был опять спасен. Есть все-таки Бог на свете. Если в технологии нефти и газа Игорек был полным профаном, то в химическом приборном анализе, как это ни странно, он оказался вполне на высоте. Более того, оказалось, что и руки у него растут оттуда, откуда надо. Однако общая ведомость его институтских успехов имела столь жалкий вид, что его направили служить младшим лейтенантом на военную базу ГСМ. Это было далеко от Афганистана, начальником Игорька был веселый и временно холостой майор, который очень любил приготовить что-нибудь этакое и пожрать от пуза. Жили они с Игорем в одной квартире, и майор привязался к Игорьку, как к род-

ному. Игорь тогда был очень красив, строен, по-мужски немногословен и с людьми ладить умел.

В конце концов всё хорошо, вроде бы, устроилось. Вернулся сын из армии, пошел работать в НИИ стали и сплавов, денег, правда, никаких, но стал повышать квалификацию. Максим со спокойной душой завершил работу над докторской диссертацией и стал искать совет, на котором можно было бы защититься. Но тут начались лихие девяностые. Все, кто работал на любимую страну, не жалея мускулов и мозгов, обнищали враз. Организация, в которой работал Максим, развалилась за полгода, разворовали всё, что можно было унести и продать, даже парадный белый халат, в котором Максим встречал высоких гостей в своей лаборатории, и тот унесли. За семейным ужином Максим сказал Игорю: «Надо было бы тебе послушаться меня и окрутить девчонку, которая приехала на учебу из-за границы, лучше бы из капиталистической страны, но на худой конец из Венгрии или даже Болгарии. Тут скоро вообще нечего будет жрать».

Игорь кивнул и в тот же вечер написал приглашение одной знакомой из Польши, с которой переписывался еще в школьные годы. Границы стали прозрачными, и панночка прибыла по туристской путевке повидаться. Максим с женой вытрясли свои жалкие накопления, и на пару походов в ресторан хватило. Вскоре Игорь отбыл с ответным визитом в Польшу, где обвенчался и даже нашел работу в местном госпитале уборщиком. Еще через пару лет теща пристроила Игоря на химический завод в экономический отдел. Он освоил польский и подал документы на гражданство.

За это время Максим успел защититься и стал искать местечко, где бы платили нормальную зарплату. От избытка свободного времени он стал конструировать некое литературное изделие, не то повесть, не то роман... Литературного опыта у него не было, и посему он решил написать серию рассказов о своих друзьях, где просто и без утайки попытаться дать некий обобщенный психологический портрет советского интеллигента 60–80 годов, который любил свою

работу, свою семью, презирал власть и начальство и, в общем, жил-поживал, часто получал тычки и лишь изредка поощрения, любил застольные споры о книгах или о судьбах человечества, смеялся над идиотизмами бесконечных запретов и слушал Голос Америки.

Молодая, энергичная и очень красивая издательша дала почитать текст одному поэту, который регулярно выступал по Московскому радио, и тот сказал, что после редактуры можно и опубликовать. Вот так и состоялась примерно через год встреча с Аней на концерте, посвященном неделе еврейской книги. Сейчас они стояли перед сценой и ждали Леню, и вот он появился в черном костюме и бабочке. Аня обняла его, он был почти на голову выше её. Ну как не гордиться таким сыном! Максим обменялся с дирижером энергичным рукопожатием. «Помнишь нашего соседа? — спросила Аня. — Он теперь стал писателем. Его книга стоит здесь на выставке». Леня молча улыбнулся, потом сказал: «Мне нужно с ребятами поговорить насчет завтрашнего концерта в еврейском центре, до свидания». Максим с Аней прогулялись в холле, потом посмотрели на его книжку в черном переплете. «Слушай, Максим, — предложила Аня, — ты приезжай к нам в Джойнт, покажешь свою книгу, наши сотрудники могут купить несколько экземпляров. Вот тебе адрес». — «Скажи, а Леня много выступает?» — спросил Максим. — «О, да. Без конца по границам мотается. У него каждый день распечатан». — «И давно он так?» — «Да уж года три, не меньше».

Пока Максим возвращался домой, в голове крутилась неотвязная мысль: «Как это получилось, что у глуповатого, необразованного, но хитрого Царкина вырос такой талантливый парень, а у него, доктора наук и начинающего писателя, получился такой серый, не преуспевший ни в каком деле, скучный, ничем не интересующийся отпрыск?» Потом он вспомнил, что знаменитый советский гроссмейстер Лев Полугаевский был родным племянником Сони Раяк и в давние года всюду ходил с шахматной доской подмышкой, в том числе и к тете Соне. Это ему она сама рассказала. Стало быть,

ген талантливости бродил внутри их семьи и временами реализовался в том или ином варианте... Он перебирал воспоминания ушедших лет и корил себя за лень. Вот если бы он нанял хотя бы преподавателя английского языка... Конечно то, что отдали Игорька в математическую школу, было роковой ошибкой. Не было у него никаких математических способностей. Получал сплошные тройки и переживал от этого, только нервы портил. Не надо было идти на поводу у старшей сестры жены. В обычной школе, видите ли, не дают приличного образования. Все друзья Максима заканчивали обычную советскую школу и все, поглядите-ка, стали кандидатами или докторами наук! Но сделанного не воротишь. А как он, Максим, искал малейшего проявления не то чтобы таланта, а интереса сына к окружающему миру, к музыке, шахматам, путешествиям, к бабочкам или стрекозам, к маркам, наконец! — Ничего. Единственное, чего он смог добиться, — Игорь несколько лет ходил в секцию дзю-до и получил там первый разряд. Сейчас ему тридцать четыре года. Из разговоров с ним ясно одно, — смысл жизни в зарабатывании больших и очень больших денег. Любыми способами. Вплоть до нарушения законов. «Но это кончится тюрьмой!» — не выдерживал Максим. — «Не обязательно».

Через неделю Максим дозвонился Ане и поехал в Джойнт, прихватив пяток экземпляров. Там он познакомился с её подругой, которая полистав книгу, сказала: «Ну вот, опять ночь не спать?» — «Почему?» — изумился Максим. — «Читать вашу книгу собираюсь...» — она посмотрела на него выжидающе. «Знаете, я вам её дарю, сейчас надпишу. Как вас звать-величать?» — «Вероника». — «Тебе и Борису тоже дарю», — сказал Максим. Аня оценила щедрость бывшего соседа и тут же пригласила его с женой к себе на дачу. «Ты не представляешь, какая у нас дача!» — заворковала она. Максим поблагодарил, но сказал, что в ближайшее время уезжает в командировку и потому позвонит, когда вернется. Он предчувствовал, как ему будет неприятно еще раз увидеть самодовольное лицо этого нувориша, который прекрасно знал, где и что плохо

лежит в нашей безалаберной стране, и который наворовал чертову пропасть денег в считанные годы. Изредка заезжая к отцу в садово-огородный кооператив в Малаховке, он уже насмотрелся на эти трех-четырёхэтажные дворцы-терема, которые жулики успели понастроить на ворованные денежки, да еще окружились высоченными заборами и наняли вооруженную охрану. И вообще Максим чувствовал себя униженным создавшейся ситуацией. Он, который всю жизнь старался помочь родной стране, оказался ненужным со своими исследованиями. И если бы он один! Его близкий друг Сашка Орловский, который участвовал в проекте «Союз-Аполлон», бросил свой НИИ и стал начальником цехартели, поставляющей резиновые уплотнения для автотракторной техники. Когда они встречались, Сашка грезил, что если коммерческие дела артели пойдут хорошо, он выделит комнату-лабораторию для перспективных исследований. Дефолт девяносто восьмого года поставил жирный крест на этих планах.

Игорек в Польше занялся каким-то теневым бизнесом по перепродаже тяжелых вооружений, накопившихся на территории бывшего Союза. Максим ходил подавленный и каждый день ждал звонка от невестки, что сына арестовали. Во время краткого заезда в Москву Игорь сказал жестко: «Вот ты всё время занимался наукой и что ты имеешь в итоге? Где твоя обеспеченная старость? У тебя даже автомобиля нет, чтобы добраться до поликлиники! Срочно подавай на гринкарту, пока Америка принимает эмигрантов из России. И мы подадим, потому что через десять лет здесь начнется такое, что мало никому не покажется». Максим подумал, что сын, пожалуй, прав. Он тогда еще не понимал, что разворовывание огромной державы и передел собственности неизбежно будет сопровождаться жутким всплеском криминала. В литературе этот период стали позже называть «лихие девяностые». Как он узнал впоследствии, на российскую компанию, которой помогал Игорек, наехали крутые ребята и речь уже шла не о заработке, а о самой жизни... Видимо, Господь гля-

нул вниз и вовремя прислал разрешение на въезд в США. Игорек бросил квартиру на попечение тещи, прихватил остаток долларов и рванул на самолет. Это спасло ему жизнь.

Как ни настаивал Игорь, как ни звал, Максим всё никак не мог решиться на переезд. После долгих поисков его взяли в один из институтов Газпрома. Зарплата там была куда выше, чем в тех же институтах Академии наук. Конечно, Ане в Джойнте платили вдвое больше, но Максим ни за что не поменялся бы с ней местами. Он вообще считал чиновничью работу воровской и полагал, что все беды России происходят от чиновничьего беспредела. А у него как раз сейчас шла интересная тема по разработке стойких к нефти резин на основе паршивых отечественных синтетических каучуков. Благодаря комбинации активных наполнителей и некоторых специфических активаторов вулканизации он добивался того, что отечественные резины не уступали заграничным и работали в более широком интервале температур. Начальство его хвалило, а заведующий лаборатории просто носил на руках.

Между тем незаметно подкрался пенсионный возраст. Надо было определяться с неизбежным не шибко светлым будущим. В последнее время он всё чаще чувствовал неполадки в работе сердца. Стоило немного ускорить шаг, как начинало ломить за грудиной, особенно неприятно он чувствовал себя в ветренные холодные дни. Он останавливался, брал под язык четверть таблетки нитроглицерина и ждал, пока боль отступит. Надо было решаться на операцию, но Российским хирургам он не доверял, а главное — он хорошо знал, что такое отечественный послеоперационный уход за больным. Вспоминал, как смеялся его бывший коллега Марк Колтун, когда лег ушить грыжу в больнице для научных работников. Каждое утро приходила медсестра, которая отрывала с треском, прилепленную лейкопластырем повязку, причиняя Марку столь сильную боль, что он стал бояться её появления. Почему отрывала? — Во-первых, потому что Марк, во-вторых, потому что Колтун! Нет, советско-антисемитский сервис его совершенно не устраивал.

Он решил не продавать свою однокомнатную квартиру, которая досталась ему после развода, — а вдруг ему в Америке станет так тошно, что он уедет обратно? После соблюдения всех формальностей, получив статус беженца, он прилетел санитарным рейсом (в сопровождении врача) в Нью-Йорк, где сын встретил его и повез в маленький городок штата Массачусеттс. Со времени Ильфа и Петрова одноэтажная Америка выросла еще на один этаж. Выяснилось очень быстро, что английский разговорный он не понимает совершенно, поэтому о квалифицированной научной работе не могло быть и речи, а лаборантом его не взяли бы в силу преклонного возраста. Сыну жилось неуютно, хотя английский он освоил быстро. Свой нефтегазовый институт он профукал, не став ни технологом, ни исследователем. Приехав в США, он поспешил заняться квартирным бизнесом, не представляя себе всей сложности работы с будущими арендаторами, особенно многодетными. В результате он пролетел со своими деньгами совершенно в ноль и сейчас пытался накопить хоть немного и открыть торговлю поддержанными автомобилями. На робкий вопрос отца, не пробовал ли он устроиться в какую-нибудь лабораторию, Игорь зло отрезал, что им на семью хватит одного «яйцеголового» нищего. Узнав, что Максим не продал свою квартиру, Игорь еще более разозлился. Видно, он очень рассчитывал на денежную помощь. Максим пообещал решить этот вопрос как можно скорее. О своей болезни он пока сыну не говорил, московских лекарств, по его оценкам, хватало на год. Перед отъездом он успел скопить около десяти тысяч долларов и теперь очень переживал за каждую потраченную копейку.

Вскоре ему в «Джуйке» помогли снять студию всего за триста пятьдесят долларов, и он успокоился. Его «праймери» доктором оказалась симпатичная, улыбчивая женщина из Воронежа. «Где только не живут наши евреи!» — воскликнул Максим. — «А их евреи живут по всему миру, и в Южной Америке, и на островах Карибского моря, — парировала докторша. — Давайте к делу, — продолжала она. — Вот вам

направление на обследование вашей кардиоваскулярной системы. Результаты покажут, насколько срочно вам требуется операция... Говорят, вы доктор технических наук... Это правда? Очень было приятно с вами познакомиться». — Она энергично пожала ему руку.

Необходимость операции Максим воспринял совершенно спокойно. Единственной неприятностью было то, что надо было явиться в приемный покой к шести утра. Сын довез его и уехал по делам. Его ввели на каталке в комнату, где его ждала масса народу. Вот ему ввели снотворное, и он отключился. Очнулся он довольно легко. Он лежал в кресле-каталке в каком-то нерадостном полутемном помещении. Пожилая сестра колдовала над шприцем, потом подошла к нему молча и вставила шприц в специально подготовленное гнездо на правой стороне шеи. Через двадцать секунд Максиму показалось, что на его бедный мозг вылили кастрюлю с кипятком. Кипяток быстро опускался ниже и ниже, вот он коснулся сердца, и оно, бедное, затрепетало. «Всё, конечно...», — пронеслось в голове Максима и он застонал: «I am dying...». В ответ медсестра сказала что-то сердитое и ушла. Через минуту молодой парень повез его в палату.

Уже на второй день его начали поднимать, а на третий водили по коридору. В пенис был вставлен катетер, по которому в пластиковый мешок стекала моча, из верхней части солнечного сплетения тоже что-то капало, кривой шов шел через грудную клетку, из левой руки и правой ноги были одолжены сосуды взамен забитых холестеровыми бляшками. Даже небольшая прогулка вокруг палаты приводила к повышению частоты пульса до ста тридцати в минуту. Однако никаких болей в сердце и за грудиной не было. Еще через пару дней его выписали, и к нему стал ходить медбрат, который занимался в основном его воспаленным кожным покровом. Максима беспокоило лишь то, сумеет ли он восстановить силы в течение зимних каникул, чтобы продолжить занятия в колледже по освоению английского языка. Одно можно было сказать определенно, — жалеть его никто

не собирался, а потому и он себя не жалел. В одно из посещений сына он спросил, как поживает мама. Его жена после развода быстро вышла замуж за программиста, и они свалили в Израиль. Игорь ответил кратко: «Нормально». На том разговор и кончился.

Максиму предстояло еще год как-то кормиться, пока ему не исполнится 62 года, после чего он имел право на жилье в субсидиальном доме. Сын не предлагал ему поселиться вместе, да и ему не очень хотелось. Игорь не любил своего прошлого, когда отец внушал ему, что нужно упорно и долго учиться, накапливать опыт исследователя, прилежно читать научные журналы и прочее. Учиться он не хотел, потому что не умел, а свое пребывание в математической школе рассматривал, как срок заключения. Начиная с четвертого класса он вычеркивал красным карандашом в календаре прошедшие дни. «Как дембиль», — смеялась жена. Максим не раз страдал от того, что они с женой из лучших побуждений здорово подгадили ему, засунув его в математическую школу. Это было, как если бы при отсутствии слуха заставить ребенка учиться музыке. Они просто поломали ему жизнь. А чем должен заниматься в детстве и юности человек, лишенный способностей? Как подготовить его к взрослой жизни? Родители обязаны искать и найти область деятельности, в которой со временем проявится умение и способности ребенка. Иначе человек начинает испытывать зависть к тем, кто обладает способностями, и эта зависть может принять гипертрофированные формы вплоть до ненависти ко всем. «Если он пробьется в Америке, начнет зарабатывать хорошие деньги, это принесет покой его душе, покажет, что он не хуже других, — думал Максим. — И он ведь не бездарен! Смотри, как быстро он освоил два языка — польский и английский...»

Закончив семестр в колледже, Максим уже чувствовал себя практически здоровым и пошел наниматься в русский продовольственный магазин. Там ему предложили прокорм и минимальную зарплату наличными. Он резал картонные

коробки, выносил ящики, ездил на базу за товаром и вообще не отказывался ни от какой работы. То, что продавцы вытворяли с товаром по приказу владельца магазина, его не удивляло: они мыли в горячей воде позеленевшие колбасы, смешивали свежие салаты со старыми, переставляли, где это было возможно, сроки годности... и ничего не боялись. Всё это практиковалось и в России. Там был популярен анекдот, взятый из жизни: В молочном отделе на крышке от фляги записка: «Валь, воду в сметану не лей, я уже два раза разбавляла».

Однажды Максим купил в соседнем русском магазине замороженное филе судака, которое стоило на полтора доллара за фунт дешевле, чем камбала и другие рыбы. Оно и понятно, бедные (малоимущие) должны вкушать пищу поскромнее. После размораживания судак здорово похудел. Максим нарезал его на куски и бросил в томатный суп, добавив морковь, лук, душистый перец и гвоздику. Запах получился очень аппетитный. Помешивая суп, чтобы не пригорел, Максим заметил, что куски рыбы стали столь эфемерными, что их надо искать теперь под лупой. Однако голь на выдумки хитра. Максим добавил в суп ложку оливкового масла и насыпал сухариков. Пару раз ему попало что-то, похожее на рыбу, но установить эту принадлежность можно было только сыскными методами. Похожий случай был в Москве, когда он с родней отправился в ресторан «Пекин». В тот вечер они уже хорошо выпили и закусили в бывшем «Яре», но свояк решил прокутить денежный подарок ко дню рождения. Максим отважился тогда попробовать омлет из плавников акулы. Остальные тоже заказали разных морских блюд. Через полчаса Максиму принесли тонкий омлет с черными пятнами перегоревшего масла. Он всё пытался найти следы акулы, но она, акула, наверное, всё еще плавала в Южно-Китайском море. «А где же плавники?» — спросил он стоявшую невдалеке официантку. — «Они же нежные, — ответила та с неожиданным для здешнего места одесским акцентом. — Ви кушаете и даже не понимаете, что ви кушаете!»

* * *

Прибывшие в Америку беженцы новой волны отнюдь не бедствовали. Валом валили на концерты и спектакли, ходили на выставки, по утрам в выходные ездили на ярд-сэйлы и блошиный рынок в городке М., там сметали по дешевке тряпки и бытовую технику, книги по искусству и бижутерию. Синагог и церквей в городке, где жил Максим было более десяти, на любой вкус, правда, мечетей пока не было. В недавно отстроенной современной синагоге периодически устраивались выставки местных художников и даже принимали известных людей из бывшего СССР.

Однажды летом в русском магазине появилось объявление, что городок посетит сам Александр Городницкий. Видно, специальность плохо кормила известного геофизика, раз он потащился в такую американскую глубинку. Зал синагоги был полон. Максим даже не ожидал, что у певца геологических приключений и туристской романтики окажется столько престарелых почитателей. Городницкий не баловал публику новым репертуаром, явно не выкладывался, но невзыскательная публика усердно хлопала после каждой песенки.

Примерно через месяц кто-то повесил в магазине новый плакатик, возвещавший, что в Бостон приезжает известный исполнитель Леонид Царкин со своим хором и даст два концерта еврейской песни, а также кое-что из русской и зарубежной классики. Билет стоил довольно дорого, но Максиму было очень любопытно взглянуть на Леньку. Он даже Игорю предложил, но тот сказал, что очень занят. — Да, и вечером тоже, и никакого интереса к этим приезжим не испытывает, потому что они едут сюда халтурить, эта работа у них называется «чёс». А вы все совки и провинциалы и ходите на эту халтуру от безделья и скуки... Возможно, Игорек был прав, но Максим всё-таки поехал в Бостон.

Представление состоялось в большой синагоге. Перед началом Максим забежал в туалет и ужаснулся той грязи и вони, которые царили в отхожем месте. Точь-в-точь, как

на Казанском вокзале в шестидесятые годы. Кое-как помыв руки под слабой струей, лившейся из заржавелого крана, без мыла и салфеток, он вытер руки носовым платком и направился в зал. Хорошо, что он догадался захватить театральный бинокль. Леня располнел за истекшие десять лет, он стал больше похож на Аню. Тот же утиный нос, утонувший в полных щеках. Появились залысины, что даже ему шло, потому что родители подарили ему маленький лоб. Он по-прежнему руководил октетом, исполнявшим песни *a-cappella*. Публика усердно хлопала, но Максим не увидел никакого прогресса по сравнению с тем, что делал младший Царкин десятью годами раньше. Видимо, он не продвинулся, как мастер. Хор Турецкого был известен и собирал большие аудитории, а Ленька был вытеснен со своими певцами на периферию. Как теперь говорят, — стал маргиналом в искусстве. Максим слушал октет, и ничего в сердце не отзывалось. Он даже удивлялся, отчего он был так растроган на том далеком концерте. Эйфория от того, что он был участником книжной выставки?

«Кажется, я понимаю, почему он бросил виолончель, — подумал Максим. — Чтобы пробиться в качестве исполнителя, ох как надо работать! Да и талант должен быть. Талант, а не просто способности. И чем, спрашивается, нынешний Ленька лучше моего Игорька? Нет, конечно, он занимался и занимается делом, которому его учили, и это очень важно. А впрочем, всё суета сует. *Летай иль ползай, — конец известен*. В истории из многих миллионов остаются единицы... Известность — тоже суета. Борьба со временем бессмысленна».

Его коллега Юрий Старцев не понял этой простой истины и решил все-таки побороться, сделал сам о себе статью в Википедии. Он и раньше был суетливым, сидел в разных комиссиях по воде, опубликовал около четырех сотен статей по анализу металлов (кстати, академик Евгений Тамм опубликовал восемь статей, после чего его избрали академиком), куча авторских свидетельств. А все его работы основаны на примитивной химической методике, известной еще нашим дедам,

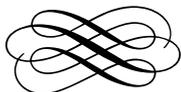
и чего он раздулся, как воздушный шар?.. Сам придумал себе анкету, где на вопрос «что самое ужасное в жизни?» ответил: «Предательство друзей». Не было у него друзей никогда, потому что он слишком любил себя самого...»

«Вот если бы обрести веру во Всевышнего, в загробную жизнь, наверное, моё существование показалась бы не лишённым смысла», — размышлял Максим, слушая еврейские песни. После окончания концерта он поймал Леню, поздоровался, напомнил о себе. Тот любезно, но холодно улыбнулся. Да-да, он помнит. Живет и думает жить в России. Здесь надо пробиваться очень долго, может быть, всю жизнь. А он в России и так всё имеет. Борис? — Отец умер пять лет назад от рака желудка. Мама? — Живет на даче, сдает ему, своему сыну, квартиру. Нет, она совершенно ни в чем не нуждается... Максим всё ждал хоть одного вопроса об Игоре, но не дождался. Расстались, как два пассажира в метро, чтобы никогда уже не встретиться. Река времени понесла Вовку к стремнине, а Максима — всё ближе к отмели, где уже остывали в лучах заходящего солнца многие его сверстники.

Дома Максим не утерпел и полез в Интернет. Ну, не может же быть, чтобы сын пронырливого соседа, которого он мог пускать или не пускать на свой порог, стал звездной величиной!.. Как говорят в Одессе — он таки стал! Он защитил диссертацию, теперь он знаменитый дирижер и руководитель интернационального музыкального коллектива. И не Бостонская синагога сделала ему одолжение, представив сцену, а наоборот, — он, который глубоко изучил еврейскую песенную традицию вплоть до средневековья и нес это вечное искусство всем, кто еще не потерял вкус к жизни, не обозлился и не замкнулся в своей трухлявой скорлупе. Что поделаешь! Генетика — это рулетка, и в этой игре выигрывает тот, кому природой дарован ген талантливости. С ним, как с неразменным пятаком Стругацких, можно участвовать в Игре, а без него не стоит и садиться за игровой стол.

Всё ли предано забвению? Если следовать античным грекам, то всё — чуть раньше или чуть позже. Однако для корот-

кой человеческой жизни два столетия — уже немалый срок, а четыре-пять — почти вечность. Про себя и Игоря Максим со спокойной грустью сознавал, что его резины, равно как и ржавые автомобили Игоря, исчезнут из памяти случайных свидетелей через неделю после неизбежной кончины. Но соседский сын Ленька! Неужели он со своим искусством останется надолго в памяти людей, посещавших его концерты?.. Неужели его ученики и последователи понесут его достижения дальше?.. «*Ars longa vita brevis*, — усмехнулся он и вдруг успокоился, и примирился с судьбой. — Что ж тут скажешь? — Технологии резины и продажи автомобилей это не касается».

ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ

Не знаю отчего, но на нашем предприятии люди мерли, как мухи. Идешь бывало с работы, а на щите возле проходной уже фото покойничка красуется. Все, конечно, подходят, обсуждают и смотрят первым делом, сколько лет прожил. Редко-редко, кто из них переваливал за пятьдесят пять. Какая экономия денег для государства! Когда рабочий класс или цеховое начальство помирало, то оно понятно — выпили свое ведро казенного спирта и почувствовали, что пора на покой. Но не доживали до пенсии и те, кто в рот его не брал. В чем тут дело...Непонятно. Родители наши войну пережили, революцию, некоторые из лагерей вернулись — и живут. Живут! Многим за восемьдесят. Наверное, наше поколение получилось хилым, нежизнеспособным по какой-то неведомой мне причине?

Да я лукавлю с вами, лукавлю. Статистика точно покажет, что нынешнее поколение живет дольше. Просто выжившие и пережившие возвышаются среди нас подобно горным вершинам и все их видят. А я собираюсь вам рассказать о нескольких судьбах. Вот оно самое необходимое и емкое слово — Судьба! Обычно после него держится пауза. Есть в этом могучем слове что-то роковое, что заставляет нас примолкнуть и оглянуться кругом, и сделать попытку осмыслить жизнь, и подумать, почему мы все такие разные, и ужаснуться перед бездной времени, внезапно открывшейся впереди. Все равны перед этой бездной — злые и добрые, те, кто прожил пятьдесят и те, кто прожил восемьдесят, ибо что такое разница в тридцать лет перед вечностью! Но есть память и есть, слава Богу, письменная память. Некоторым записям, которые мы сегодня читаем, более четырех тысяч

лет. Когда-то, в глубокой древности один вельможа, боясь наказания, убежал от своего правителя и два дня прятался в тростниках, растущих по берегам Нила. Потом он вернулся, был прощен и оставил нам свои записки.

Помню, как поразила меня фраза из его мемуаров: «Я провел два дня в одиночестве, и только сердце моё было другом моим». Вот и я, равнодушный свидетель жизни, плывущий в её потоке, как щепка в ручье, как пушинка в реке времени, оставляю свои незатейливые записки с надеждой, что найдется хоть кто-нибудь, кому они покажутся интересными или забавными. И подумает этот человек, и спросит: «Судьба выбирает нас или же мы выбираем себе судьбу?» Вот вопросик, на который я не знаю пока ответа. А вы, может быть, знаете?

Вот и почитайте мой рассказик, глядишь, что-нибудь на ум и придет...

* * *

Марк. Мне очень нравится это раскатистое древнее имя. Когда я его произношу, моё небо приподымается, образуя арку, подобную грандиозным античным аркам древнего Рима. Мне совсем не нравится, когда переделывают это великолепное имя в Марика. Марик-комарик. Что-то слабенькое, ничтожненькое, которое можно прихлопнуть ладонью. И так, его звали Марком. Удивительно, что я узнал о его существовании, проработав почти восемнадцать лет в нашей организации. К слову сказать, наша организация, созданная стараниями и бесконечными интригами нашего Генерального директора (ГД), была огромной, как Вселенная. Чего только в ней не было! Одних филиалов, разбросанных по территории Союза было не менее двадцати. Сам ГД, влюбленный в науку, но ничего в ней толком не понимающий, давно перестал понимать, чем у него занимаются тысячи людей и за что он им платит деньги. Но в хаотическом мире, который он создал, тем не менее, почти спонтанно образовались островки, где трудились специалисты

экстра-класса. Все они были известны ГД, и он неизменно демонстрировал их достижения перед лицом высокого начальства. Марк был из числа избранных. Он защитил докторскую диссертацию в тридцать лет и когда я его спросил, как ему удалось получить докторский диплом так рано, он ответил, что он нашел направление в солнечной энергетике, которым никто до этого не занимался. Может быть, Фортуна помогла. Но вот ведь штука! Фортуна помогает тем, кто талантлив. Дуракам везет лишь в сказках и то на житейском уровне, а не в науке.

А в жизни Марку как раз адски не повезло. Задолго до нашего знакомства у него были жена и дочка. У дочки рано проявился талант художника. У неё было острое и нестандартное восприятие мира. У жены тоже были художественные способности. Она создавала из глины прекрасные скульптуры. Марк специально для нее купил муфельную печь для обжига глины. Жизнь шла в мажорном ключе, пока как удар молнии не поразило их известие, что у дочки опухоль головного мозга, которая быстро растет. Ей едва исполнилось восемнадцать лет, когда её не стало. Для жены жизнь потеряла смысл. Она перестала общаться с людьми и с Марком. Каждые выходные она отправлялась на кладбище и приходила поздно вечером с тем, чтобы рано утром в следующие выходные снова уехать на свидание с прахом дочери. Марк её не трогал, ждал, когда её душевное здоровье восстановится. Однажды зимой в стужу и метель она вышла из дома и не вернулась. Поиски были безуспешными. Лишь когда весной стаял снег, обнаружили её тело возле могилы дочери. Не берусь описать, что чувствовал Марк и как у него хватило мужества всё это перенести.

Еще до нашего знакомства мне показали его. Это был высокий и мощный человек с удивительно мягким и приветливым выражением лица. Пожалуй, он был похож немного на Бабеля. Помните его в круглых очках, которые называли велосипедом? Но Марк был значительно красивее. Когда я пришел к нему с предложением создать прибор для кон-

троля полупроводников, используемых в солнечных батареях, он выслушал меня и с легкой улыбкой согласился финансировать мою разработку. В процессе работы мы с ним

стали часто встречаться и мало-помалу я ближе познакомился с кругом его интересов. Он не стал нытиком и не спился. Видимо, это было противопоказано ему самой природой. Он стал писать для детей научно-популярные книги о Солнце и о солнечной энергии, о физике и химии и их законах, об экологии. Он был знаком с художниками-оформителями, которые помогали ему иллюстрировать эти книги. В каждой из них он помещал репродукции с картин своей дочери и её фотографии. Однажды, всего один раз я был у него на квартире. Квартира представляла собой мемориал его дочери. Я обратил внимание, что какой-то фантастический образ, который я, зная печальную историю, мог бы назвать отпечатком её души, неоднократно появлялся в акварелях и других работах и даже был запечатлён на стеклянных дверях гостиной.

Не мне быть судьёй его книг для детей, хотя должен признаться, что их текст мне показался скучноватым. Но зато иллюстрации получились великолепными. А ведь дети смотрят в первую очередь картинки.

Есть разряд людей, которые всё, что бы они ни делали в жизни, исполняют на профессиональном уровне. Многие из нас заканчивали курсы иностранных языков после окончания института. И столь же многие благополучно забыли язык или поддерживают его на очень низком уровне. Когда я спросил Марка, каким языком он владеет, он ответил, что свободно говорит на английском. Оказалось, что в молодости он занимался волейболом и входил в сборную России. Да и знакомые его были людьми с заслугами, а не простыми инженерами и кандидатами наук. Но никогда и никто не уличил бы его в снобизме или следах спесивости. Коллектив его огромной лаборатории относился к нему с обожанием. Я думаю, что администратором он был никудышним, но его научный авторитет был общепризнанным в нашей

организации, и это облегчало процесс управления людьми. Как выяснилось после начала перестройки, его прекрасно знали и в стране, и за рубежом. Его книги издавались в Соединенных Штатах. Наш замдиректора по режиму объявил, что пока он жив, Марк ни в какую загранкомандировку не поедет. Знал бы этот выкормыш КГБ, что дни его всесилья сочтены. Уже в 1988 году Марк поехал в Индию, затем в Израиль и в другие страны, куда его неоднократно и безуспешно приглашали до перестройки.

В это время мы сблизились с ним. У нас были общие литературные интересы. Марк выступал в Доме Ученых с чтением своих стихотворений в прозе. Некоторые из них мне понравились. Но незадолго до этого я познакомился с шедеврами Иманта Зиедониса, собранными в книге «Епифании». У Зиедониса, профессионального писателя, всё было ярче, художественнее, что ли. Я подарил Марку эту книжку, чтобы он мог сравнить со своими стихами. Время от времени, когда мы шли вместе домой, или он подвозил меня к станции метро, он с юмором рассказывал о своем непосредственном начальнике, запойном пьянице и антисемите. С утра начальник всегда находился в состоянии похмельного синдрома и искал жертву, на которую можно было бы излить раздражение. К его глубокому сожалению, Марк в качестве жертвы совершенно не годился, поэтому в кабинет вызывался заместитель Марка, тихий и робкий трудяга-еврей, на голову которого раздраженный начальник пополам с матом обрушивал обвинения в плохом администрировании. Вылив ушат помоев на несчастного, он звал очередные жертвы из соседних лабораторий, и экзекуция повторялась. Уволить мерзавца-начальника было невозможно, поскольку он с незапамятных лет состоял в банде-команде ГД. В обеденный перерыв начальник употреблял свой стакан спирта и становился веселым и фамильярно-хамоватым. Тут он вызывал к себе Марка и, называя его Мариком, делился с ним осенившими его идеями, над которыми Марк обещал подумать и доложить спустя неделю-другую.

Однажды я спросил Марка, отчего он не уедет жить за границу, тем более, что его там знают и оценят по заслугам. «Меня здесь держит русский язык, — ответил он. — Ни на одном языке я не смогу выразить себя с той полнотой, с какой выражаю себя на русском». Происходящая на наших глазах перестройка развязала руки не только жуликам. Многие смогли реализовать свои возможности, будучи ранее связанными сотнями нелепых запретов. Выяснилось, что благополучие многих дутых фирм, вроде нашей организации, только на этих запретах и держалось. Наши кормильцы из министерства обороны перестали нас финансировать, и мы покатались под горку. Начальство забыло о своих прямых обязанностях и стало сдавать бывшие производственные площади разным банкам и другим учреждениям, которые умели делать деньги. Дирекция присваивала себе деньги за ренту и скоро они все раздулись и распоясались до самого неприличного состояния. Пользуясь закрытой пропускной системой, они стали держать наворованную собственность на территории нашей организации. Потеряв остатки стыда, они стали ездить по несколько раз в год за границу на престижные курорты. Нам в это время предоставили широкую возможность кормиться самим, где угодно, так как зарплаты едва хватало на оплату проезда на работу и домой.

Марк в это время взял кафедру в Энергетическом институте, он установил контакт с Университетом в Иерусалиме и часто бывал там. Мы с ним стали редко пересекаться, так как в поисках денег на пропитание, я стал подрабатывать в разных местах. Однажды, после долгого перерыва я встретил в вестибюле заместителя Марка и, как всегда, попросил передать привет его шефу. «Я этого, к сожалению, не смогу сделать», — ответил он мне со слезами на глазах. «Почему, что произошло?» — спросил я.

Из его рассказа я узнал, что Марк уехал в Израиль на полгода и в один из выходных дней поехал на море со знакомой из местных купаться. Море было очень беспокойным, но Марк был отменным пловцом и, конечно, не мог не пойти

в море в присутствии женщины. Море впустило его к себе, но ни за что не хотело отпускать. По словам той дамы, Марк боролся с морем более двух часов, а она боялась отойти и позвать на помощь, так как они были совершенно одни на берегу. Наконец он победил море и смог выйти на берег. Он был совершенно обессилен. У него начался спазм сердечных сосудов. Она побежала за скорой помощью, но когда машина подъехала, он был уже мертв. Как ни ужасна была весть о его кончине, я не мог не восхититься этим прекрасным представителем человеческого рода, который жил красиво и умер красиво, одержав последнюю в своей жизни победу.

* * *

Михаил Сергеевич, которого я опекал без малого десять лет, был полной противоположностью Марку. Их единственной общей чертой было то, что они оба говорили очень тихо. Но у Марка это была сдержанная сила густого баритона, очень приятного оттенка, а у Михаила Сергеевича — это был слабенький, как мышинный писк, фальцетик. Кстати, из всех знавших и общавшихся с последним только я звал его по имени и отчеству. Остальные звали его Мишей или Мишкой, несмотря на солидный, к шестидесяти годам возраст. Я же всегда избегал общаться с людьми в нашем заведении по имени и на *ты*, потому что тот, кто тебе не товарищ, но говорит «ты», завтра может сказать, не моргнув глазом: «А пошел *ты* туда-то и туда-то!». Короче, я за русскую форму вежливости: общаться на *вы* и звать по имени и отчеству, и таким способом держать неблизких людей на должной дистанции.

Михаил Сергеевич был на побегушках у своих непосредственных начальников, но считался своим, так как проработал на нашей фирме всю жизнь. Когда-то он защитил закрытую кандидатскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником. Начальником отделения у них был матерый партийный зубр, который поднаторел в драчках и схватках, которые без конца устраивал наш ГД, стравливая подчиненных, чтобы они не смогли объединиться и его свалить. Этот

зубр тоже любил науку и покровительствовал ей, но втайне уважал только практику добывания денег «законным» путем. В давние времена он вложил в проект по аккумуляторам для подводных лодок столько серебра, что обеспечил себя и своих блюдолизов на много лет вперед высокими тематическими премиями за экономию того же серебра. Каждый квартал отделение подавало заявку на уменьшение доли серебра в той или иной детали аккумулятора. Потом эта экономия умножалась на число изделий, поставляемых в оборонную промышленность, и солидный куш уже не в серебряном, но бумажно-денежном эквиваленте поступал в бухгалтерию на выплату близким к начальству сотрудникам.

Я не могу припомнить, когда Михаил Сергеевич проскользнул в мою лабораторию в первый раз, но у меня всегда было правилом не отказываться ни от какой исследовательской работы, не выяснив её шансов на успех. А я всегда любил исследования, имеющие практический выход. Потому что, как бы красиво не было то, что нарисовано на бумаге, истина, извините за банальность, проверяется практической ценностью. И вот, мы начали с ним совместную деятельность. Вначале он приходил с перерывами в месяц-другой, отом стал бывать все чаще и чаще. Когда его начальник увидел впервые мои выкладки и построенные по ним теоретические кривые, объясняющие поведение растворов внутри аккумуляторов, он сразу побежал к начальнику отделения, который дал добро на официальный контакт с моим начальством и, следовательно, со мной. К сожалению, в их планы не входила стимуляция моей лаборатории хотя бы небольшими деньгами. Но мы привыкли в нашей прекрасной стране к тому, что труд сам по себе является наградой и не роптали. Тем более, что наши публикации в журналах Академии наук давали нам полное моральное удовлетворение. В наших статьях был один единственный недостаток. Писал их я один, испытания проводил Михаил Сергеевич, растворы исследовали мы с моей сотрудницей Надей, но в числе авторов неизменно фигурировало на первых местах всё началь-

ство Михаила Сергеевича. Однажды я пошутил, что, мол, пора бы нам избавиться от вечной троицы мнимых соавторов. При этих словах лицо Михаила Сергеевича буквально окаменело от испуга. Его выпуклые глаза выпучились еще больше. Я созерцал это окаменевшее страдание в течение нескольких минут, ожидая хоть какую-нибудь реплику с его стороны, но не дождался. Процесс мучительства никогда не доставлял мне удовольствия и потому я постарался его отвлечь, он ожил, и мы, как ни в чем не бывало, продолжили наши ничуть не тяготившие меня отношения.

Однажды мне захотелось сделать ему приятное и я предложил ему превратить результаты наших исследований в докторскую диссертацию. Он был смущен и обрадован. Его большое бледное лицо порозовело. Однако он тут же вспомнил о своих начальниках, которые за исключением главного не имели вообще научных степеней, и сказал что ему нужно сперва посоветоваться в отделе. Спустя неделю он снова появился у нас и как бы между прочим сказал, что начальство согласно, если они одновременно смогут выйти на защиту кандидатских диссертаций. Наглость его начальников меня ошеломила. Я еле сдержался, чтобы не наговорить Михаилу Сергеевичу резкостей. Просто сказал, что их предложение весьма интересно, но над ним следует хорошенько подумать.

Между тем, пока мы выпытывали тайны у природы, за окнами нашего заведения прошла перестройка, в результате которой отделение Михаила Сергеевича стало хромать на все четыре лапы. ГД был вынужден новой дирекцией подать на пенсию и превратился в жалкого консультанта. Вся орава прихлебателей ГД дружно предала его, как только стало ясно, что приходит новый Диктатор. Мои сотрудники тоже разбрелись-разбежались в поисках денег насущных. Мы остались с Михаилом Сергеевичем одни-одинешеньки. У него еще тлела надежда что-то там такое слепить с моим участием, но мой мозг был занят куда более животрепещущими проблемами. Мы так и не оформили наши авторские свидетельства, хотя я часто его теребил, даже пытался тре-

бовать. Он выслушивал меня покорно, молчал, потом тяжело вздыхал и уходил к себе в отдел.

В конце концов жизнь на нищенскую зарплату в нашей фирме мне окончательно опротивела. Я подался в другое место. Там мне платили несравненно больше. Время от времени я навещал свою старую организацию, где буквально разгорелась эпидемия воровства. Лихие люди вскрывали комнаты и уносили всё мало-мальски ценное. Мои жалобы и заявления рассматривать было некому. Не успел я оглянуться, как судьба настигла и меня. Придя однажды утром в мою лабораторию, я обнаружил взломанный замок. Весь инструмент, дефицитные реактивы, рабочие халаты, микроскопы были украдены. С приборов были варварски срезаны питающие кабели и индикаторы. Я стоял среди этого разорения в глубочайшем отчаянии, когда неслышной тенью в комнату скользнул Михаил Сергеевич. «Вот и до вас добрались, — констатировал он. — Что будете делать?» — «Ничего делать я не собираюсь, — ответил я. — Просто мне больше незачем сюда приезжать. Теперь я окончательно убедился, что никому здесь не нужен. Видите, Михаил Сергеевич, чем обернулась здесь хваленая перестройка! Я тут сочинил стишок, послушайте:

*В России вновь Египетская тьма
И светопреставленье для народа.
Тем кончилась желанная свобода.
Здесь явно есть с чего сойти с ума!*

Ответом мне была его бледная улыбка. Он еще потоптался вокруг меня минут пять и ушел. Я снял пальто и стал искать, не осталось ли после грабителей хоть что-нибудь, что можно приспособить к делу. Где-то через три месяца, не менее, меня разыскала ученый секретарь бывшей моей организации и просила принять участие в докторском Ученом Совете. Я не мог ей отказать, так как мы были в прекрасных отношениях и приехал. В проходной меня встретила наша дама, занимавшаяся в дни благоденствия общественной ра-

ботой, и сразу спросила: «А вы знаете, что Михаил Сергеевич умер?» Разумеется, я не знал. «Представляете, пришел домой. Жена послала его в булочную. Он принес хлеб и лег. Сказал, что сердце побаливает. А они не обратили внимание. А через полчаса вызвали неотложку, но было уже поздно. Он скончался. Такой был хороший человек. Безобидный. Мухи не обидит. Жил тихо-тихо и так же тихо-тихо умер».

* * *

С Симоновым я столкнулся в последние годы моей работы в нашей организации. До этого мы встречались очень редко в коридоре или в кабинете нашего начальника отделения. Я человек некурящий и поэтому стоять часами на лестничной площадке с сигаретой, обсуждая все текущие новости за исключением рабочих вопросов, разумеется, я не имею права. Человек, стоящий на лестничной площадке и не курящий есть бездельник, которого нужно изгонять из рабочего коллектива. Я как-то подсчитал, что если выкуривание на площадке десяти сигарет с болтовней по десять минут на каждую сигарету, то рабочий день уменьшается более, чем на полтора часа. А ведь сигарет может быть и больше! Сам Симонов не курил. Курили тесным кружком его ребята, человек пять-шесть. Был среди них бывший фронтальной шофер Вася, мужичок пенсионного возраста, который был самым отъявленным заводилой-курильщиком и любителем рассказывать разные истории. Когда бы я ни вышел в коридор, вечно эта компания маячила на лестничной площадке.

В отличие от своих парней Симонов был трудоголик. Он приходил раньше всех, работал больше всех и уходил позже всех. Когда я впервые появился на работе, добрые люди мне его показали и сказали, чтобы я с ним был осторожен, потому что он стукач. А я боялся стукачей и всякую партийную сволочь, потому что из-за двух партийных дам, затравивших меня общественными поручениями, я был вынужден бежать с кафедры физики, а мой любимый шеф, несмотря на то, что слыл вольнодумцем и либералом, тоже очень этих дам боял-

ся. Короче говоря, если я случайно сталкивался с Симоновым в коридоре или в кабинете у начальства, я старался свести наши контакты до минимума. Он же, если не говорил о работе, то язвительно отзывался о деятельности властей предрержащих, более того, он не стеснялся крыть матом Центральный комитет нашей обожаемой Коммунистической партии во главе с её Ленинским Политбюро. Как правило, никто его не останавливал и не корил по этому поводу. В конце концов Симонов сам был коммунистом и это было его собачье дело выяснять отношения с бесчисленными секретарями разных рангов. Интересные они себе должности придумали, скажу я вам — секретари! Что такое секретарь или, скажем, секретарь-референт? Да ничто по сути дела. Это человек, работающий с бумажками и подсовывающий эти бумажку начальству на предмет подписи. Еще она может пускать или не пускать посетителя в кабинет начальника. Гнусная и плохо оплачиваемая должность. Но секретарь райкома, горкома, обкома ...далее язык не поворачивается и голова запрокидывается, когда глядишь в такую высь, — это такие величины, которые любого начальника и академика могут использовать в качестве коврика для вытирания ног.

Ну вот, опять отвлекся в сторону, прошу прощения. В промежутках между совещаниями у начальства Симонов бегал в цех, где претворялись в жизнь его аппараты для измерения скорости и давления крови в жилах пациента. Кажется, я открыл вам одну из тайн нашего заведения. Да, наряду с аккумуляторами для подводных лодок и солнечных батарей для космоса в нашей организации целые отделы сотрудничали с медиками и помогали им делать диссертации и растить научные кадры. «Зачем?» — спросите вы. Какие вы непонятливые! Всё высшее начальство, а у нас одних замдиректоров было девять штук, желало лечиться и лечить своих родственников бесплатно и эффективно у ведущих медиков страны. Раз уж я выдал вам один секрет про наше начальство, то не удержусь и выдам некоторые другие. Вот, к примеру, у нас существовала лаборатория, сотрудники которой ниче-

го не делали, кроме весенне-летне-осенних работ на дачных участках того же высшего эшелона, то есть дирекции. Слава Богу, что наше начальство было непривередливо и не разводило всякую живность вроде кроликов, овец, коз и свиней, а то пришлось бы ребятам из вышеуказанной лаборатории вкалывать еще и зимой. Еще у нас очень любили организовывать застолья за государственный счет, когда принимали высоких гостей. Для этого на пятом этаже главного корпуса функционировала столовая-ресторан, то есть в обычные, будние дни для нас работала столовая, а в дни посещения нашего предприятия высоким начальством сие место превращалось в ресторан. Разумеется, в этом ресторане всё было по высшему разряду, включая самые дефицитные в те дни деликатесы. Это сейчас вы можете махнуть рукой и в ближайшем магазине или продуктовой палатке купить все-что-душе-угодно, лишь бы деньги были.

Вот когда началась перестройка, продуктов в магазинах не стало вообще. Зато свободы стало заметно больше. Я ухитрился выехать по приглашению к моей знакомой в ГДР. Для тех, кто не знает, что это такое, поясню: ГДР — это часть Германии, которая принадлежала бывшему Советскому Союзу (ах, как приятно произносить слова «бывшему Советскому Союзу») и являлась нашей витриной — смотрите, мол, как счастливо и в каком необыкновенном достатке можно жить при социализме! Однако, как мы ни тужились, посылая немецким братьям всё лучшее, что было у нас, мирное соревнование с капитализмом мы всё равно проиграли, потому что наша витрина всё равно оставалась убогой по сравнению с достижениями Западной Германии. Но я это знал понаслышке. Однако когда я впервые попал в обычный супермаркет города Берлина, тогда еще Восточного, обилие продуктов вызвало у меня головокружение. Да, мне стало просто нехорошо. Но не от апельсинов и яблок, которые, кстати, были очень посредственного качества, а от бесконечных полок с конфетами, шоколадами и прочей сладостью, от тысячи приправ, о которых я никогда и понятия не имел,

от сотен бутылок всяких вин, за которыми никто не давился в очередях.

Впрочем, оставим это. Время всё расставило по местам, кроме начальства, которое и раньше любило воровать. Нет, не воровать! Это грубо, неэстетично. И даже не присваивать. Оно очень любило... использовать служебное положение. Вот, к примеру, на каждую избирательную кампанию разрешалось приобрести, скажем, два холодильника, сорок стульев, десять столов, пять шкафов, пятьдесят метров ткани, сто метров ковровых дорожек, двадцать настольных ламп, двадцать килограммов бумаги, всякой канцелярщины немеряно, десять графинов, сто стаканов и прочее, и прочее. Ведал этим наш замдиректора товарищ Акулов. И аппетит у него был не меньше, чем у знаменитой голубой акулы. После окончания избирательной кампании всё это добро списывалось, и товарищ Акулов лично распределял оставшееся имущество среди своих друзей из магазинов, кафе и ресторанов. Ах, какие это всё мелочи! О чем я говорю!

На моих глазах в нагрузку к дефицитному оборудованию в нашу фирму было поставлено двести рентгеновских трубок. Они неделю стояли в коридоре никому не нужные, а затем были отвезены на помойку. Кажется, их даже не распечатали. И опять-таки всё это мелочи, мелочи. Ибо главное в жизни — это здоровье. А Симонов слыл в нашей организации специалистом по здоровью. Ему ГД давал валюту на приобретение импортного оборудования. И тем не менее, что-то у Симонова не получалось, несмотря на всю кипучую деятельность. Когда я пришел на фирму, он занимался датчиками давления и скорости кровотока, когда я через двадцать лет ушел, он всё продолжал испытывать эти несчастные датчики. Дело заключалось еще и в том, что проклятые капиталисты тоже не стояли на месте. Их датчики становились всё лучше, всё дешевле, а у Симонова был наш отечественный, плохо очищенный материал и допотопная электроника, которую собирал по старинке бывший фронтовой шофер Вася. Естественно, вся эта продукция, изготовленная в наших пья-

ных цехах с использованием гидролизного спирта в качестве ускорителя, ни к черту не годилась. Но Симонов был энтузиастом своего дела, он постоянно бесплатно предоставлял свою продукцию в ведущие медицинские заведения и сам, *Сам!* проводил испытания совместно с медиками на живых людях. Почему *сам*, — тоже ясно. Созданные им приборы слушались только своего хозяина. Только он знал, какую кнопку нажать и какой винт подвинтить и сколько раз. Его ребята говорили мне, что у их шефа талант художника, что он великолепно копирует иконы. Он мне мимоходом однажды сказал, что у него целая коллекция икон и что он их собрал по деревням.

Близкие отношения с Симоновым у меня начались внезапно. Мой начальник отделения, устав ждать места замдиректора у нашего ГД, ушел из предприятия на должность замдиректора в конкурирующую фирму, прихватив человек тридцать наших сотрудников. Они решили создать на новой работе отечественный томограф. Из оставшейся у нас большей части решено было соорудить специальный отдел медицинской электротехники. Новым начальником взяли Варяга из института медицинской техники. Очень быстро выяснилось, что Варяг — человек без знаний, но с необычайными пробивными способностями, с железным здоровьем, которое позволяло ему пить со всеми нужными людьми, и гиперсексуальностью. Правление его продолжалось около шести лет и за это время он перепробовал всех мало-мальски привлекательных дам в нашем отделе, часть врачей нашей внутренней поликлиники, причем особенная честь была оказана специалисткам по рефлексотерапии, а также девочек из бухгалтерии, которые буквально обожали его. Со всеми начальствующими дамами он был на *ты*, а как известно — политика делается в дамских будуарах. Мы, начальники лабораторий, собирались в его кабинете раз в две недели. Моя лаборатория плохо вписывалась в идеологию всестороннего медицинского обхаживания начальства, большую часть времени я тратил на технические проблемы. Постоянно чув-

ствую себя белой вороной, я стал искать способы уйти от Варяга и полностью заняться физико-химическими задачами. Случай свел меня почти одновременно с Марком и одним из лучших начальников нашего предприятия, неким В.М., который вскоре стал курировать и наш отдел. Я попросту попросил у него аудиенции и пришел, прихватив разработанные мною анализаторы. Мне очень помогло, что незадолго до этого я опубликовал с его любимой сотрудницей статью в академическом журнале. Она присутствовала при нашей встрече и дала мне самую лучшую оценку.

Стараясь уйти от Варяга, я предчувствовал, что он мне этого не простит. Так оно и случилось. Когда мы все собрались «на ковре» у В.М., он сказал, что решил меня перевести в один из своих отделов, поскольку моя тематика не соответствует медицинской электротехнике. Варяг, услышав новость, обратился ко мне лично с матом, но был укрощен и затих. Но я-то знал, что в его изворотливом мозгу уже складывается план мести, да такой, чтобы и другим неповадно было. К концу того же дня мне был передан внутренний приказ разместить на своей территории часть лаборатории Симонова. Я, разумеется, ничего делать не стал, но на сердце осталась тревога. С этой тревогой я пришел на следующий день в свою лабораторию и через пять минут ко мне пожаловал Симонов. Сотворив печальное выражение лица, он сказал, что ему самому неприятно, но он действительно нуждается в расширении своей площади, что у него растёт число заказчиков, и всем нужны его приборы. Я ему ответил, что на его месте я бы не форсировал события, так как я собираюсь обжаловать приказ Варяга у В.М.

— Вам виднее, — ответствовал Симонов, но учтите, что долго ждать я не могу.

— Я еще раз советую вам не торопиться с переездом, — сказал я. — Как только я получу поддержку у В.М., я тут же выкину ваши приборы в коридор.

Однако я недооценил, насколько могущественным стал Варяг за последние годы. В.М. отреагировал вяло, сказал, что

не стоит с ним связываться, лучше немного уступить. Между тем Симонов стал появляться у меня каждое утро, приговаривая: «товарищ Трастанецкий, я к вам пришел, как черный ангел. Давайте решать наши дела, не привлекая высокое начальство». Что мне оставалось делать...

Я освободил место для двух лабораторных столов и ребята из его лаборатории вскоре притащили допотопные самописцы и водрузили их на столы. После этого они стали появляться у меня поочередно не более, чем на полчаса, включали осциллограф, смотрели в него, как баран в новые ворота, и уходили. Время от времени появлялся Симонов, склонялся над этим хламом, шептался о чем-то с мальчишками, потом распрямлялся и заявлял, что места ему выделено маловато. Не мешало бы еще подвинуться. Но тут уж я стоял насмерть. Я решил, что в крайнем случае уйду на все четыре стороны, но унижений больше терпеть не буду. Нет, все-таки что ни говорите, умение жить — это прежде всего умение терпеливо ждать. Волна перестройки смысла нашего ГД, на его место пришел один из его вассалов из Краснодара, сын начальника КГБ Краснодарского края. Варяг не пришелся по вкусу новому Диктатору, наверное потому, что последний не жаловался на здоровье. Влияние Варяга стало стремительно падать, и вскоре наступил день, когда я пришел раньше всех в свою любимую лабораторию и выкинул в коридор Симоновский хлам и грязные лабораторные столы. Они так спешили захватить жизненное пространство, что даже не удосужились вытереть грязь и пыль с бутафории, которую втащили в мою комнату.

— Ну-с, какой вы сегодня ангел? — спросил я в тот же день у Симонова, — черный или белый?

— Коричневый! — осклабился он.

Дела Варяга стали совсем плохи и он стал искать новую работу. Однажды я встретил его в коридоре, вид у него был неважнецкий. Обычно я с ним, помня его мат, не раскланивался. Но тут он сам подошел быстро ко мне и сказал, что просит у меня прощения, что мне тоже нечего делать в этом

заведении с моими талантами и надо искать место, где меня оценят по достоинству. Я мигом простил ему все обиды и мы обменялись прощальным рукопожатием.

Перестроечная лихорадка продолжалась. Я ушел в Газпромский институт и надолго потерял Симонова из виду и, столкнувшись с ним однажды у проходной моей прежней фирмы, поразился произошедшей в нем перемене. Правый глаз его вылез как у рыбы-телескопа, придавая его некрасивому бледному лицу какое-то зловещее, как у гомункула выражение. Он усмехнулся, увидев меня: «Черт возьми, неужели великий ученый Трастанецкий еще посещает наше убогое заведение!» Было в его облике что-то жалкое — потертый портфель фасона пятидесятих годов, заношенное черное пальто, грязный шарф, старый, наверное, никогда не стиранный черный беретик...Я не помню, что ответил ему. Я горел желанием как можно быстрее организовать работу в новой фирме, где мне платили вполне приличные деньги и, вроде бы, у меня что-то уже начало получаться.

Прошел еще год. У проходной я встретил парня из лаборатории Симонова. От него я узнал, что его шефу сделали операцию на глазу, но опухоль в мозгу все росла и росла и два месяца тому назад он умер, придя с работы. Он работал до последнего дня, сознавая, что дни его сочтены. После его смерти ребята разбежались кто куда в поисках денег, а Вася еще раньше ушел на пенсию. Ничего не осталось от его трудов — только бесконечные ленты цифр и кривых, которые он записывал на самодельных, кустарно сляпанных приборах, да коллекция икон, которые родня, наверное, распродала, потому что жить надо, а время наше без милосердия. Все силы общества ушли на разбрасывание камней, теперь, вроде бы, настала пора собирать их, но камни этого не хотят.

* * *

Много лет подряд я ездил в деревню в Смоленской области на грибной сезон. Благодаря знакомому моего отца мне удалось купить там избышку на курьих ножках. Прихва-

тив выходные, я мог провести там десять дней, из которых только пять шли в счет отпуска. Вернувшись после краткого отсутствия я спросил у своего заместителя, что у нас нового. «Есть одна новость, но плохая. Лев Андреевич помер. — ответил он. — А других новостей, слава Богу, пока нет».

Льва Андреевича к нам в отделение привел новый начальник Б., человек умный, язвительный и жесткий. Действительно, в лаборатории медицинской электротехники сидело человек десять, а лидера не было. А тут пришло время создавать опытный образец системы, которая проводила бы мониторинг состояния пациента круглосуточно. Тогда, скажем, во время утреннего обхода профессор с ассистентами глядели бы на вычерченные самописцами кривые и принимали правильное решение по лечению того самого пациента.

Пока новичок входил в курс дела, Б. посчитал, что некоторые вопросы технического характера может решить с конструкторами любой начальник лаборатории. Поэтому он выдернул меня, вручил материалы по этажерке-стойке, в которую должны были быть вставлены измерительные приборы, и велел разобраться с конструкцией «крейта», то есть корзины со входящими и выходящими кабелями анализаторов пульса, давления, концентрации углекислоты в выдыхаемом воздухе, температуры пациента, и содержания ионов калия и натрия в плазме его крови. Я два раза прочел иностранный материал с чертежами крейта, ничего не понял и пошел к конструкторам спросить, скоро ли они примутся за работу. Они меня вежливо заверили, что завтра или, в крайнем случае, послезавтра собираются начать чертить. Милые вы мои! Это было еще в те времена, когда целые залы были заставлены «кульманами», за которыми стояли инженеры и старшие инженеры, а иногда и ведущие инженеры, и все чертили, а потом «синили» чертежи, то есть делали копии, которые подшивали к отчетам или относили в цеха, для превращения их в металл. Ну, стойки наша фирма делать не умела, но получить их по спецзаказу было возможно. И точно, через полгода мы получили эти этажер-

ки с гнездами для нашей аппаратуры, но аппаратуры пока не было. Её всё ещё чертили.

Лев Андреевич круто взялся за работу. Гонял наших горе-электронщиков, как сидоровых коз. Орал на них, что не умеют обсчитать простые схемы, что вносят изменения и забывают их отметить на чертеже и прочее, и прочее. Моя лаборатория готовила химические датчики по калию и натрию в плазме крови, а сигнал от них должен был регистрировать и усиливать Лев Андреевич со своим коллективом. У меня работа была не такая нервная, я не орал на сотрудников, я вообще не понимал, как можно оскорбить человека, а потом общаться с ним, как ни в чем не бывало, но в общем меня чужие проблемы общения не касались.

Варяг, о котором вы уже слышали, сильно уважал Льва Андреевича за профессионализм и покорно звонил к снабженцам, и посулами и матюками выбивал необходимые комплектующие. Он же способствовал приему новых людей, соображающих в электротехнике. Работа хотя и кипела, но продвигалась слабо.

Разрядка после трудового напряжения бывает полезна. Поэтому мы всегда искали повод для того, чтобы собраться на стороне и покушать водочки. И тут выяснилось, что Лев Андреевич настоящий боец. Однажды мы собрались отпраздновать большую тематическую премию, которую мы, честно говоря, не заслужили, но начальству виднее. Оно там, наверху отчиталось, что система наблюдения за пациентом уже почти сделана, осталось кой-где пару винтиков подкрутить — и всё! А на самом деле у нас еще и конь не валялся, всё пытались скопировать импортные приборы, чтобы вставить в ту этажерку, о которой я говорил. Кстати, то покупное изделие называлось очень романтично — «Черешня». А черешню мы видели раз в год и то случайно, наверное, потому, что очень её любили жены и любовницы начальства. А на всех у нас никогда не хватало. Хлеб пока был — и слава Богу. Главное ведь что — чтоб не было войны! Правильно?

Ну, короче говоря, мы собрались в общежитии у Гены В. и за холостяцким столом разложили нехитрую закуску к разведенному по моему рецепту хорошему медицинскому спирту. Этот спирт полагался пьющему начальству, а работники и мелкие цеховые начальники пили гидролизный. Мы тогда накушались до бровей. Я шел к метро и внушал себе: «Соберись! Соберись! Не то не пройдешь турникет!». На следующее утро я постарался прийти в себя поскорее и натошак приехал на работу, как всегда, на полчаса раньше всех. Наши электронщики во главе со Львом Андреевичем вышли аж к одиннадцати. Оказывается, что после того, как прикончили спирт, захотелось добавить. Это уж совершенно русская привычка; побежали в магазин и купили четыре поллитры. Спали у Гены кто на чем, оттого и вид был у всех, словно их из собачьих зубов выдернули. Больше я в их пьяных собраниях не участвовал, потому что опасался попасть на щит возле проходной с моей фотографией и кратким жизнеописанием.

Пока мы возились с нашей системой наблюдения и управления, ко мне в лабораторию пожаловал молодой гость из Ашхабадского отделения нашей фирмы. Очень симпатичный, в белой рубашке с галстуком и с совершенно бандитской хитрой рожей. По фамилии Мамедов. Начальник отдела в нашем Ашхабадском филиале. Его, видите ли, интересовало, можем ли мы контролировать процесс опреснения засоленных природных и промышленных вод. — Что за вопрос? Конечно можем! К этому времени я успел уговорить Льва Андреевича, чтобы он сделал нам работающий макет анализатора ионов в воде. Электроды у нас были, хотя и покупные, мой заместитель и коллега В. безуспешно возился с соседней дружественной лабораторией, чтобы превратить электроды в микроэлектроды, чтобы использовать минимум крови для анализа. Ашхабадский филиал протягивал нам руку помощи для отработки методики измерений. Первым поехал в Ашхабад наш начальник отделения. Дело было в октябре и город встретил его сухим и ароматным воздухом, горной цепью

вдалеке, медовыми дынями и разными овощами задешево. Он вернулся просветленный и на сидении в его кабинете сказал задумчиво, что туда надо ездить и налаживать контакты. Так что Мамедов приехал фактически по приглашению нашего начальника. Мы пообещали помочь Ашхабаду, но предупредили, что они должны нас встретить и ознакомиться с проблемой в деталях. Мамедов, радушно улыбаясь, заверил, что всё будет сделано. Я с В. пошел ко Льву Андреевичу и убедил его, что можно улучшить качество работы, если вместо всей системы сразу быстро разработать только электронный блок для измерения ионов в плазме крови, а потом вставить этот блок в стойку «Черешня». Работа закипела, а моя лаборатория принимала все меры, чтобы электронщики не вздумали на ходу внедрять свои разрушительные идеи по «улучшению» еще не готового изделия.

В мае, когда в Ашхабаде поспевает ранняя капуста, мы с В. и Львом Андреевичем решили поехать в командировку и показать аборигенам наш свеженький анализатор в работе. Сигнал мы регистрировали на типовом цифровом вольтметре. Это пятикилограммовое чудовище в форме параллелепипеда нам предстояло тащить на себе, да еще надо было предъявлять справку, что он не представляет опасности для экипажа и пассажиров самолета. Всем известно, что рядовой сотрудник должен сам оформлять свою командировку, покупать билеты в оба конца и заказывать гостиницу. Муки начались с кошмарных очередей желающих улететь в Ашхабад хоть любым рейсом. Я три ночи пытался поймать сданный кем-нибудь билет, но напрасно. Тогда я плюнул и решил, что двоих в Ашхабаде вполне достаточно. В. был удачливее меня и на следующую ночь купил два билета, и они улетели. Неделю от них не было никаких вестей. Наконец В. появился в лаборатории со скорбными известиями. Оказывается, их никто не встретил, никакого пристанища на ночь им не предоставили. Все гостиницы были забиты под завязку. Их водили по частным квартирам, где они ночевали, предварительно распив с хозяевами водку. Почему-то все туркмены были

уверены, что русские пьют только её проклятую. В туркменском отделении царил бардак. Никто не знал, куда уехало начальство и когда вернется, Никто не мог толком объяснить, в чем технические трудности опреснения воды. В жалком помещении, занятом канцелярскими столами, на двух столах стояла разобранная камера опреснителя с мокнувшими в цинковом ведре ионообменными мембранами. Сколько они там мокнут, никто не помнил...

Через неделю бестолковых посещений филиала наши поняли, что больше им делать там нечего. Выбраться из Ашхабада было столь же трудно, как и прилететь туда. В. добыл только один билет на самолет. Льву Андреевичу выпало ехать трое суток поездом. Но он ведь был боец! Он купил три поллитра местной водки и сел в вагон, который больше был похож на русскую баню по-черному на колесах. По приезде на Казанский вокзал, Лев Андреевич взял две тяжелых сумки с южными овощами и зеленью, черешней и даже ранней капустой, в правой руке он еще нес свой дорожный чемодан. Сделав полсотни шагов, он почувствовал жжение в груди, которое всё нарастало, и в дверях вокзала он рухнул, потеряв сознание. Хорошо, что скорая помощь примчалась через десять минут. Он провалялся целый месяц после тяжелого инфаркта, а потом еще месяц он провел в санатории.

Лаборатория за время его отсутствия совершенно распустилась. Ни одно из конструкторских решений не было доведено до конца. За второй квартал Варягу удалось кое-как отчитаться, тут помогла наша разработка. Несмотря на отсутствие поддержки, нам удалось пробить на нашем опытном заводе выпуск одного образца прибора, в котором мы заменили дурацкий цифровой вольтметр на миниатюрный стрелочный приборчик. При измерениях стрелка немного дрожала, но свойство человеческого глаза усреднять разброс, позволяло считать сигнал в милливольтгах от концентрации ионов в растворе. Точки хорошо ложились на прямую линию графика в широком интервале концентраций. Наш успех позволил мне выпросить у Варяга одного электронщика и од-

ного техника-механика. Последний был мастером на все руки, мог и простенькую схему спаять при случае. Не зря его наградили медалью «За трудовое отличие». Мы с ним отлично ладили. Он рассказал мне, что его вызвали в отдел кадров два года назад, попросили расписаться в ведомости и вручили эту медаль. Даже руку не протянули. Правду говоря, он сам не мог понять, отчего вдруг его отметили. Думается, что на фирму пришла разнарядка из горкома — выбрать рабочих, беспартийных, такого-то возраста... и так далее по их сучьему счету.

Но вернемся ко Льву Андреевичу. Вернулся он похудевший, помолодевший, но очень нервный. Первым делом он дал нагоняй всей своей братии, потом наговорил неприятных вещей Варягу на совместном сидении и сказал, чтобы больше его от дел на дурацкие совещания не вызывали. Всё должно решаться в рабочем порядке. Я сказал ему, что сделанный нашими общими усилиями анализатор уже изготовлен, прошел лабораторные испытания и что я уже накатал статью о новом и прогрессивном направлении в советском приборостроении и усладил её в академический журнал. Авторами там он, его подопечный Гриша, да я с моим заместителем. Ну, его подпись на акте экспертизы пришлось подделать, но это неважно... Он кивнул и вернулся к своим рабочим проблемам.

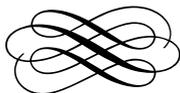
Прошло недели две, и я попросил своего техника выточить на станке держатель электродов. Тот мне ответил, что сделать никак невозможно, потому что со станка украден масляный насос. Сделал это нехорошее дело Гриша, хотя за руку его никто не поймал. Однако все знают, что он страшный куркуль и крадет всё что может, чтобы приспособить дома к делу. А живет он в своем доме с участком, выращивает свиней, ездит на мотоцикле с коляской и в коляске возит всё, что удастся стибрить. На мой вопрос, откуда это стало известно, механик сказал, что Гриша сам по пьянке хвастался своим хозяйством. Я налил поллитра спирта в бутылку и попросил механика пойти на завод и попросить продать масляный

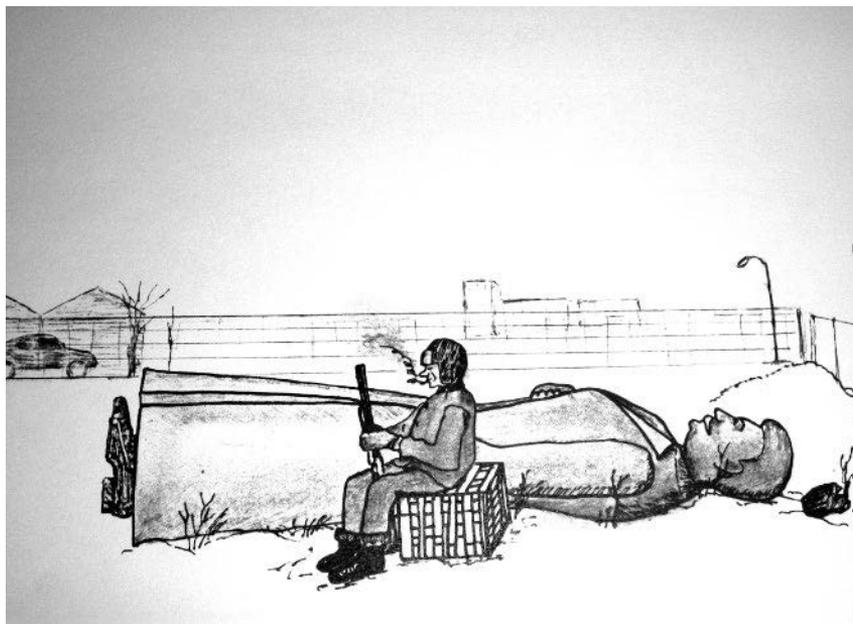
насос с какого-нибудь списанного станка. Заодно я распорядился поменять дверной замок в мех-мастерской и настроил служебную для всех лабораторий отдела, что отныне все посещения мастерской согласуются со мной. Варяга я не стал извещать, потому что я терпеть не могу жаловаться. Надя, моя сотрудница, разнесла мою служебную и, вернувшись, сказала, что Лев Андреевич, только взглянув на мою бумагу, был совершенно взбешен, начал орать на неё, назвал всех нас дармоедами, которых он обязан почему-то кормить, хотя наше место на улице. В конце дня я с ним столкнулся в коридоре. Он сверкнул глазами и сказал что-то грубое, а когда я позвал его по имени-отчеству, проскулил «Да пошел ты!». Тут уж я не мог стерпеть и сказал: «Лев Андреевич, помните пословицу — скажи мне, кто твой друг, а я скажу, кто есть ты? Тут он повернулся ко мне и сказал с ненавистью: «А вы, Олег Антонович, не интеллигент!!» Будь на моем месте Симонов, его бы он послал на три буквы лишь с той разницей, что на следующий день они снова общались бы как ни в чем не бывало. Это очень хорошо, что я с самого начала установил дистанцию со всеми начальниками в отделе. Хотя, строго говоря, я действительно не интеллигент в Чеховском смысле слова, потому что своих младших коллег я называю только по имени, а механику говорю *ты*. Ох уж эти тонкости русского языка!

Время шло, работа по созданию системы продолжалась, наша часть была готова в принципе, теперь дело было за конструкторами, чтобы засунуть наш электронный блок в стойку «Черешня». Я потом думал, что надо было бы мне с самого начала подойти ко Льву Андреевичу и откровенно сказать ему, что его Гриша — вор и поэтому нам надо вместе начать его воспитывать. Хотя, с другой стороны, нас всех непрерывно воспитывали в партийной прессе, и само слово *воспитание* уже вызывало ненависть. Народ сочинил по этому поводу контр-поговорку: «Тащи с завода каждый гвоздь — ты здесь хозяин, а не гость!»

Когда я узнал о смерти Льва Андреевича, мне стало очень грустно. Однажды, когда мы еще выпивали за одним столом, он сказал мне, что прошел хорошую школу у одного старого специалиста, который преподавал ему секреты, как из плохого, нестабильного электрического тока сделать хороший по всем параметрам. При этом его лицо на миг излучило мягкость и приветливость, словно солнце выглянуло из-за суровых холодных туч.

Вот и остался я одним-единственным из выживших начальников лабораторий. Плыву по реке времени и предаюсь воспоминаниям о тех, кто потерялся почти на середине пути. Однажды возле ближайшего к моему дому универсама наткнулся на Варяга. Он стоял в длинной очереди за водкой, которую отпускали по талонам. Вид у него был совершенно ничтожный. Я кивнул ему и прошел мимо.

А. Толчинский. *Мёртвый и живой*

ВETERAN

Кашин прислонился к стене сарая, докуривая чинарик сигареты «Прима», который держал закопченными пальцами, не чувствуя жара приближающегося к коже огонька. Эта привычка сохранилась еще с далекой войны, когда каждая затяжка давала секунду наслаждения. Вот, черт, хватанул мешок с кормом для кроликов, хотел всё разом захватить, и потянул поясницу. Теперь будет ныть до вечера, пока Лида не натрет вьетнамской «звездочкой». А как же! Бывшему старлею и мазь должна выдаваться со звездой. Звезда, она всегда есть знак качества. Подобие улыбки скользнуло по его лицу.

Вот уж двадцать пять лет, как кончилась война, но она сидит в нем и терзает изнутри, и заполняет его сны. Неужели так и будет до окончания жизни? Лида в первые годы после возвращения всё говорила ему: «Что же ты, Ваня, так мрачно глядишь на всё кругом. Неужто сама жизнь тебя не радует? Смотри — дочка у нас растет, окончит школу, дадим ей возможность получить высшее образование, уедет в большой город, а мы будем к ней в гости наезжать, на внуков радоваться...»

Правду говоря, внешность Кашина не располагала к разговорам. До черноты загоревшее лицо с темными точками сурово глядящих из глубины глаз. Сомкнутые губы, недельная седая щетина, низко надвинутая кепка. И весь какой-то, словно обугленный адского жара пламенем. Биография? Какая уж там биография? Воевал. Четыре раза был ранен, один раз очень тяжело, в живот. Еле выжил. Хотели комиссовать, но он отказался наотрез. Что ему было делать на гражданке

без специальности... Тогда направили его на курсы младших лейтенантов, а оттуда на фронт, где он принял пулеметный взвод и прошел с ним по дорогам войны до Вены.

* * *

Рожденный в деревне Марьино Курской области, он с младенчества впитал горькую истину, что крестьянская жизнь есть штука трудная и неинтересная, что чувство голода и холода неотделимы от неё, что царь далеко, а Бог высоко и рассчитывать можно только на себя, иначе не выживешь. Воинский труд мало отличался для Кашина от крестьянского, но имел то неоспоримое преимущество, что если выживешь и не попадешь в плен, то худо-бедно тебя покормят горячей едой с мясом, оденут в солдатское или офицерское сукно и сапоги, дадут табаку и газету, чтобы читать приказы, вертеть самокрутки и вытирать задницу, а перед боем и после могут выдать боевые сто грамм.

Война для него не кончилась в сорок пятом. Кому-то из сталинского руководства, ввиду крайней нехватки вагонов и грузовых машин, пришлось в голову выводить войска победителей пешком. Шли ведь когда-то из Парижа и ничего — дошли. Кашину выпала работа обеспечить вывод четырех батальонов пехоты согласно утвержденному командованием маршруту. Легко сказать, а сделать трудно. Он очень любил этих людей-пехотинцев, представлял, как соскучились их семьи, счастливые от сознания, что мужики чудом остались живы, и вот-вот они увидятся, и старался предусмотреть все мелочи. Он дотошно проверял исправность сапог и комплекты портянок, всё должно было быть уложено плотно и разумно, чтобы нигде не давило спину и столь необходимые ложки, миски и кружки были на самом верху, фляжки наполнены, скатки шинелей свернуты с максимальной плотностью. Жалкие солдатские трофеи тоже тщательно завертывались и клались на дно вещмешков. Не мог солдат вернуться из похода без гостинцев для жены и детишек.

Ему ли было не знать, что такое дальний пеший поход. Сначала пол-России на восток, а потом пол-России и еще пол-Европы на запад. Думал ли он, что эти люди заслужили, чтобы их везли по железной дороге? Думал, конечно. Знал он и то, что со времен царя Гороха русская колея шире европейской, и уйма времени тратится, чтобы переменить тележки под вагонами, а техника вся разбита и её восстанавливать и восстанавливать. Ну и разумеется, что начальству виднее.

Двинулись с места сбора возле Плоешти и вскоре выяснилось, что не учли страшной летней жары. Батальоны шли строем, стараясь выдерживать график передвижения, но уже в середине второго дня несколько человек потеряли сознание от солнечного перегрева. С каждым днем количество пострадавших росло. Были и смертные случаи. Бывало, что солдат дорывался до воды и выпивал сходу больше, чем полведра и, как следствие, в его организме происходил гемолиз — лопались эритроциты и он умирал прямо на глазах у товарищей. «Как наши горе-командиры не допёрли, что идти надо вечером и ночью», — Кашин только молча скрипел зубами от ярости.

До границы СССР батальоны дошли, потеряв пять процентов личного состава. Днем Кашин вел бесконечные разговоры с НКВД-шниками, которые норовили повесить на него ответственность за погибших — раз есть преступление, значит кто-то виновный должен быть наказан — а ночами горевал, плакал, пил четвертинку чтобы уснуть и не сойти с ума. В одну из таких ночей написал сестре в поселок Дальнее, что в Омской области. Писал он, что вот, война для всех кругом кончилась, а ему теперь и жить не хочется. Вешают на него чужие грехи и могут даже пристрелить. А ведь он столько людей спас, провожал их по траншеям, запрещал ходить в одиночку. Были у немцев свои охотники за *языками* — выдергивали за поясной ремень наружу из траншеи и волокли к себе в штаб на допросы, потом, конечно, приканчивали. Один такой спасенный

недавно разыскал Кашина, принес две поллитровки, закуску. Когда выпили, стал он плакать-причитать, как, мол, дорогой старлей, ты меня тогда спас, не пустил одного, взял автомат и пошел провожать. Словно предвидел, что впереди засада.

Ответ от сестры пришел через три недели. К тому времени от него отцепились, потому что был он не трус, никаких бумаг не подписывал и побоев не боялся. В его характеристике значилось столько подвигов и боевых наград, что на целую роту хватило бы. Один только орден Александра Невского чего стоил. Сколько он тогда спас солдат в последних сражениях в Австрии, благодаря умелым и решительным действиям пулеметного взвода!

Сестра писала, что ему одному с послевоенной жизнью не совладать — или сопьется, или совершит что-нибудь противозаконное и сядет за решетку. Вот, есть у неё на примете хорошая девушка. Образованная. Работает агрономом в совхозе «Красный партизан». Не белоручка. Говорят, правда, что отца её еще до войны забрали, а семью выслали в Сибирь. Ну, это ему решать. Если не боится, пусть пошлет ей письмо. Зовут её Лида.

Он думал недолго. Написал корявыми, почти печатными буквами короткое письмо, что живет один, занят гарнизонной службой, имеет комнату и радиоточку. Друзей нет, а подруг днем с огнем здесь не сыщешь. Хочется женской дружбы и любви, а то вроде бы и жить незачем. Послал в письме своё фото в парадном мундире: орден Александра Невского, два ордена Красной Звезды, двенадцать медалей! Про свои ранения умолчал — зачем девушку пугать. Мучил его осколок, застрявший в ноге. То вроде бы засыпал, не дергал ногу, то вдруг от невольного движения мускулов просыпался и причинял сильную боль, особенно по ночам. Кашин вставал, матерился негромко, садился за канцелярский стол, закуривал, вспоминал детство. Курение его успокаивало. Он снова ложился, стараясь урвать еще пару часов до подъема.

Ответ от Лиды пришел в конце второй недели. На доменной карточке весело глядела девчонка лет восемнадцати с широким белым лицом. Тревоги и заботы еще не успели подарить ей сеть морщин, с которыми городские женщины безуспешно борются до глубокой старости. «По внешности подходит, — подумал он, — вроде бы, добрая. Надо жениться, а то после казармы не с кем и словом перемолвиться». Решил — и тут же сел за стол и с военной решимостью предложил руку и сердце, а в случае её согласия он, мол, оплатит путевые расходы и всё прочее. Деньги у него есть, еды хватает, пусть ни о чем не беспокоится. Если нужны справки, чтобы отпустили с работы, он всё пришлет... Подумал и приписал еще, что место его службы недалеко от Москвы, так что за день можно успеть доехать до столицы и вернуться.

Кашин плохо представлял себе семейную жизнь. Разговоры на фривольные темы он терпеть не мог. Превыше всего он ставил в личной жизни чистоту и порядок и того же требовал с подчиненных. Можно сказать, что он был, как сейчас говорят, — перфекционистом. Он придерживался нескольких простых жизненных правил, вроде *«солдата, как волка, ноги кормят»*, и мог дать два наряда вне очереди за небрежно свернутую портянку. Видя разгильдяйство, неряшество, он вспыхивал, как спичка и начинал орать, не выбирая выражений, но был отходчив. К начальству относился, как к необходимому злу, и не вступал в дискуссии по поводу распоряжений свыше.

В день приезда Лиды он выпросил у начальства газик и вот, он стоял у девятого вагона и ждал появления своей невесты по переписке, и она появилась в платье из ситчика, усеянного васильками с усталой улыбкой широкого, доброго лица, а он шагнул вперед, подхватил фанерный чемодан и большую корзину, покрытую серым деревенским платком, поставил их на асфальт перрона и протянул руку: «Иван». Она звонко засмеялась в ответ: «Почему так официально? А я — Лида, ваша невеста. Если понравлюсь, стану

вашей женой». Увидев военный газик и шофера, она ахнула от удивления и восторга. Ей думалось, что придется еще полдня добираться до военного городка на общественном транспорте.

Гарнизон стоял в окрестностях Солнечногорска. Гор там никаких не было, а лето выдалось действительно солнечно-жарким, воды не хватало, местные говорили, что видов на урожай никаких. В сельских магазинах с ночи устраивались очереди, так как хлеба на всех желающих не хватало, карточки не отоваривались. Впрочем, у армейских снабженцев голова не болела. Солдат кормили, а офицеры получали дополнительно спецпайки.

«Ты вот что, — обратился Кашин к будущей жене, — располагайся тут, отдыхай с дороги, вот здесь в тумбочке продукты, вода и уборная в конце коридора, вот электроплитка, есть у меня большой ковш, кастрюлька и чайник. В шкафу есть место для твоих вещей, располагайся. И кончай мне *выкать*, не то в жены не возьму». — Он усмехнулся уголком рта. — «Ночуй спокойно, а я пойду спать в казарму. Потом у меня дежурство полные сутки, так что увидимся послезавтра утром. Не скучай, вон там в углу у меня две книжки. Слушай радио или читай. Вот ключ от нашей комнаты. Никого не бойся, выйди погулять, если захочешь... Ну, пока». — Он подошел к ней и неловко обнял за плечи.

Утро в гарнизоне начинается рано, комсостав должен быть умыт, чисто выбрит и одет в чистую гимнастерку с подшитым свежим белым подворотничком за полчаса до пробудки рядовых строго в шесть утра. Кашин сдал дежурство и в четверть седьмого тихонько постучал в дверь. Лида уже встала и приготовила манную кашу на сгущенке и заварила чай. — Вкусно, — похвалил он. — Ешь на здоровье. Как прошло дежурство? — Нормально, — он закурил и пошел к окошку, чтобы не травить невесту. — Скажу, Лида тебе сразу: я — человек мало пьющий, но сильно курящий, без табака не могу. Вот такой у меня недостаток... Привыкай, если не страшно.

Лида грустно улыбнулась: «У меня, Ваня, недостаток куда опаснее и признаться в нем мне надо прямо сейчас, а тебе решать, стоит ли со мной связывать свою жизнь... Мой отец был очень храбрым и образованным человеком. В первую мировую войну служил во французском Иностранном легионе. Много раз был на волосок от смерти. После окончания войны вернулся в Россию, вступил в партию, был послан в город Озеры, это не так далеко от Москвы,.. был, значит, послан туда директором ткацкой фабрики. Там он быстренько нанял рабочих, и они выстроили хороший деревянный дом, потом он выписал маму, и мы с братом родились и жили в этом доме. Отец был деловой мужик, фабрика заработала не хуже, чем до войны. Его хвалили даже в Москве. Потом сам Троцкий приехал в нашу губернию и на память всё руководство с ним сфотографировалось. Отец ставил его очень высоко, считал великим революционером. Отсюда и начались все наши несчастья. Отца обвинили в троцкизме и арестовали в тридцать шестом году. Потом быстро так расстреляли, но он успел из тюрьмы послать маме записку, чтобы она с ним срочно развелась, иначе конфискуют дом, её посадят в тюрьму на 10 лет, а детей отдадут в приют. Мама так и сделала, жили, как мыши, ночью света не зажигали, боялись каждого стука в дверь. А жить и работать надо было, без еды не проживешь. Мама умерла от рака перед войной, брат ушел добровольцем на фронт и пропал без вести, а я уехала в эвакуацию в Омскую область, в войну кончила техникум и стала агрономом. Познакомилась с твоей сестрой, а через неё и с тобой. Вот такая моя история... Я дочь троцкиста...».

— Сталин сказал, что сын за отца не отвечает. Ты мне приглянулась, а я своих решений не меняю. Сегодня же едем расписываться. Согласна?— Лида кивнула.— Тогда одевайся понаряднее, я парадный мундир надену и поедем в город. Паспорт не забудь.

В отделе ЗАГСа, маленькой комнате на первом этаже здания горсовета, пожилая женщина с неприветливым лицом

человека, которого разбудили по пустячному делу, сказала, что без свидетелей она зарегистрировать брак не будет. Кашин в секунду вскипел, выскочил из комнаты и приволок шофера — вот тебе свидетель! Второй свидетель? — Встань, оторви зад от стула, позови кого-нибудь из своих подружек, которые здесь штаны протирают без дела. Быстро, не то я разнесу здесь вашу берлогу, тыловые крысы, мать вашу так и разэтак! Ну!!

Что-то было в его горящих гневом глазах такое, что женщина выкатилась беззвучно за дверь и через минуту привела бухгалтершу. На оформление брака ушло минут пятнадцать, пока в журнале появились соответствующие записи, нацарапанные фиолетовыми чернилами, расписались свидетели и новобрачные. Не говоря более ни слова и не прощаясь, Кашин взял документы, обнял жену за плечи, и так они и вышли вслед за шофером. В тот же день в их комнату солдаты принесли еще одну кровать на пружинах, местный умелец соединил их в одно брачное ложе, проложив и укрепив между ними подходящую доску. Матрацы принесли из медсанчасти, из каптерки принесли новое одеяло и две простыни. Началась семейная жизнь.

* * *

Кашин даже представить себе не мог, какая диковинная птица залетит к нему из Омской области. Оказалось, что Лида может говорить и читать по-французски, играет на пианино и на гитаре и даже по нотам, знает чертову пропасть песен и романсов и хорошо поет. Он первое время даже стеснялся появляться с ней в клубе, настолько спокойно и непринужденно она себя вела. Подходила к пианино, играла вальс или польку, качала головой, что некому настроить инструмент. Играла и подпевала сама себе. Вокруг неё сразу образовывался офицерский кружок. Она охотно поддерживала шутки, избегала двусмысленностей, а в случае сомнительных острот или намеков просто вставала, брала Кашина под руку и просила увести её домой.

Свободных рабочих мест для женщин в гарнизоне не было. Лида очень переживала, что стала нахлебницей, но муж сказал ей просто и строго: «Успокойся и веди наше хозяйство. Жизнь покажет, как нам быть дальше».

В отпуск они навестили отцовский дом в Озерах. Дом стоял заколоченный, одряхлел, но никаких следов вторжения или поджога не было. Пошли в горсовет, предъявили свои права на собственность. Секретарша глянула на геройские ордена, потом на сумрачное, темное лицо Кашина и постаралась побыстрее оформить документы. С этими вояками лучше не связываться.

Кашин внимательно изучил состояние строения, конструкция погреба его просто потрясла. В своей короткой жизни он подобное видел только в Австрии: погреб делал отец Лиды, полукругом с куполом, кирпичи в распор, скорее всего идею привез из Франции... За короткое время отпуска Кашин, купил бревна в ближайшем лесхозе и в одиночку обтесал их и вырубил в замок. Слава богу, хоть распилили их по нужному размеру. Потом договорился с краповщиком, вывесил тяжеленный дом и подвел три нижних венца. На большее не хватило времени. Успел расплатиться до денежной реформы сорок седьмого года и это было хорошо, потому что хотя хранил деньги в сберкассе, всё равно потерял много. Из расчета один к одному меняли только десять тысяч рублей, а всё что было выше обменивали по курсу один к десяти.

Военная служба, как вы представляете, такова, что в любой момент вы можете получить назначение из благополучного гарнизона, где вы служите, в какой-нибудь Урюпинск, где совершенно кошмарные бытовые условия, нет даже нормальной питьевой воды. Кашину было не привыкать, и не такое видывал в свои неполные тридцать лет. А Лиде последнее назначение казалось прямо ссылкой в ад. Тут еще мужа стал беспокоить осколок, который застрял в ноге еще в сорок третьем, да и другие раны начали болеть. Лида начала писать командованию, что муж её нуждается

в длительном лечении, что никаких условий для этого нет и поэтому она просит срочно перевести мужа в Москву, хотя бы временно. Быстро сказка сказывается, да долго дело делается. Осколок начал своё разрушительное путешествие в правой ноге. Кашин перепробовал все доступные лекарства и народные средства — ничего не помогало. Боль сводила его с ума. Хирурги советовали отнять ногу выше колена.

В самом отчаянном положении бывает, что вдруг блеснет лучик надежды. Кто-то из знакомых офицеров посоветовал обратиться хирургу Вадиму Колбину, известному специалисту в военно-полевой хирургии. Послали письмо и вскоре получили ответ — приглашение на консультацию. Испросили разрешение у командира части и поехали в Москву. Сняли угол на маленькой улочке на Таганке и на следующий день пошли к врачу. Колбин послал на рентген, долго сопел, рассматривая снимок и решил — делаем операцию завтра. Сегодня будем готовить больного. «Не скрою, риск есть, — добавил он, — но надеюсь на твой геройский характер. Выдюжишь?» — Кашин молча кивнул.

Два с лишним часа Лида добиралась до своего угла, меняя трамвай, совсем обессилела, а была она тяжелая — уж шестой месяц. Самым ранним утром она вновь поехала в госпиталь — сидеть и ждать результатов операции. Наконец, часам к двум пополудни Колбин появился в коридоре. Увидел Лиду и сам подошел. «Докладываю, — сказал он с усталой улыбкой, — операция прошла успешно. Теперь ваш муж еще под наркозом, а вы поезжайте домой и приготовьте ему лучше всего куриный бульон покрепче, и приезжайте завтра к десяти утра, у меня как раз будет обход и я позволю вам пройти в палату и покормить его. У нас казенная еда, которая годится только для поддержания штанов».

Лида отправилась в обратный путь через Тишинский рынок, купила курицу, соль, лук, морковь, вермишель и дома сразу приступила к делу. Откуда только силы взялись! Кашин поправлялся медленно. Лида, как говорится,

наездилась досыта. Колбин сочувствовал ветерану, прописал систему упражнений, чтобы восстановить ногу, всякие процедуры... Предложил направить на долечивание в санаторий, но Кашин отказался, не хотел оставлять Лиду одну. Тогда по её просьбе (в тайне от мужа) он сочинил бумагу типа ходатайства, чтобы герою войны дали возможность продолжить службу в Москве, чтобы он мог постоянно наблюдаться у лечащего врача. Как это ни покажется странным, но эта бумага сработала. Кашина вызвали для получения предписания явиться после реабилитации в Краснопресненский военкомат для постановки на учет и предоставления нового места работы в Н-ской воинской части. Радости Лиды не было границ.

Между тем приближался срок рожать. Подумали и решили, что лучше отчего дома места не сыскать. Не возвращаться же с грудным ребенком в угол, отделенный занавеской от старухи-хозяйки... Поехали в Озеры.

Для Кашина вся житейская мудрость заключалась в поговорке «труд кормит, а лень портит». Поэтому едва приехали, он начал столярничать. Сделал стол, табуретки, полку для посуды, перебрал и укрепил кровать. Делал всё это во дворе, под косыми и далеко не дружескими взглядами соседей. Те же, видя что работающий человек тихо возится со своими деревяшками, обнаглели и начали обзываться «ё...троцкистами» и кидать во двор всякий мусор. Сидели на заборе и громко комментировали действия Кашина. В один погожий день, когда соседей набралось необычно много, Кашин, не выпуская топора из рук, медленно подошел к сидящему плотному мужику, молча переложил топор из правой руки в левую и правой молниеносно схватил его за кадык и сжал, как клещами. Мужик в секунду потерял голос и свалился, как куль на землю. Другому мужику Кашин дал обухом топора по коленке так, что тот заорал на весь городок и поспешил хромя прочь. Баба валявшегося на земле мужика начала вопить «Убили! Убили!». Кашин схватил её за конец платка, подтащил к себе и, сверкнув

волчьим взглядом, тихо сказал: «Не убил, но убью! Всех вас поубиваю, сволочи! Так и передай своим подружкам! Еще раз здесь появитесь, или с милицией придете — точно поубиваю всех! Поняла? Пошла к е... матери!» Он крутанул бабу и поддал ей ногой под зад. Баба рухнула и на четвереньках, как свинья, побежала к своей избе. Остальные, видя печальный исход битвы, быстро разбежались в разные стороны.

Зайдя в дом, Кашин взял денег и пошел на почту дать сестре телеграмму, чтобы та договорилась с начальством и приехала хотя бы на полтора месяца в Озеры помочь Лиде с будущим ребенком. Его лечебный отпуск заканчивался через две недели, и он опасался оставлять Лиду с младенцем одну. На этот раз всё удачно совпало: мебель он починить успел, спальные места оборудовал, сестра обещалась приехать за день до его отъезда в Московский гарнизон. Оставалось только ждать и надеяться на лучшее. В день отъезда Кашин в парадном мундире при всех наградах не спеша прогулялся с женой и сестрой по всем близлежащим улицам (чтобы все кругом видели и боялись тронуть семью героя).

К тому времени, когда Лида родила дочку, он уже принял командование в должности заместителя роты, получил комнату в офицерском общежитии, оборудовал всё, что было нужно для семейной жизни, по его понятиям, и стал дожидаться дорогих гостей. И вот, семья прибыла, он проводил сестру на вокзал, подарил ей денег и шелковый платок и отправился в часть служить Родине. Время наступило беспокойное, разгорелась синим пламенем холодная война, наши успели создать свою атомную бомбу, газеты пугали население возможной ядерной войной, ругали проклятых капиталистов — поджигателей новой войны, рассказывали о том, как они скрывают от справедливого суда бывших нацистов и пристраивают на работу немецких военных специалистов, а тут еще возникли безродные космополиты, которым наплевать на нашу многострадальную

страну, которая с таким трудом залечивает раны войны. Но наш народ-богатырь всё вынесет и продолжит успешное построение социализма и коммунизма. Теперь наш Советский Союз не одинок, теперь мы вместе со странами народной демократии образовали могучий, непобедимый блок стран социалистического лагеря от Балтики до Черного моря...

Кашин регулярно читал газету «Правда», возмущался и скрипел зубами вместе со всеми простыми советскими людьми. Он знал одно дело своей жизни — воевать или готовиться к войне. Воевать он умел. Он, практически не имея никакого образования, учил будущих бойцов всем навыкам войны с применением стрелкового оружия от пистолета до станкового или ручного пулемета, он учил их зарываться в землю, строить землянки и рыть траншеи, укрываться от артиллерийского обстрела, бомбежек или танковых атак и самим ходить в атаку. Послевоенное время было беспокойным. Едва окончилась большая война, как появились очаги локальных войн, которые начали стремительно разрастаться. Теперь сферы интересов столкнулись в Азии. Революция в Китае победила. Огромная страна с огромным населением стала частью коммунистического блока. За нею последовала Корея. Во Вьетнаме французские войска терпели одно поражение за другим. Советские газеты ликовали: «Горит земля под ногами колонизаторов», «Пробил час расплаты для мирового империализма». Советские люди, и Кашин в том числе, свято верили газетной эйфории. Выходило, что кошмарные человеческие и материальные жертвы второй мировой войны оказались не напрасными; вот за что прогрессивное человечество во главе с советским народом боролось столько лет!

А в это время дочка росла, начала лепетать, ходить по комнате. Лида готовила еду на коммунальной кухне, стояла в бесконечных очередях за самым необходимым, ходила в библиотеку, брала что-нибудь из классической прозы на случай, если удастся урвать полчаса, пока ребенок

спит, а обед уже готов. Кашин читал только художественные книги о войне и воспоминания участников войны. Наконец, сняли большую комнату на Интернациональной улице и встали в очередь на жильё. Жизнь, как жизнь. Когда хорошая погода совпадала с выходным днем, выходили погулять по этой улице и около. Там тогда стояла масса пивных ларьков. К кружке пива подавали закуску — бутерброд с красной икрой или кетой. Кашин пил пиво, а закуску оставлял жене и дочке — пусть побалуется. Вот так бы жить потихоньку и жить, дождаться квартиры — должны же когда-нибудь её дать! Вот только со здоровьем дело никак не налаживалось. Стал Кашин тяжело кашлять, хотя курить не бросал. Попрежнему высасывал три пачки «Беломора» в день. В конце концов Лида настояла и погнала его к доктору. Тот обнаружил затемнения в обоих легких. Послал к туберкулезный диспансер. Лида по ночам, когда он уходил на очередное дежурство, рыдала в подушку. Командованию отсутствие Кашина по уважительным причинам стало надоедать. Кто за него должен работу делать! Понятно, что он герой, что он один из лучших боевых офицеров, но если нет здоровья, пусть уходит на заслуженный отдых, иначе говоря, на гражданку.

Пока Кашин боролся за своё право участвовать в военной жизни страны, в самой стране произошли внезапные и быстрые изменения. Ушел из жизни Отец народов и великий кормчий. Вся страна ревела белугой и ждала немедленного нападения с применением атомного оружия. Потом появились разговоры, что Политбюро готовится объявить народу совершенно секретные сведения о жизни и деятельности Великого вождя. И точно: на XX съезде Никита Хрущев зачитал закрытое письмо, которое коммунисты должны были донести до простого народа. В воинских частях это было обставлено наподобие второй присяге на верность Ленинской партии. Никаких комментариев и вопросов не допускалось. Кашин ходил мрачный, с женой не разговаривал, только кашлял без конца, да вскакивал

среди ночи с криком «За мной в атаку!!». К этим ночным призывам Лида и дочка давно привыкли. Война всё еще горела внутри, жгла его сознание.

Десять лет победы страна отмечала скромно. Разумеется, в газетах было много шума, народ не сам по себе, а под мудрым руководством партии одержал историческую победу над фашизмом, чем доказал в очередной раз преимущество социалистического строя. Жить стало немного лучше, но намного веселее. Появились отечественные антибиотики, которые и помогли Кашину справиться с легочной болезнью. Однако начальство решило, что Кашину пора на отдых. Его вызвали к командиру части, который показал ему приказ о выводе на пенсию с одновременным присвоением звания капитана. Ранней весной пятьдесят шестого Кашин с семьей возвратился в Озеры. Из очереди на московскую квартиру его, конечно, тут же убрали. Да и что ему было делать в Москве при отсутствии гражданской специальности?

Надо было начинать жизнь с чистого листа. Кашин устроился экспедитором на местный хлебокомбинат. Слово красивое, а должность самая ничтожная — грузчик, ответственный за перевозимый груз. Выбирать не приходилось, — городок маленький, почти все рабочие места заняты. Лида устроилась по хозяйству в детский сад, чтобы дочка была под присмотром весь день. Опять же, кормили из оставшегося после детей. Экономия.

Всё свободное время Кашин трудился в доме и на участке. Работа на свежем воздухе пошла ему на пользу. Кстати сказать, курить он почти бросил — не более семи сигарет в день. Врач на прощанье предупредил: «Если жизнь дорога, бросай курить, не то опять в легких начнется процесс».

Есть одно свойство у народа России — не надеяться на власть, выживать своими силами. Главное, чтобы не было войны. А пословиц про труд и про лень множество: «Что потопаешь, то и полопаешь», «Летний месяц год кормит», «Труд кормит, а лень портит» и так далее, и прочее.

Ох, как тут, на земле пригодились им агрономическое образование Лиды! Кашин исполнял дотошно всё, что она велела. И вообще он охотно подчинялся её приказам, ему нравился её веселый командирский тон. В свободные часы она занималась образованием дочки — читала ей книжки, учила играть на стареньком пианино, учила говорить по-французски. За короткий весенне-летний сезон Кашин высадил в грунт яблони и вишни, построил большой сарай, курятник и свинарник. Картофель и другие жизненно-важные овощи они внесли в хорошо подготовленную землю, так что зеленые ростки пошли вверх раньше, чем у соседей.

Работа на земле, если не надрывать, всегда приносит радость. Оба они просто помолодели, загорели и физически, и психически окрепли. Кашин почти перестал по ночам «ходить в атаку». После развоза хлеба он вносил в дом еще теплую буханку и её скромный аромат заполнял комнаты. Он звал дочку: «Иди сюда, посмотри, какая красивая буханка, как хорошо пропёкся хлеб! Понюхай его!» О, ему было что вспомнить о своем полуголодном детстве, о холоде, который проникал зимой сквозь жалкую одежку. Как же хороша стала теперь наша жизнь! Если бы он верующим, он бы благодарил Бога, но он был чистосердечным коммунистом и потому всё нынешнее благо объяснял мудрой политикой партии.

Действительно, что нужно простому рабочему человеку, живущему от деяний рук своих на двенадцати сотках русской земли, за которую он четырежды проливал кровь и чудом остался жив? Да то же самое, что и во всем остальном мире — крышу над головой, тряпье, чтобы прикрыть тело и еду для пропитания. Так по Библии. А в первую очередь нужно почитать своего всемогущего Бога, но рассуждения на эту тему уведут нас в такую даль, что мы забудем о судьбе моего героя. Тряпками Кашин не интересовался, в еде был скромен, крышу он починил, роскошный подвал, что был выстроен на французский манер, он набил бочками со всякими соленьями и вареньями, морковкой, кар-

тофелем, капустой. Да, шоколада там не было. Трюфелей, спаржи, миног в уксусе и прочего там тоже не было. А натуральный мед был. Лук и чеснок в красивых плетенках висели по стенам кухни. Всякая полезная для здоровья трава хранилась в банках в самодельном буфете. Вот дом, который построил Джек или Джон. Почему Джон? — Потому что звали его Иваном.

Дочка росла, умнела, болтала с матерью по-французски, уже играла полонез Огиньского, который отец готов был слушать бесконечно со слезами на глазах. Чтобы в школе пацаны не обижали дочку, он учил её приемам боевого самбо, показывал как и куда бить, чтобы свалить противника наверняка. Сам он шутки ради иногда разрисовывал на газете круги и метал ножи или топор. Рука у него была поставлена будь здоров! Дочка видела его в разных житейских ситуациях. Он никогда не участвовал в массовых крикливых дискуссиях, не толкался в очередях, не лез выяснять отношений с пьяными, которых всегда на Руси хоть отбавляй. Однако если появлялась малейшая опасность нападения на него или на его семью, он давал столь быстрый окорот наглецу, что тот не успевал даже сообразить, что произошло и почему он валяется без картуза на земле. В народе его звали за глаза волком. Мало кто мог выдержать его горячий пристальный взгляд. Дочь гордилась отцом и ничего не боялась, свободно ходила, где хотела, делала разные покупки или шла пешком до Оки и покупала у рыболовов лещей, головлей, крупную плотву или щук. Ока в те времена была еще очень богата хорошей и здоровой, не травленной рыбой. Родителям ходить было некогда, работы по дому и по хозяйству всегда было выше головы.

Вот и подошло время прощаться со школой. Лида мечтала о высшем образовании для дочери. Посоветовались и решили, что лучше всего ей поступать в Московский областной педагогический институт на отделение иностранных языков. Всегда найдет работу и даже сможет подрабатывать частными уроками, если случится жить в большом

городе. Там многие мечтают выучить детей иностранному языку. Как наметили, так и получилось. Родители ходили радостные и гордые, написали письмо сестре в Омск, где она устроилась бухгалтером.

Дочка училась и училась, преподаватели хвалили её за хорошее французское произношение. Летом она подрабатывала, ездила проводником на Дальний Восток, её знание иностранных языков давало ей возможность работать в спецвагонах, где пассажирами бывали и иностранцы. Это вам не общий вагон и даже не платцкартный, где оба туалета через час пути представляют собой страшное зрелище. Две дамочки из благотворительной американской организации «Джойнт» рискнули отправиться в Хабаровск в советском поезде, и поутру одна из них вернулась из туалета с квадратными глазами и криком «There is danger», в смысле «опасно для жизни».

В конце четвертого курса дочка приехала домой и объявила родителям, что собирается замуж. За кого же? За ассистента кафедры английской литературы... — Значит надо привезти его сюда, в Озеры, познакомиться надо... — Хорошо, она уговорит его приехать. — А где же они будут жить? — У него две комнаты в центре Москвы, правда, в коммуналке. — Ладно, вези его сюда. Кашин ходил в задумчивости, представлял себе молодого парня, с которым он сядет за праздничный стол, как они разопьют шкалик водочки и закусят хрустящими огурчиками собственного засола, а потом он поведет его на экскурсию и покажет курятник, крольчатник и свинарник, покажет разный инструмент, которым он всё это сам сотворил в одиночку...

Через пару месяцев, когда уже отплодоносила клубника на грядках и появились первые черно-бордовые вишни дочка привезла лысоватого, картавого еврея лет тридцати пяти с лохматыми черными бровями и отвислой нижней губой, одетого в ковбойку, светлые узкие брюки и с рюкзаком за спиной. Кашин обомлел. Пришелец представилсяевой и закурил сигарету «Новость» с фильтром. «Здо-

ровые бережет», — мелькнуло в голове Кашина. — «Прошу в дом», — с наигранной веселостью щебетнула Лида. Лева решительно перешагнул порог, поставил рюкзак в угол, вытащил из него бутылку «Столичной» и батон копченой колбасы и положил на стол. «Дочка, давай быстренько накроем стол, а вы, Лева, пока отдохните на крылечке», — засуетилась Лида. Лева кивнул и вышел. Кашин подошел к нему с бычком «Примы» прикурить. Молчать было неловко и он спросил: «Как доехали?» — Нормально. — «Куришь давно?» — «С четыг'надцати лет...» — «Сколько выкуриваешь?» — «Пачку в день...» — «Я после войны три с половиной пачки выкуривал...». Разговор иссяк. «Я хотел сп г'осить, — начал Лева, — можно я поставлю палатку там в углу дво г'а? Люблю ночью подышать свежим воздухом...». — Он взглянул на Кашина спокойными зелеными с рыжей искоркой глазами. «Можно...». — «Спасибо».

За столом все выпили и после ста пятидесяти граммов Кашин постепенно стал успокаиваться. «Ну, что ж, человек, как человек, не суетится, не болтает, пьет по-нашему... Ладно, поживем — увидим». Кашину общаться с евреями почти не приходилось. Вспомнился политрук их роты Давидка Кацман, который был очень грамотен в политике, читал воодушевленным высоким голосом фронтовые газеты. В сорок втором поднимал бойцов в атаку, вскочил на бруствер и тут же был сражен наповал. В Москве встречал их на улицах, но общения не было. Вспомнил опять, что в сорок четвертом один сержант собрал вокруг себя солдатиков и плел им какие-то анекдоты про евреев; солдаты смеялись, а сержант добавлял, вот какие они, вот какие они сволочи. Кашин тогда подошел к сержанту и врезал ему в хавальник от души, добавив: «Мы здесь все воюем за нашу родину, только ты, падаль, можешь попасть в плен и надеяться, что тебя помилуют, а евреи и командиры Красной армии сразу идут под расстрел!»

После обеда Лева пошел ставить палатку, прихватив топор. Женщины мыли посуду и болтали, а Кашин занял-

ся своим нескончаемым трудом земледельца. Ночью ему не спалось, вставал, выходил покурить, думал...

Лида, мучимая любопытством, зашла к дочке: «Что же ты, моя красавица, такого старого выбрала себе в мужа?» — «Ты знаешь, мама, он такой забавный... Очень интересный человек. У него такая биография... Гонял плоты по Иртышу до Игарки, работал в геологических партиях, потом на метрополитене, еще на заводе «Калибр» фрезеровщиком. Потом поступил в университет. За два месяца до поступления взял английский с нуля. А у нас в пединституте он главный по студенческим отрядам, которые направляют осенью на картошку. Он так здорово управляет с девчонками — у нас ведь в основном студентки, парней очень мало. А отец его был до войны главным специалистом Артиллерийского управления СССР, я видела его книжку двадцать восьмого года издания с таким смешным названием: «Протяжки». Его даже командировали в Америку, наверное, с шпионскими целями, а потом в тридцать седьмом арестовали, но не расстреляли, как дедушку, а после смерти Сталина он был какой-то важной шишкой на Норильском комбинате, а потом приехал в Москву, но в семью не вернулся...». — «Ладно, спи, дочка. Главное, чтоб тебе было хорошо», — Лида выключила свет и вернулась к домашним делам.

Дочь вышла замуж, переехала к мужу в Москву, общалась с его товарищами и, конечно, нахваталась всяких диссидентских идей. Теперь во время её заездов домой возникали жаркие дискуссии с отцом-ретроградом по внешней и внутренней политике, которую проводило Ленинское политбюро. Про расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске отец ничего не знал и говорил, что это всё выдумки зарубежного радио, которое вообще не нужно слушать. Они, мол, всегда были нам врагами и желали нам гибели. В отношении ввода войск в Чехословакию он на вопрос дочери, чего мы туда полезли, отвечал, что там у нас государственные интересы. Если отдать им Чехословакию, они

влезут в этот коридор со своими войсками НАТО и таким образом приблизятся к нашим границам.

Мировоззрение Кашина стояло на трех китах: страна должна сама себя кормить, обувать, одевать, должна обеспечить народ крышей над головой, но в первую очередь, конечно, должна крепить обороноспособность, чтобы не повторилось вторжение. У него была непоколебимая вера в печатное слово. В газете «Правда» всё, что напечатано, есть самая чистая правда. А газета клеймила проклятых капиталистов, приветствовала классовые бои в странах капитала, рассказывала об апартеиде, политических убийствах — самого президента застрелили! Мартина Лютера Кинга застрелили, Ку-Клукс-Клан у них бесчинствует. И они еще учат нас свободе! Ну, как ты, дочка, можешь им верить?!

Между тем, экономика страны катилась вниз, после Хруща стали прикупать зерно в Канаде, не хватало средств поддерживать нерентабельные предприятия, качество продукции снижалось год от года, жили за счет экспорта нефти, газа, алмазов, леса и обогащенных руд. Ходил анекдот про японца, который приехал в Союз, смотрел на всё наше хозяйство, и стали его спрашивать, что ему понравилось больше всего. Он ответил, что дети. — Почему дети? — Потому что вы руками ничего делать не умеете.

* * *

Объявленную перестройку с ускорением Кашин воспринимал насмешливо, потому что выяснилось, что эту перестройку надо начинать с себя. Что это значит, никто толком не мог объяснить, равно как никто не мог объяснить, почему с полок магазинов стали исчезать самые необходимые товары. Дочка в Москве закупала мыло, гвозди, шурупы, носки, белье и прочее. В Озерах ничего такого давно не продавалось. В один из приездов она сообщила, что развелась слевой, надоело, мол, его психопатство. Никак не мог защитить диссертацию, винил в этом весь свет, ко-

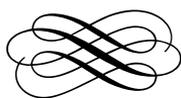
торый не ценит истинные таланты. Денег не хватало, и он стал обвинять её, что она не умеет вести хозяйство, совал свой нос в кастрюли, учил, как варить борщ. Одним словом, надоел и опротивел. И вообще, не мужчина!

В начале девяностых вообще всё производство остановилось. Даже в магазинах Столицы в мясных отделах на витрине лежали черные сатиновые мужские трусы образца тридцать девятого года. Если бы не домашнее хозяйство, жить бы пришлось в проголодь. Лида не раз приезжала к дочери с сумками домашней снеди. О росте преступности не писали, но и так было видно, что накопленное за сорок лет добро, хоть и не высшего качества, стремительно разворовывается лихими людьми. Даже оружие, взрывчатку крали целыми машинами. Чеченцы украли из банка в Москве девять миллиардов рублей по фальшивым авизо. Конечно же, такое сделать можно было только с участием персонала банка...

Ранняя осень девяносто второго выпала удачная. Стояли ясные, теплые дни, к утру температура падала но всё же была выше нуля. У Кашина на грядках красовались чудесные, один-в-один кочаны капусты. Будет, чем набить бочки в подвале. В то утро тринадцатого сентября Лида разбудила мужа и шопотом сказала: «Вань, возле нашего забора машина остановилась, приехал кто-то, выгляни, но осторожно, знаешь, какие люди теперь стали...». Кашин оделся, взял плотницкий топорик, сунул его за поясицу и вышел на крыльцо. На грядках неторопливо трудились два бугая. Срезали кочаны и сносили их в кузов «Газели». «Ну, как капуста? Нравится?» — подходя спросил Кашин. — «Капуста просто отличная!» — ответил один из них. — «Ну, что ж, если нравится, заносите её ко мне в сарай и там аккуратно складывайте», — миролюбиво предложил Кашин. — «Слушай, старик, иди домой к своей старухе, видишь — мы делом заняты, еще нужно навестить твоих соседей... Иди не мешай работать...». Кашин спокойно подошел к говорящему. Тот распрямился, он был почти на голову выше,

и толстой ручищей двинул Кашина в грудь: «Пошел отсюда, пока я не разозлился! Могу и покалечить!» Кашин выхватил из-за спины топорик и двинул великана обухом по правой ключице. Тот охнул, свалился на землю и отключился. Второй, видя ситуацию, вытащил из кобуры подмышкой пистолет, перевел затвор и выстрелил. Пуля просвистела рядом с ухом Кашина. Что оставалось делать? — Привычным движением он метнул топорик в голову стрелявшему. Топор аккуратно раскроил лоб бандиту. Вышла Лида. Увидела и ужаснулась. «Ваня, что ты наделал! Ты всю нашу жизнь поломал! Отдал бы ты им капусту, как-нибудь прожили бы и без неё. Их товарищи теперь нас убьют, отомстят нам, дом сожгут, всё сожгут, дочке ничего не останется!

Кашин сидел молча и курил. Одна лишь мысль бродила в его седой голове: «Не дали нам с Лидой спокойно умереть. Не дали...».

А. Толчинский. Побивание камнями

ПЛАВАНИЕ ВОЛЬНЫМ СТИЛЕМ

Позвольте высказаться. По моему личному опыту, стихи рано или поздно приходят к нам, пишущим прозу, как результат длительной работы ума над текстами. В стихах мысль более отточена, а если она еще и поддерживается гармонией, красотой слога, она запоминается и становится двигателем чувств. Талантливые стихи мудрее художественной прозы.

1

* * *

Береги семейные архивы.
В них видны историй и судеб
Прихотливые и странные извивы.
Береги — они нужны, как хлеб.

Собирай семейные архивы,
Голосам минувшего внимай.
Все проходит — нет альтернативы.
Не ленись, прилежно собирай.

Собирай семейные архивы.
Как проста и как понятна цель.
Все течет. Приливы и отливы
Век качают жизни колыбель.

* * *

Звезды живут миллиарды лет.
Скалы живут миллионы лет.
Могучие дубы живут сотни лет.
Человек не живет и сотни.
Ах, как жалок человек!

Меж звездами — ледяная тьма и тишина.
Среди скал летят со свистом лихие ветры.
Дубы противостоят стуже и ветрам.
Человек замерзает насмерть,
Но излучает тепло подобно звездам.

Обнимемся!
Мои руки тоскуют по твоему теплу.
Когда я прижимаюсь горлом к твоему плечу,
Я слышу биение твоего сердца.

Миллионы сердец отстукивают код Жизни
На телетайпной ленте времени.
Мое сердце — детектор сигналов,
Которые ты посылаешь в мир.
Я слышу твои позывные...

* * *

Когда стою в реке воспоминаний,
То чувствую, как долго я живу,
Как много крошечных моих событий
Влилось в историю оставленной страны
И мира...Сколько судеб
Известных иль подобных мне людей
В реке воспоминаний затонуло.
И чувствую, что стоит лишь нагнуться
И взять со дна реки хоть камень в руки —
Он оживет, заговорит, заплачет...
Как бесконечно жизнь разнообразна —
Сквозь годы протянувшаяся нить!

...Читал однажды, но не смог осилить
Роман на восемьсот страниц иль больше,—
И весь роман описывал всего лишь
Один денёк, что прожил некто Блум,
Шатаясь по кафе и ресторанам,
Болтая и глаза на витрины.

Моей подруге, — славной, милой *Анну*,
Прожившей мало, много пережившей,
Жизнь кажется хайвеем в темноте:
Несешься по нему и в свете фар —
Лишь считанные метры впереди
Да черный лес по сторонам дороги,
Блеснет и вмиг погаснет огонек
Далекого селенья — ты ж летишь,
Сжимая руль, весь поглощен движеньем,

...Но вот я вышел из реки на берег
И сразу стал мальчишкой иль студентом,
Забыл почтенный возраст, боль в суставах,
С биением сердца жду свиданья с *Anny*
И предвкушаю поцелуя сладость.
Спешу навстречу ей, раскинув руки,
И снова мне неполных двадцать лет!

О, друг волшебный, сладостная *Anny*!
Мы прожили и пережили жизнь,
Ушедшую с вторым тысячелетьем.
А в третьем будущего нет у нас, увы.
Осталось настоящее — *Сегодня*.
Сегодня день, когда начался год,
И я бокал с шампанским поднимаю
За нас с тобой, мой друг, и за *Сегодня*.
Пусть в час закатный ярко светит солнце,
Нас — пленников любви благословляя.
Ведь быть счастливым — тоже добродетель!

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Памяти Олега Вассермана

Счастье — это сладкий пирог,
Пропитанный радостью.
Ты делишь его на части
И даришь друзьям и родным.
И вот его меньше и меньше.
Как быстро делится счастье!
Как быстро оно исчезает...

Горе — это черствый хлеб,
Сцементированный слезами.
Приходят друзья и родные
И просят дать им кусочек.
Но нет ножа, чтоб разрезать,
И нет молотка, чтоб разбить,
И нет кислоты растворить.

Ты делишь его с женой,
Но его не становится меньше.
Ты делишь его с детьми,
Но его не становится меньше.
Кусок, что ты проглотил,
Растет, заполняя желудок,
И давит, давит на сердце.

Ты плачешь и стонешь от боли.
В глазах темнеет от боли,
И слов не слышишь от боли...
Но вот проходит время.
Долгое, долгое время.
Глаза начинают видеть.
К тебе возвращается слух.

Ангел тебя утешит.
Может, он скажет: «Все вы
Так же, как я, бессмертны»,
Пообещает встречу
С милыми и родными.
«Надо лишь твердо верить.
Просто спокойно верить».

К России

В стране, где процветает мразь,
Где гнусно лицемерит власть,
И злых обид не перечеть,
Где осенью глядит весна,
Где просинь в тучах не видна
И книгу судеб не прочеть,
Где непонятно слово «мир»,
И лис крадет последний сыр
У нищих, клюнувших на лезть,—

Живи надеждой и лови
Невнятные слова любви
Сквозь громыхающую жечь.
Надейся — вестник принесет
Больной стране Благою Весть.

2

* * *

Затемье, Зазеркалье, За-граница.
Баркас, уснувший посреди реки.
Где встретимся — в Париже или в Ницце,
Послав друзьям прощальные гудки?

Сегодня ты, а завтра я, похоже.
Куда идем рассудку вопреки?
На кошелек змея меняет кожу.
Баркас остался посреди реки.

Нас вечность пригласила на побывку.
Приникнув, как дитя к её плечу,
Прошу — от смерти сделайте прививку.
Она мне отвечает — не хочу.

Штормит Вселенная. Я слышу в этом громе
Весь шум, всю ярость выгоревших звезд.
Идем! Если не мы, то кто же кроме
Оставит след невыплаканных слез.

ПОДРАЖАНИЕ БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

...Мне кажется, что мы запомним это
И память — наш союз, непобедим,
Хоть мы с тобой пересекли полсвета,
А дым отечества для нас обычный дым.
Но пустоту мне не заесть малиной,
Как ни была б малина хороша.
Мой друг, я устаю от жизни длинной,
Не знаю, отчего болит душа.
Эх, если б отмотать назад полсвета,
Вернуть обратно тихих сорок лет,
Упасть, как метеор или комета
На Красной площади — вот как пришел Поэт!
Идти, ступая вслед за Гумилевым,
Быть заговорщиком, хоть он не преуспел,
Потом плевать в чекистские проборы
И равнодушно выйти на расстрел...

* * *

Ответ ваш выглядит вполне конгениально, —
Так зрелый рифмоплет оценивает вас,
Хоть в жилах у меня давно прокисший квас,
Мне холод видеть ваш, увы, совсем печально.

Ужели наша жизнь как полу-проводник,
Течет в ней слабый ток по божьему веленью
С начала — и к концу, к небесному Отцу,
Чтоб дать ему часок пустого развлеченья.

Я ненавижу жизнь, я презираю смерть,
Я против воли втянут в круговерть.
Одна лишь ты, одни лишь вы, поверьте,
Спасение души, страдания души...
Глуши в себе, глуши, сиди в своей глуши!
Всё от тебя приму в преддверье злобной смерти.

* * *

Любимая, увы, ты, стоя у окна,
Не ждешь меня в прекрасном нетерпенье.
Меня никто не ждет. Никто. Одна луна
Холодные лучи бросает в заточенье.
Я в грустном размышлении ловлю,
Пытаюсь уловить оттенки смысла:
«Не верю» отвечать на «я люблю»,
Чтоб сохранить качанье коромысла.
Да, жизнь — весы. Чем больше *он* дает,
Тем вниз быстрее идет движенье чаши.
А что же лучшие стремленья наши,
Коль результат известен наперед?

Хоть всё давно прошло и все пропето,
Не презирай последний дар поэта.

* * *

Как мало человеку нужно — улыбку, взгляд,
хоть сквозь очки,
сидели за столом недружно, ушла, не протянув руки,
смотрели скучные картинки
давным-давно прошедших лет:
один, с семьёю под сурдинку, родня, работа — винегрет...
Но всё горит в душе желанье под гнетом доли роковой
любви и нежности — и с той, и даже с этой на прощанье.
пусть платонической — любой, в алмазных
россыпях блистанья
за миг волшебный обладанья чужой божественной душой.

* * *

К чему слова, когда любовь едва
 Теплится у подножия Высокой?
И голос твой измученно-далекий
 Доходит до середины естества,
И бродит по Вселенной одинокий...
 Но ты жива, пока душа жива.
А мы живем, по-прежнему живем,
 И в суете-сует не бережем
Что следует беречь зеницей ока.
 Когда твоя любезная далеко,
То кажется — гора свалилась с плеч,
 Та, что вздымалась раньше так высоко.

И жизнь спустя, напрасно понимаем,
 Что в глупости своей побрезговали Раем.

* * *

Уж много лет не радует погода,
Врачом предписан идилический покой.
Я, честно, разлюбил любое время года
И утешаюсь лишь Онегинской строфой.
С печалью я гляжу на наше поколение,
Ушли мечтания, пропал рабочий пыл,
А если кто-нибудь в почетной свите был, —
Пусть вспомнит суету и пошлое волнение.
Сегодня холодно, хоть ярко светит солнце,
Скворец взмывает под проснувшимся лучом.
А я смотрю в немытое оконце.
Вот, рядом с ним живу, а вроде ни при чем.

Как поживает шеф, мой давешний кумир?..
Небось, уже ушел в потусторонний мир...

* * *

Да здоровствует Thanksgiving Day!..
Как говорил один еврей,
А может быть, античный грек,
Что всё течет из века в век

И не меняется совсем.
Всё так же я живу и ем,
И запиваю коньяком,
Чтоб меньше думать о плохом.

Тебе в прекрасный день и час
Я посвящаю свой романс,
Хотя я слабый романист,
Философил, агностицист -

Кругом стена и нет дверей,
Как говорил другой еврей...*

* Станислав Ежи Лец

* * *

Зажав рыданий мелкую икоту,
Терзаю опустевшую постель.
Развеялся любви душистый хмель,
Большая совесть вызывает рвоту.

Всё, как всегда, уже не в первый раз.
Припав к руке, не поднимая глаз,
Она дышала томно и легко
На оттоманке в стиле рококо.

А я стоял, как Демон, перед ней,
Клинок сжимая в левом кулаке,
И холод лился из моих очей,
И глас «Свободен!» слышал вдалеке.

Свободу, словно грязное бельё,
Я ныне отдал бы за нежный взгляд её.

Один из тысячи
(переводы из Р. Киплинга)

Один из тысячи, — рек Соломон, —
Станет ближе тебе, чем брат.
Полжизни стоит искать Его,
Чтоб найти среди сотен других.
Все, кроме Него, смотрят, каким
Мир видит тебя
Но только один станет Другом твоим,
Пусть весь мир против тебя

Внешний вид, обещанья, молитвы — нет,
Не помогут найти Его.
Все, кроме Него, будут судить
Твои взгляды, действия, славу.
Но если найдет Он тебя, а ты — Его
Весь мир тогда будет не важен:
Он будет всегда тонуть или плыть
С тобою в любой воде.

Ты возьмешь его кошелек без слов
И Он возьмет у тебя;
Вместе с Ним каждый день и смеетесь вы,
Словно нет никаких долгов.*
Всем, кроме Него, раздавай серебро
Ради их личных дел
Но Он для тебя стоит выше других,
И ты можешь открыться Ему.

Ошибка Его словно твоя, и Его правота — твоя.
Постоянно и навсегда.
Встань, держись рядом с Ним перед всеми,
А причина здесь только одна!
Все они, кто вокруг, не вынесут груз
Насмешки, издевок, стыда.
Он же вечно стоит на твоей стороне
Вплоть до виселицы — навсегда!

* Предпоследняя строфа очень близка по смыслу оригиналу, и она изобличает филистерское, поверхностное понимание дружбы у западного человека, когда можно взять лишь взаймы. Мы, россияне, не такие (прим. — А.Т)

* * *

Погода — мрак. Дожди уж третий день.
Я затоплю камин, налью вина в стакан,
Дневник открою, — мне писать не лень.
Сидит мой пёс. Сидит, как истукан.
Застыл в молчанье, смотрит на меня...
Что думаешь, товарищ верный мой?
Я знаю только — мне тепло с тобой,
Так доживем до солнечного дня!
Сейчас в окошке холод и туман.
Вон побежали девки под зонтом,
Пойдем за хлебом, честный истукан,
Поговорим дорогой о своём.

Что делать, если выпало нам жить? —
Вести дневник и с верным псом дружить.

* * *

Колчан мой пуст, я расстрелял все стрелы,
Грустит в тиши румяный Купидон.
Пролив Любви тесней, чем Дарданеллы,
В ночи лишь слышен погребальный звон.

А был ли день, наполненный любовью,
Была ли нежность, беззаботный смех,
Блаженство, подкрепленное здоровьем,
И праздномыслие для дружеских утех?

Что было, то прошло и ныне равнодушно
Гляжу на мир заполненный тщетой,
Кичливой властью перед нищетой —
Мне стало всё равно, обыденно и скучно.

Старею я, стареет милый друг,
Планета кружится, — вот и закончен круг.

* * *

Как ангел любит и боится Бога,
Так трепет и восторг пред именем твоим
Я испытал, хоть в жизни видел много.
Злосчастный вечный жид и вечный пилигрим.

Что это — волшебства таинственные чары,
Проклятья и огонь ессейских мудрецов
В пещерах, на стенах покинутых отцов,
Увековечивших глубоких снов кошмары?

Расставшись с верою — нелепым предрассудком,
Одной любовью в досталь напоён,
Я потерял уж счет тем промелькнувшим суткам,
Что прожил в одиночестве своём.

Закон любви не терпит расставанья.
Молю забвенья, чтоб уйти от наказанья.

* * *

Да старость — это просто одиночество.
Не Рим, а осажденный Ленинград.
Изжога от несбывшихся пророчеств,
Познание истины, которой ты не рад.

Мы все актеры, — это установлено.
В театре или в жизни — не вопрос.
Конец спектаклю. Время остановлено,
Всерьез играл ты или не всерьез.

Ты проклинай не старость — день рождения,
Когда впервые ты открыл глаза.
Привычка к жизни — это наваждение,
А жить не хочется и умереть нельзя.

Больная совесть, груз воспоминаний...
Привычка к жизни тверже, чем гранит.
Земля людей рождает для рыданий,
Так доставай смертельный цианид!

Сказать «Прощайте», растопырив руки?
О, Боже, пошлость всё! Иду на муки!

* * *

Что-то галльский петух
всё не может никак успокоиться –
Эти полные женские ноги пред ним
возникают в ночи.
И как в сложной игре пред началом
должны мы условиться,
Кто начнет выпекать,
а кто будет съедать калачи.
Нет, здесь речь об еде
совершенно притянута за уши,
Здесь слышан взволнованный
сердца влюбленного стук.
Здесь ревнивой тропой ведом
и любимого голоса звук
Я ловлю и не знаю, не выстлать ли
пол благородною замшей...
Ах, не все ли равно,
чем утешится сброшенный наземь петух.

* * *

Читая текст изысканный Ронсара,
Уложенный в бордовый переплет,
Ваш престарелый друг и рифмоплет
Еще горит от чувственного жара.

А впрочем, для чего нам эта жизнь дана?
Она, как кубок сицилийского вина,
Постылый разум обращает в бредни,
Спешим к заутрене, не отстояв обедни.

И на вопрос — куда, зачем спешим,
Мы с сардонической улыбкою ответим,
Что се ла ви и нет конца потоку.

Поскольку сей вопрос неразрешим,
Нет грани времени меж тем и этим,
Будь весел, тих и доверяйся року.

* * *

Когда забудешь про тоску-покой
И будет напрочь скошен травостой,
Ты, вспоминая сладкие мгновенья,
Уронишь горькую слезу в остывший чай
Вся жизнь проходит, словно невзначай
Всевышний позабыл дать освещенье.
И вот, мы тихо бродим в темноте,
Привычные к холодной немоте,
Уставшие еще до дня рожденья.
Встаю с колен, не завершив молитвы,
Как воин отказавшийся от битвы,
Не верящий в святое Воскресенье.
Чего я жду, чего хочу, Великий Боже, —
Мгновенной смерти, и лежать в рогоже?..

* * *

Быстрее бежать к Констанции — подружке,
К жене Моцарта — место ли свободно?
Иль лучше всё ж припасть к заветной кружке,
Или к другой товарке безысходной?...

Слышал я смолоду что слёзы — дело женчин.
Со смехом иль насмешкой я обвенчан,
Хотя сентиментально я слезлив,
Вам признаюсь, хоть малость некрасив.

Но что за дело мне, как выгляжу я ныне,
Когда в объятья верные спешу...
И если я сейчас не согрешу,
То век торчать мне колом на равнине.

Я верю, вечной юности богиня
Меня благословит, как присно, так и ныне.

* * *

Из ритма выбивается мой слог.
Уж не начало ль пылкого сонета,
Когда в душе не ищется предлог,
Когда душою ощущаешь это.
Когда не видишь никого вокруг.
Когда в глазах и в сердце милый друг.
Когда весь день и ночь благая весть,
Что ты живешь, что ты навеки есть...

Не верь, любимая, поэзии не верь,
За все на свете заплатить придется,
То проза жизни. Если же неймётся,
Тебя сожрет нетерпеливый зверь.
А проза жизни — это полотно,
Которое ткалось и до потопа.
Я не Улисс, а ты не Пенелопа,
Которых пережить нам не дано.

* * *

Ныне, о Господи, жду от тебя испытаний,
Чтоб закалялась душа от заслуженных жизнью страданий.
Ныне, Господь, припадаю к Тебе за простейшим советом—
Ждать или не ждать разрешенья судьбы этим летом.
Грешен ли я... Отпусти мне грехи или не отпускай.

Как желаешь.

Всё, что в башке своей грешной скопил я,
давно уж Ты знаешь.
Я о подачках просить или счастья уже не намерен.
Поздно с судьбою играть если путь твой
и грех твой измерен.

Я, напишу на стене моей: *мене, и текел, и перес.*
Сын, прикажи посадить там морковку, и тыкву, и перец.
Жарким вином поминай мою чашу страданий,
не слушая сплетен.
Стол поминальный с едой и питьем, и душою,
в которой я вечен.
Вот и окончен напев. Расходитесь, случайные гости.
Встретитесь вскоре на новом, цивильном погосте.
Мне же прошу обеспечить контакт океана и пепла,
Чтоб византийская вязь океана и пепла окрепла.

Алик Толчинский москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук. Живет в Бостоне.

Печататься начал в конце 90-х годов. Автор нескольких сборников рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Окончательный вариант», «Два гения», сборников эссе «Нонкомформист» и «Продолжение разговора» и др., изданных в 2004–2015 годах в Бостоне.

«Несколько слов о сборнике рассказов, который предлагается читателю. Главный герой этих рассказов — время. В этом моё мировоззрение согласуется с видением мира Иосифа Бродского, который посвятил многие строки взаимодействию человека и времени. Нельзя согласовать ужас вечного небытия с коротким праздником жизни. Не зря древние греки считали Кроноса самым жестоким и могущественным богом, пожирающим своих детей. Смертному остается лишь смириться и обрести покой в воспоминаниях о былом.

Меня давно беспокоит один вопрос: почему, понимая, как быстротечна жизнь, мы так плохо относимся друг к другу? Когда животные дерутся насмерть из-за еды, они действуют по закону природы — выживает сильнейший. Они не способны мыслить отвлеченно о будущем, но мы ведь прекрасно осознаем, что участь всемогущего тирана и последнего босняка, отщепенца — одна и та же! Я даже нахожу в этом высшую справедливость, хотя очень жаль всех хороших, работающих, талантливых. Что может быть ужаснее бессмертного тирана?..»

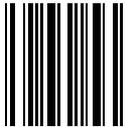
А. Толчинский

ISBN 978-1-940220-40-6

9 781940 220406

9 0000 >

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com